

МИНОБРНАУКИ РОССИИ
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«БРЯНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ АКАДЕМИКА И.Г. ПЕТРОВСКОГО»
(БГУ)

На правах рукописи

СОРОКИНА ЖАННА АЛЕКСАНДРОВНА

**ОТРАЖЕНИЕ ФИНАНСОВО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО КРИЗИСА
РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ
НА СТРАНИЦАХ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ОППОЗИЦИОННОЙ ПЕЧАТИ
В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ**

Специальность 5.6.1 «Отечественная история»

Диссертация
на соискание ученой степени кандидата исторических наук

Научный руководитель:
доктор исторических наук,
доцент
Алферова Ирина Викторовна

Брянск – 2025

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА I. ОТРАЖЕНИЕ РОССИЙСКИХ ФИНАНСОВО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ НА СТРАНИЦАХ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ НАКАНУНЕ И В НАЧАЛЬНЫЙ ПЕРИОД ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ	30
1.1. Российская периодическая печать и общественное мнение в контексте социально-исторического процесса периода Первой мировой войны	30
1.2. Экономика и финансы Российской империи накануне военного конфликта.....	52
1.3. Оценка периодической печатью мероприятий правительства в сфере экономики и финансов в начальный период Первой мировой войны	74
ГЛАВА II. ПЕРВЫЕ АНТИКРИЗИСНЫЕ ФИНАНСОВО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ МЕРОПРИЯТИЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА КАК ОБЪЕКТ КРИТИКИ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ. 1915 г.	98
2.1. Проблема мобилизации российской промышленности в оценках отечественной периодической печати	98
2.2. Введение такс и твердых цен в России как средство борьбы с дороговизной на страницах периодической печати	123
2.3. Государственный бюджет в годы войны в оценках периодических изданий	149
ГЛАВА III. ПЕРИОДИЧЕСКАЯ ПЕЧАТЬ ОБ ИТОГАХ ПРЕОДОЛЕНИЯ ФИНАНСОВО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО КРИЗИСА НАКАНУНЕ ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ В РОССИИ	174
3.1. Правительственная борьба с дороговизной и проблема «сахарного голода» в российской периодической печати в годы Первой мировой войны	174
3.2. Итоги деятельности правительственных структур в сфере производства и финансов в отражении российской оппозиционной печати в 1916 г.	201
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	230
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ	236

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Особенности развития отечественной науки в послереволюционные годы по ряду объективных и субъективных обстоятельств предопределили недостаточное внимание со стороны научного сообщества к ряду важных проблем, связанных с историей Первой мировой войны. В постсоветский период изучение участия России в военном конфликте значительно активизировалось, в том числе с привлечением широкого круга новых документов. Для рассмотрения целого ряда вопросов используется периодическая печать, которой в этот период принадлежала особая роль. Российские газеты являлись важнейшей составляющей общекультурного контекста военных лет, выступали в качестве субъекта идеологического влияния и одновременно – объекта воздействия на них военных событий, социально-политических и экономических обстоятельств, вызванных войной. Их контент не только отражал российские реалии на фронте и в тылу, но и по большей части «конструировал» их в тесной связи с редакционной повесткой, влияя на настроения и формируя общественное мнение различных слоёв населения, потребителей газетной продукции.

Периодические издания оказывали немаловажное влияние даже на ту часть населения, которая не умела, или не хотела читать, так как выражаемые в прессе взгляды распространялись в обществе путём последующей устной передачи. Крупные российские газеты, «благодаря внедрению новейших методов в типографское и редакторское дело завоёвывают читательскую аудиторию оперативностью информации, яркостью изложения материала, изданием приложений, устройством различных лотерей и конкурсов»¹. Однако именно «удовлетворение общественных нужд» в условиях Первой мировой войны оказалось на одном из первых мест в государственной и

¹ Боханов А. Н. Буржуазная пресса России и крупный капитал: конец XIX в. – 1914 г. Л., 1984. С. 69-70.

политической жизни страны, и участие прессы в решении насущных вопросов через распространение социальной и экономической информации заняло особое место в повседневной практике значительной части населения.

Первая мировая война явилась катализатором изменений в самых различных сферах жизни. В новых условиях организации экономической жизни, системы социальных отношений на арену истории вышли народные массы, не игравшие до этого времени самостоятельной исторической роли. В этой связи неизмеримо выросла роль средств массовой информации, которые были ориентированы на массовую аудиторию, формировали их картину мира. Изучение влияния массовой периодической печати на российское общественное сознание в условиях, предопределивших серьезные политические катаклизмы, является немаловажным вкладом в политическую историю страны.

Актуальность исследования определяется и особенностями трансляции периодической печатью ситуаций в российской финансово-экономической сфере. В оценках экономического и финансового потенциала Российской империи периода Первой мировой войны до сих пор сохраняются противоречащие друг другу оценки. Интерпретация материалов газет, которые оперативно и критично реагировали на происходившие трансформации в финансово-экономической сфере воюющей страны, в том числе в рамках антикризисных мероприятий российского правительства, позволяют приблизиться к воссозданию объективной картины происходивших процессов.

В выходивших в рассматриваемый период изданиях также сохранился значительный информационный потенциал, позволяющий раскрыть контекст политической, социально-экономической и духовной жизни российского общества времен войны. При этом современные цифровые возможности открывают новые перспективы для изысканий в этом направлении, ранее затруднительных из-за большого объема изучаемого газетного материала.

Объект исследования: российская периодическая печать в период Первой мировой войны.

Предмет исследования: специфика отражения в периодической печати состояния финансово-экономической сферы Российской империи в годы Первой мировой войны.

Степень изученности темы. В литературе различных периодов, посвященных истории Первой мировой войны, уделялось в той или иной степени внимание публикациям в средствах печати.

В советский период периодические издания рассматривались с точки зрения широкой возможности их использования в деле пропаганды. Большевики исходили из понимания роли прессы в условиях войны, поэтому в 1926 г. бывший царский генерал Н. М. Потапов выпустил книгу с характерным названием «Печать и война»¹. Опираясь на полученный в условиях Первой мировой войны опыт, автор отмечал: «Отвечая естественному стремлению каждого культурного человека знать обо всём, что происходит в мире, печать получает возможность, путём информации, анализа событий и соответствующего освещения отдельных фактов, проводить определённые взгляды, возбуждать настроения, вызывать пожелания и настраивать к действиям»². В дальнейшем изложении автор уточнил назначение выпускаемой книги: «Конечно, результаты, ожидаемые от использования печати, могут быть достигнуты только в том случае, если проводимые в печати кампании будут носить своевременный, стройный, систематичный и точно согласованный в своих отдельных частях характер, без малейших перебоев или каких-либо диссонансов»³.

Дальнейшее изучение прессы в советский период ориентировалось на эти задачи, ставя цель подчинить печать идеологическим целям, уделяя

¹ Потапов Н. М. Печать и война. С предисловием И. М. Подшивалова. М. ; Л.: Государственное военное издательство, 1926.

² Там же. С. 7.

³ Там же. С. 8.

внимание главным образом партийной большевистской прессе. Так, в конце 1930-х гг. появилась монография К. Омельченко «Большевистская печать», в которой с явным преувеличением рассказывалось о влиянии в годы Первой мировой войны на массового читателя газет «Правда» и «Социал-демократ», которые со всей очевидностью не могли конкурировать с популярными легальными «буржуазными» изданиями¹. В последующие годы тема большевистских изданий как отдельных, так и печати в целом являлась доминирующей. В книге А. Н. Боханова рассматривались особенности взаимоотношений между капиталом и прессой, которая представлялась в первую очередь как отрасль капиталистического предпринимательства в дореволюционной России².

Для нашей работы интерес представляет книга историка русской журналистики Бориса Ивановича Есина о дореволюционной газете в России, вышедшая в 1971 г. В монографии в том числе содержались характеристики изданий начала XX в.³ В последующие годы автор неоднократно обращался к этой теме⁴.

Ленинградский профессор А. Ф. Бережной явился первым исследователем журналистики периода Первой мировой войны. Эта книга, по-прежнему цитируемая в разных работах, богатая различного рода фактами, правда, работавшими на авторскую концепцию, была построена на основе партийного принципа: печать прогрессистов и кадетов, мелкобуржуазных партий – меньшевиков и эсеров. Выглядят своеобразным оправданием слова А. Ф. Бережного во введении к книге: «Автор не ставил перед собой задачи и не имел возможности в пределах такой работы рассмотреть печать и её

¹ Омельченко К. Большевистская печать. М.: Гос. изд. полит. литературы, 1939. С. 8-9.

² Боханов А. Н. Буржуазная пресса России и крупный капитал: конец XIX в. – 1914 г. М. : Наука, 1984.

³ Есин Б. И. Русская дореволюционная газета. Краткий очерк истории. 1702–1917 гг. М., 1971.

⁴ Из истории журналистики конца XIX – начала XX века. / Под ред. Б. И. Есина. М., 1973; Он же. История русской журналистики (1703–1917). М., 2000.

проблемы всесторонне, выявить и показать все её отряды и все изменения в содержании отдельных изданий»¹.

В диссертационном исследовании были задействованы периодические издания, которые отличались характерными взглядами на перспективы дальнейшего экономического развития Российской империи. Речь идет о печати, использовавшей возможности трансформации определенных направлений государственной финансовой политики и системы управления страной. Советская историография, исключавшая положительные оценки либерально-реформистского пути развития России давала поэтому крайне тенденциозные оценки изданиям, которые рассматривали монархическую систему правления в качестве обязательной для сплочения народа в условиях войны. Так, «Новое время», которое вело «постоянную и острую полемику с другими изданиями», а под «другими», несомненно, в том числе подразумевалась и большевистская печать, оценивалось в качестве «одной из наиболее реакционных газет», занявших место «на самом правом фланге ура-патриотической и шовинистической печати...»² Совершенно не соответствовало действительности обвинение «Нового времени» и «подобных ему газет» в том, что они «атаковали малейшие попытки высказать какие-либо более или менее трезвые мысли и представить действительно правдивые факты из жизни фронта и тыла»³.

В условиях мировой войны иную оценку газете давал политик и первый генерал-квартирмейстер немецкой армии Эрих Людендорф, рассуждая о постановке дела борьбы против пропаганды Антанты. Он отмечал, что Германии не доставало руководящей газеты, обладавшей сильной национальной основой, «которая имела бы на заграничные страны такое же влияние и такое же значение для Родины, как «Times» в Англии, «Temps» во

¹ *Бережной А. Ф.* Русская легальная печать в годы Первой мировой войны. Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1975.

² Там же. С. 29.

³ Там же.

Франции и «Новое время» в России...»¹ Взвешенная оценка газете дана в работе современного исследователя периодической печати Н. Б. Симоновой: «"Новое время" читал широкий круг русского общества, известный, влиятельный, правящий круг. Благодаря такой связи "Новое время" пользовалось привилегией быть более осведомлённой, чем даже официальные органы»².

В отношении газеты «Русское слово» советские авторы высказывались более снисходительно. Н. С. Вертинский – автор исследования о периодической печати в России, отмечал высокий уровень постановки в издании информационного дела, утверждал, что «это была, пожалуй, самая осведомлённая из всех русских газет»³. Для сравнения, тот же автор давал глубоко отрицательную оценку «Новому времени», заявляя, что «в течение десятков лет оно служило орудием пропаганды и организации всех реакционных сил страны для влияния на правительственные круги и поддержки реакционного правительственного курса»⁴.

А. Н. Боханов в своей монографии определял «Русское слово» как оппозиционную газету, «но отнюдь не партийную», она «не является органом ни прогрессистов, ни кадетов, ни какой-либо партии вообще»⁵. Однако при этом советские исследователи периодической печати периода Первой мировой войны ставили в вину сытинскому изданию якобы сознательное замалчивание вопросов политической борьбы. Эволюционному, осмысленному реформированию в советской исторической литературе предпочитался путь хаотичной революционной ломки, «всегда сопровождавшийся большими

¹ *Потапов Н. М.* Печать и война. М. ; Л.: Гос. воен. изд-во, 1926. С. 60.

² *Симонова Н. Б.* Система периодической печати России (вторая половина XIX – начало XX в.). Новосибирск, 2009. С. 34.

³ *Вертинский Н. С.* Газета в России и СССР: XVII – XX вв. М.; Л.: Государственное социально-экономическое изд-во, 1931. С. 76.

⁴ Там же. С. 75.

⁵ *Боханов А. Н.* Указ. соч. С. 58.

социальными издержками и нестабильностью в обществе»¹. Исходя из этих оценок, в вину этим изданиям ставилось то, что они строились на основе частного капитала.

С 1 по 5 июня 1998 г. в Санкт-Петербурге проходил международный научный colloquium «Россия в Первой мировой войне». В развернувшихся дискуссиях обсуждались политические, экономические, национальные и социокультурные спектры российской истории этого периода. В центре внимания находились острейшие проблемы воздействия войны на российское общество, особенности имперской политики, взаимоотношения власти и общества. В опубликованных материалах созвучно теме диссертации было выступление В. Л. Дьячкова и Л. Г. Протасова, которые отмечали, что «по газетным военным сводкам (обычно в разделе «Война») трудно отличить описание боевых действий на западных фронтах от того, что происходило на русском военном театре, – настолько скупы, хроникально-бесстрастны сообщения»². Тема войны опосредованно всплывала в газетах в форме раздражённой критики власти из-за угрозы материальных нехваток и дезорганизации снабжения. Интерес к роли прессы в отношении Первой мировой войны начал приобретать дополнительный смысл.

В 2006 г. вышла в свет монография Т. А. Белогуровой «Русская периодическая печать и проблемы внутренней жизни страны в годы Первой мировой войны»³, которая целиком была посвящена прессе периода войны. Монография, характеризуется широким охватом проблем, затронутых в ней: восприятие войны населением, организация помощи фронту, решение польского вопроса и его освещение в прессе, отражение в прессе

¹ Коваленко Н. А. К вопросу о либерально-реформистском пути развития постсамодеятельной и постсоветской России // Научный вестник МГТУ ГА. 2012. № 182. С. 9-10.

² Дьячков В. Л., Протасов Л. Г. Великая война и общественное сознание: превратности индоктринации и восприятия // Россия и Первая мировая война (Материалы международного научного colloquium). СПб., 1999. С. 60.

³ Белогурова Т. А. Русская периодическая печать и проблемы внутренней жизни страны в годы Первой мировой войны (1914 – февраль 1917 гг.). Смоленск, 2006.

шпиономании и пр. При этом исследование не акцентировало внимание на особенностях формирования контента периодических изданий в зависимости от редакционной политики, а также на специфику их влияния на различные группы читающей аудитории.

Важную роль в определении направления исследования сыграла книга Геннадия Васильевича Жиркова¹, который установил в ней наиболее авторитетные газетные издания периода Первой мировой войны, «"влиятельные" не только в России, но и "особенно на Западе"». Это были газеты: «Русское слово», «Новое время», «Вечернее время» «Русские ведомости», «Речь», «Биржевые ведомости», которые выходили двумя выпусками – утренним и вечерним². В соответствии с выбранной темой нашего исследования следует также добавить московскую газету «Утро России», выпускавшуюся представителями торгово-промышленного капитала и обладавшую авторитетом во всем Московском промышленном округе.

Современная историография 2000-х гг. отличается плодотворными усилиями в развитии проблематики Первой мировой войны и революции 1917 г. Этот период характеризуется выдвижением новых задач и направлений в изучении Российской империи накануне её крушения. Наиболее значимыми из них являются труды В. П. Булдакова³, выдвинувшие на первый план фактор массовой психологии и менталитета социальных слоёв и групп. Обозначенная проблематика максимально приближается к теме нашего исследования, посвященной роли периодической печати в отражении кризисной ситуации в экономике России периода войны.

¹ Жирков Г. В. От «народной» войны к народной трагедии: история русской журналистики 1914–1917 годов : Учеб. пособие. СПб., 2012.

² Там же. С. 52.

³ Булдаков В. П. Quo vadis? Кризисы в России: Пути переосмысления / Серия: Россия. В поисках себя... М.: РОССПЭН. 2007; Он же. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М.: РОССПЭН, 2010. Изд. 2-е, доп. Фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина»; Он же. Слухи, эмоции, большевизм // Вестник Тверского государственного университета. 2023. № 3. С. 5–21. Он же. Страсти революции. Эмоциональная стихия 1917 года. М.: Новое литературное обозрение, 2024 и др.

Пресса давала публичную оценку противоречивых и непоследовательных шагов, осуществляемых российской властью, показывала отсутствие реалистической политики и координации различных административных органов, критиковала недоверие к рынку, ставшее одним из факторов, предопределивших кризисные явления в экономической и финансовой сфере. Одновременно периодическая печать формировала отношение к этим явлениям, порождала изменения в массовой психологии.

Однако, несмотря на предпринятые усилия, направленные на изучение периодической печати и ее роли в отражении и формировании общественного мнения на различных периодах развития страны, по-прежнему остаются за рамками исследования вопросы, оказавшие существенное влияние на ход исторического процесса через воздействие на массовую психологию. Финансовый и экономический кризис в России, получивший развитие в период Первой мировой войны и нашедший широкое отражение в периодических изданиях, относится к проблемам, несомненно, требующим исследовательских усилий. При этом в целом на сегодняшний день в рамках отечественной историографии насчитывается немало фундаментальных исследований, посвященных экономике Российской империи в годы Первой мировой войны. О них следует сказать особо, поскольку эти работы содержат анализ острых проблем, с которыми столкнулась страна, а сопоставление мнения экономистов с оценками, присутствовавшими на страницах печати, позволит определить особенности предлагаемой читателям информации, возможности ее использования для достижения определенных целей и задач.

Первые труды, непосредственно обращенные к проблемам финансового и экономического кризиса, стали создаваться еще непосредственными свидетелями происходивших в военное время в экономической сфере процессов. Так, например, Я. М. Букшпан, экономист по специальности, в годы войны состоял статистиком-экономистом управления делами Особого совещания по продовольствию и регулярно печатал экономические обзоры в ряде газет, а в послевоенное время подготовил монографию, в которой выявил

как сходство в военно-хозяйственной политике воевавших стран, так и специфические особенности, обусловленные своеобразием хозяйственно-культурного развития¹.

Проблемами экономической политики в условиях Первой мировой войны занимался известный экономист Н. Д. Кондратьев, который работал в последнем составе Временного правительства. Часть его работ увидела свет только в 1990-е – 2000-е гг.²

Несомненный интерес представляет переведенная с немецкого языка в 1926 г. книга Рудольфа Клауса «Война и народное хозяйство России (1914 – 1917 гг.)»³. Монография посвящена финансовому и экономическому положению Российской империи, перестройке промышленности, транспорта, сельского хозяйства, торговли на военный лад в 1914–1917 гг.

Экономист Л. Б. Кафенгауз в 1915–1917 гг. заведовал статистикой в Московском управлении уполномоченного по топливу, был товарищем министра торговли и промышленности в последнем составе Временного правительства, публиковал экономические обзоры в газете «Русские ведомости». В 1994 г. была издана монография, не увидевшая свет при жизни автора⁴, в которой на основе систематизации огромного статистического материала ученый прослеживал динамику промышленного производства в переломные моменты российской истории, в том числе в годы Первой мировой войны.

¹ Букиштан Я. М. Военно-хозяйственная политика. Формы и органы регулирования народного хозяйства за время мировой войны 1914 – 1918 г. М. ; Л.: Государственное издательство, 1929.

² Кондратьев Н. Д. Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции. М., 1991; он же. Избранные сочинения. М., 1993; Он же. Большие циклы конъюнктуры и теория предвидения. Избранные труды. М., 2002.

³ Клаус Р. Война и народное хозяйство России (1914 – 1917 гг.). М. ; Л.: Государственное военное издательство, 1926. С. 41.

⁴ Кафенгауз Л. Б. Эволюция промышленного производства России (последняя треть XIX в. – 30-е годы XX в.). М.: Эпифания, 1994.

В трудах М. И. Туган-Барановского, И. И. Левина, З. С. Каценеленбаума, В. Т. Судейкина, С. П. Прокопович и др.¹ была предпринята попытка анализа изменений, произошедших с началом Первой мировой войны в российской финансовой ситуации и в промышленности. Важное место отводилось проблемам взаимодействия правительственных структур с военно-промышленными комитетами. Поскольку анализ осуществлялся по факту происходивших изменений, эти работы еще не могли носить обобщающий характер, но при этом сохранили значительное количество ценных фактов, основанных на наблюдениях свидетелей происходивших событий, пытавшихся разобраться в намечавшихся тенденциях.

Серьезный научный поиск, критический анализ источников, теоретическое осмысление происходивших событий позволили ряду советских исследователей, посвятивших свои изыскания российской экономике начала XX в., выявить и изучить многие проблемные вопросы, определившие развитие хозяйственной сферы в военные годы². Вместе с тем, стремление государства подчинить научные исследования однозначному идеологическому дискурсу отразилось и на развитии экономической мысли. «Межвоенные годы – это период острого конфликта экономиста-ученого с властью (тогда как годы после Второй мировой войны стали в этом смысле скорее временем компромисса)»³.

¹ См.: Туган-Барановский М. И. Влияние войны на народное хозяйство России, Англии и Германии // Вопросы мировой войны. Сб. статей. Пг., 1915; Он же. Народное хозяйство // Ежегодник газеты «Речь» на 1914 г. С. 342-361.

Доклад И. И. Левина «Проблема финансовой боевой готовности и финансовая боевая готовность России», 18 февраля 1914 г. // Известия Общества финансовых реформ. Пг., 1914. № 9. С. 3-36; Каценеленбаум З. Война и русский рубль // Труды Комиссии по изучению современной дороговизны. Выпуск 2. М.: Гор. тип., 1915. С. 1-56; Судейкин В. Т. Война и наша финансовая политика. Пг.: типография т-ва «Екатерингофское печатное дело», 1915; Прокопович С. П. Война и народное хозяйство. 2-е издание. М., 1918.

² Лейберов И. П., Шкаратан О. И. К вопросу о составе петроградских промышленных рабочих в 1917 году // Вопросы истории. 1961. № 1. С. 42-58; Гапоненко Л. С. Рабочий класс России в 1917 году. Ин-т истории СССР. М.: Наука, 1970.

³ Худокормов А. Г. Отечественная экономическая мысль межвоенного периода. Достижения и уроки // Первая мировая война: влияние на экономику России и мира: Коллективная монография. М.: Экономический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова, 2016. С. 140.

Несмотря на целый ряд присущих советской историографии 1920-х – 1970-х гг. негативных и спорных концепций, положений, приобретших на долгие годы характер догм, вопреки сугубо классовому подходу к историческому процессу, в том числе к истории России 1914–1917 гг., отечественная наука внесла свой определенный вклад в изучение экономической и финансовой жизни страны.

Например, доктор экономических наук И. В. Маевский в своей монографии «Экономика русской промышленности в условиях Первой мировой войны», написанной в 1957 г., пришел к характерному выводу, основанному на теории К. Маркса: «Уничтожение капиталистического строя в России было обусловлено всем ходом исторического развития»¹. Однако при этом автор рассмотрел развитие промышленности России накануне Первой мировой войны, показал результаты перестройки производства в условиях его мобилизации на удовлетворение нужд войны, затронул особенности развития индустрии в условиях войны: формы распределения металлов и топлива, концентрацию производства, проблемы рабочей силы, его жизненных условий и производительности труда² и это было характерно для многих научных трудов этого периода.

Советские исследователи А. Л. Сидоров, П. В. Волобуев, К. Н. Тарновский, В. Я. Лаверычев³ и др. внесли своей заметный вклад в изучение экономического потенциала России в годы Первой мировой войны. Таким образом, важной стороной развития научных исследований в это время явилось создание большого количества разнообразной по своему содержанию

¹ *Маевский И. В.* Экономика русской промышленности в условиях Первой мировой войны М.: Государственное издательство политической литературы, 1957. С. 388.

² Там же.

³ *Волобуев П. В.* Монополистический капитализм в России и его особенности М., 1956; *Лаверычев В. Я.* По ту сторону баррикад. (Из истории борьбы Московской буржуазии против революции). М., 1966; его же. Царизм и рабочий вопрос России. (1861–1917 гг.). М., 1972; его же. Военный государственно-монополистический капитализм в России. М., 1988; *Сидоров А. Л.* Финансовое положение России в годы Первой мировой войны (1914–1917). М., 1960; его же. Экономическое положение России в годы Первой мировой войны. М., М., 1973; *Тарновский К. Н.* Советская историография российского империализма. М., 1964.

научной литературы, позволяющей исследователям продвигаться в своих изысканиях вперед, восполняя существующие пробелы на основе уже полученного знания и избавляясь от устоявшихся стереотипов.

«Новое направление» в изучении социально-экономической истории России конца XIX – начала XX в. сформировалось в 1960-е гг. на основе школы А. Л. Сидорова. Главными направлениями научных исследований Аркадия Лавровича Сидорова на протяжении всей его жизни были финансы и военная экономика России в 1914–1917 гг. Докторскую диссертацию на тему «Экономика России в период Первой мировой войны» он защитил еще в 1943 г., но монография «Финансовое положение России в годы Первой мировой войны (1914–1917)» появилась только в 1960 г., а в 1973 г. был опубликована его фундаментальная работа «Экономическое положение России в годы Первой мировой войны».

Следует согласиться с оценкой этих трудов, данной спустя много лет, в 2015 г., специалистом, занимавшимся этими проблемами в современных условиях: «За минувшие 50–70 лет не появилось труда, который при такой же полноте охвата (отвлекаясь от неизбежных частных ошибок и недочетов) поднял бы изучение предмета на более высокую ступень»¹. Это умозаключение принадлежит В. В. Поликарпову – автору обстоятельного труда, посвященного военно-промышленной политике России в условиях мировой войны².

Монография А. Л. Сидорова 1960-го года должна была доказать объективный характер Октябрьской социалистической революции, юбилей которой отмечался в 1967 г. При этом автор основное внимание уделил вопросу внешних займов и кредитов Российской империи, доказывая ее экономическую и политическую зависимость от союзников. В меньшей

¹ Поликарпов В. В. Русская военно-промышленная политика. 1914–1917. Государственные задачи и частные интересы. М., 2015. С. 17.

² Поликарпов В. В. Русская военно-промышленная политика...

степени им были затронуты темы функционирования внутреннего денежного обращения и финансов.

Изменения, произошедшие в условиях «политической оттепели», сказались на содержании последующей работы. Благодаря огромному яркому фактическому материалу, числу затронутых вопросов, постановке проблем об общем финансовом положении России в начале XX в. эта монография значительно превзошла работы экономистов по данной теме тогда и в более позднее время¹. Историк отмечал в своей работе, что к 1917 г. Российская империя пришла с экономикой, максимально приспособленной для работы на фронт, что было достигнуто ценой огромных усилий, которых не хватило для того, чтобы империя устояла в состязании с другими «великими» державами. «Главным материальным итогом оказалось беспримерное уничтожение и без того небогатых хозяйственных ресурсов, предопределившее состояние небывалой разрухи на годы вперед»².

В 1970-х гг. наступило очевидное затишье в изучении дореволюционной экономики России. По словам известного историка К. Н. Тарновского «"Ручеек" еще журчал, потихонечку – выходили какие-то статьи, какие-то книги, где затрагивались вопросы империализма и многоукладности, но того взлета исследовательской мысли, который был в 60-х годах, в 70-х годах уже не стало»³. В связи с официальными установками, дискуссии о положении финансов становились бессмысленными. Только во второй половине 1980-х гг. проблемы финансового положения России в годы мировой войны получили реальное продолжение. Особый вклад в развитие тематики внесла Т. М.

¹ *Пушкарёва И. М.* Финансовое положение России. 1914-1917 г. (заметки на полях исторических трудов). // Научные ведомости. Серия: История. Политология. 2018. Том 45. № 4. Часть 1. С. 724. С. 722-734.

² *Поликарпов В. В.* Указ. соч. С. 371.

³ *Тарновский К. Н.* В преддверии Октября // Наука и жизнь. 1987. № 10. С. 78.

Китанина¹. В ее работе «наметились новые подходы в решении ряда исследовательских задач»².

В целом с середины 1980-х гг. начался новый этап развития темы экономического и финансового положения России в войне 1914–1918 гг. Происходила разработка новых тем, активно использовались материалы, хранящиеся в центральных архивах, наметилось изучение рассматриваемых проблем в региональных исследованиях, но отражение этих проблем в периодических изданиях времен Первой мировой войны по-прежнему не наблюдалось. Столетние юбилеи Первой мировой войны и Великой Русской революции явились дополнительными стимулами для осуществления исследовательских усилий. Интерес к этой проблематике усилился и за рубежом.

В монографии профессора Манчестерского университета Питера Гатрелла «Первая мировая война в России: социальная и экономическая история»³ справедливо отмечалось, что участию России в Первой мировой войне историки уделяли гораздо меньше внимания, по сравнению с революционными потрясениями, произошедшими в 1917 г.

На основе статистических данных, почерпнутых из советской и российской литературы, П. Гатрелл рассмотрел социальные и экономические изменения на каждом из этапов войны, доказывая, что социальные и демографические последствия затронули все слои российского общества:

¹ Китанина Т. М. Война, хлеб и революция (Продовольственный вопрос в России. 1914 – октябрь 1917 г.). Л., 1985; Она же. Россия в Первой мировой войне. 1914–1917 гг. Экономика и экономическая политика. В 2 ч. Ч. I: Экономическая политика царского правительства в первые годы войны. 1914 – середина 1916 г. СПб., 2003; Она же. Хлебная торговля России в конце XIX – начале XX века: стратегия выживания, модернизационные процессы, правительственная политика. СПб.: Дмитрий Буланин, 2011; Она же. Россия в Первой мировой войне, 1914–1917 гг.: экономика и экономическая политика: курс лекций. СПб.: Гуманитарная академия, 2016.

² Оськин М. В. Хлеб для фронта: продовольственное и фуражное снабжение русской армии в период Первой мировой войны и революции (июль 1914 – октябрь 1917). Тула : ООО Аквариус, 2018. С. 8.

³ Gatrell Peter. Russia's First World War: A Social and Economic History. Harlow, England: Longman, 2005.

аристократию, средний класс, городских рабочих и крестьянство. Слаборазвитая экономика Российской империи, негибкая бюрократия не выдержали бремени тотальной войны и экономический коллапс, по мнению автора, был предопределен серьезными структурными дефектами, уже существовавшими в довоенной экономике.

Таким образом, изучение Первой мировой войны во всех её составляющих, определение её влияния на последующий ход событий сохраняет свою актуальность для современных исторических исследований. Несмотря на активизацию в последние годы усилий отечественных и зарубежных историков, требуется переосмысление огромного пласта уже накопленных сведений, почерпнутых из исторических источников и научной литературы, а также вовлечение в научный оборот новых, ещё не изученных документов. Важное место среди них принадлежит периодической печати, отразившей на своих страницах не только ход событий войны, но и особенности подходов к оценке происходившего в экономике и в финансах страны.

Автор диссертационного исследования осуществила комплексный анализ имеющихся публикаций, определив их научную достоверность и информативный потенциал для написания своей работы. Результаты работы будут содействовать созданию целостной картины, воспроизводящей как историко-экономический контекст, так и специфику его отражения в российской периодической печати времён Первой мировой войны.

Хронологические рамки исследования охватывают период с 1913 г., затрагивая состояние российской экономики и финансов накануне войны – до февраля 1917 г. Война явилась серьезным испытанием, подвергнув суровой проверке промышленный и финансовый потенциал страны. Она закончилась для России 3 марта 1918 г. после подписания Брестского мира, но условия функционирования прессы, характер и тематика ее публикаций кардинально изменились уже в феврале 1917 г., когда страна вступила в новый для себя

период развития и на первое место вышли политические вопросы, связанные с борьбой за власть.

Цель работы: воссоздать общую картину финансово-экономических проблем Российской империи, отраженную на страницах массовых периодических изданий, имевших наибольший охват читательской аудитории и в связи с этим значительное влияние на формирование общественных настроений 1914 – февраля 1917 гг.

Для достижения цели исследования в работе были поставлены **следующие задачи:**

- воссоздать специфику функционирования российской периодической печати накануне и во время Первой мировой войны;
- выявить характерные черты финансово-экономических отношений Российской империи, отраженные на страницах периодической печати накануне и в начальный период военного конфликта;
- отразить реакцию периодической печати на кампанию по мобилизации российской промышленности;
- интерпретировать материалы периодических изданий, направленных на борьбу с дороговизной в виде введения такс и твердых цен в России;
- представить материалы, посвященные обсуждению государственного бюджета в годы войны в оценках российских газет, выявить их критический потенциал;
- продемонстрировать усиление «оппозиционности» печати в контексте нарастания финансово-экономических проблем;
- продемонстрировать итоги деятельности правительственных структур в сфере промышленного и сельскохозяйственного производства в отражении российской оппозиционной печати в 1916 г.

На наш взгляд, решение поставленных задач дает возможность выявить особенности репрезентации для населения через печать специфики финансовых и экономических проблем России в условиях мировой войны, отразить влияние прессы на поиск решений для выхода из создавшегося

положения и на формирование общественных настроений накануне предстоявших масштабных трансформаций 1917 г.

Источниковая база диссертации определена целью и задачами исследования и состоит из комплекса материалов, которые группируются по их функциональному назначению. Для нашего исследования ключевыми являлись материалы печати, отразившие особенности финансового и экономического кризиса, сложившегося в России в условиях Первой мировой войны и для реализации поставленной задачи были использованы различные письменные источники, размещенные на страницах периодических изданий. Современные исследователи Д. И. Раскин и Л. К. Рябова отмечают синтетический характер материалов периодической печати, то есть наличие среди них документов разных видов, поэтому обращение к прессе как к особой группе источников сочетается с представлением о ней как о комплексе материалов, включающих в себя законодательные акты, распоряжения, указы, эго-документы, научные описания, путевые заметки и т.д.¹

Материалы печати времен Первой мировой войны передают общественные настроения, с большим трудом и чаще всего неполно воспроизводимые при помощи других источников, отражают динамику и тенденции происходивших в обществе процессов. Тон газетных заметок, их заголовки, специальное внимание, уделённое той или другой особенности события, употреблённые эпитеты и даже знаки препинания неизменно подчеркивали отношение самой газеты к фактическому сообщению². Отсюда проистекали особенности отношений прессы с властными структурами. «Даже издания, проявляющие величайшую готовность угодить, а иногда даже и потрафить, всё равно не избавлены от репрессии»³.

¹ Раскин Д. И., Рябова Л. К. Периодическая печать России как исторический источник: учебное пособие. СПб. : Лема, 2022.

² Керженцев П. М. Газета. Ее организация и техника. М.: Изд-во ВЦИК, 1919. С. 52-53.

³ Ст. Ив. Печать и блок // День. 1916. № 151. 4 июня.

Таким образом, в условиях Первой мировой войны периодическая печать не только выступала в роли хрониста происходивших событий, но и являлась весьма активным их участником через публикуемые репортажи с мест военных и политических событий, очерки, тексты в жанре публицистики о ситуациях, связанных с войной и т.д.

В контексте представленного исследования в центре внимания находятся массовые издания, которые за счет информативности, значимости контента, размещенного на их страницах, способов подачи материала, могли найти читателя в разных группах населения. Такие органы печати, находившиеся в стороне от партийных пристрастий и стремившиеся в своих публикациях опираться на взвешенные факты, почерпнутые из собранных собственными корреспондентами материалов, являлись авторитетными как для обычных читателей, так и для представителей власти, которые в газетах искали ответы на насущные политические и экономические вопросы.

Российское правительство в условиях начавшейся мировой войны уже отчётливо понимало значение периодической печати в политической жизни страны, искало новые средства и пути для сотрудничества с прессой, совершенствовало цензурное законодательство. Показательным в этом плане является специальное дело, состоящее из газетных вырезок о сахарной промышленности в России (1914 – 1916 гг.), сохранившееся в Российском государственном историческом архиве (РГИА) в фонде Редакции периодических изданий Министерства финансов¹. Редакция была образована в качестве самостоятельного учреждения для выпуска периодических изданий Министерства финансов и подготовки информативных статистических обзоров и справок.

При написании диссертационного исследования были использованы материалы массовых* петроградских и московских газет: «Новое время» и

¹ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 564. Оп. 2. Д. 1845.

* Массовая газета – издание, направленное на интересы широкой аудитории, издающееся, как правило, большим тиражом, что позволяет не только изучить настроения и реакции

«Вечернее время», «Биржевые ведомости» (утренний и вечерний выпуски). Городские столичные издания «Петроградский курьер» и «Маленькая газета». Именовавшая себя «беспартийно-демократической», газета «Современное слово». Позиционировавшая себя в качестве «органа социалистической мысли», газета «День».

Московские издания: издававшаяся на деньги близкого к прогрессистам крупного московского промышленника и предпринимателя П. П. Рябушинского газета «Утро России». Яркое выраженное либеральное «Русское слово». Орган партии «Союз 17 октября» – «Голос Москвы». «Профессорская» газета, получившая такую характеристику за серьезный академический тон, «Русские ведомости». «Московские ведомости», являвшиеся одной из старейших российских газет, на тот момент представлявшие Русскую монархическую партию.

С точки зрения источниковедческого анализа публикаций периодики военного времени следует отметить влияние цензуры, не позволявшей полномасштабно освещать происходившие события, а также некоторую идеологическую заданность публикаций, обусловленную устоявшимися позициями периодических изданий. В то же время комплексное использование материалов перечисленных изданий, которые можно отнести к оппозиционным, позволяет сформировать близкую к объективной картину финансово-экономического кризиса в стране, определить степень его влияния на исход войны и на возникновение политического перелома в 1917 г.

Важной группой источников являются законодательные документы, выходившие в изучаемый период и касавшиеся рассматриваемых проблем. Например, закон, утвержденный 22 августа 1914 г., и во многом определивший проблемы формирования бюджета и налогообложения в условиях войны: «О продлении воспрещения продажи спирта, вина и водочных изделий для

населения на то или иное событие, но и также сформировать мнение населения по поводу какого-либо явления.

местного потребления в Империи до окончания военного времени»¹. На втором месте среди доходов казны по части косвенных налогов (после питейных сборов) находился акциз с сахара, производство которого регламентировалось российским законодательством². Законодательно были подкреплены государственные меры по борьбе с дефицитом продовольствия и топлива³.

Среди делопроизводственной документации следует выделить Всеподданнейшие отчеты о деятельности Государственного совета, председателя Совета министров и министра финансов В. Н. Коковцова о его поездке за границу⁴; Особые журналы Совета министров⁵; Журналы Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства; Материалы по обсуждению проекта Министерства финансов о повышении существующего обложения и введения новых налогов. 27 августа 1914 – 1 декабря 1915 г.; Отчет Совета съездов представителей биржевой торговли и сельского хозяйства о его деятельности за 1915 г.⁶

К документам личного происхождения относятся дневниковые записи и воспоминания Алексея Андреевича Поливанова, являвшегося сначала

¹ Важнейшие законы, указы и распоряжения военного времени: в 2 т. Пг., 1915–1916. Т. 1. С. 170–171.

² Полное собрание законов Российской империи (далее: ПСЗРИ). Собр. 3-е. Т. 1 (1881). № 350. С. 261–266; Т. 15 (1895). № 12166. С. 623–625; Т. 23 (1903). № 22951. С. 511–513.

³ Об утверждении правил предоставления гарантии Государственного Казначейства по городским земским займам в частных кредитных учреждениях для операций по снабжению населения продовольствием и топливом и выдачи городам и земствам ссуд из казны на тот же предмет // Собрание узаконений и распоряжений Правительства, издаваемое при Правительствующем Сенате. Отдел Первый. 22 декабря 1915. № 367. Ст. 2755.

⁴ Всеподданнейший отчет о деятельности Государственного совета за сессии 1913–1914 гг. СПб., 1914; Всеподданнейшие отчеты о деятельности Государственного совета, председателя Совета министров и министра финансов В. Н. Коковцова о его поездке за границу. 19 ноября 1913 г. // Материалы по истории франко-прусских отношений за 1910–1914 гг.: Сб. секретных дипломат. док. М., 1922. С. 609.

⁵ Особые журналы Совета министров Российской империи 1909–1917 гг. 1914 год. М., 2006; Особые журналы Совета министров Российской империи, 1909–1917 гг. 1915 год. М., 2008.

⁶ Петербургское общество заводчиков и фабрикантов. Материалы по обсуждению проекта Министерства финансов о повышении существующего обложения и введения новых налогов. 27 августа 1914 – 1 декабря 1915 г. // РГИА. Ф. 150. Оп. 1. Д. 342; Совет съездов представителей биржевой торговли и сельского хозяйства. Отчет Совета съездов о его деятельности за 1915 г. Пг., 1916.

помощником военного министра и членом Государственного совета, а с 10 сентября 1915 г. по 15 марта 1916 г. – военным министром и председателем Особого совещания по обороне государства¹.

Несомненный интерес представляют воспоминания последнего министра финансов Российской империи Петра Львовича Барка, которые, по мнению исследователей, являются одними из наиболее объективных во всей эмигрантской мемуаристике. Первоначально они печатались в парижском журнале «Возрождение» и только в 2017 г. были опубликованы в России².

Таким образом, в диссертационном исследовании были использованы как опубликованные, так и извлеченные из архивных фондов документы, позволяющие с необходимой полнотой решить поставленные в работе задачи.

Методологическая основа исследования. Теоретическими и методологическими основами исследования являются принципы объективности и критического подхода к источникам. Широкое использование в диссертационном исследовании материалов периодической печати и связанные с этим проблемы, на наш взгляд, можно преодолеть за счет сочетания различных методических приемов. Во-первых, при написании работы применялся сравнительный (компаративный) анализ, позволяющий сопоставить полученные из газет и журналов сведения, с официальными документами, эго-документами, среди которых на первом месте выступают дневники и мемуары.

Применение типологического метода, отражающего последовательность изменений и раскрывающего общие черты и специфику изданий, сгруппированных по различным критериям, например, целям и задачам, которые ставили перед собой их учредители, политической

¹ Поливанов А. А. Из дневников и воспоминаний по должности военного министра и его помощника. 1907–1916 г. М.: Высший военный редакционный совет, 1924. Т. 1.

² Барк П. Л. Воспоминания // Возрождение. Ежемесячный литературно-политический журнал. Paris, 1965. № 161. Май. Он же. Воспоминания последнего министра финансов Российской империи. 1914–1917: в 2 т. М., 2017.

ориентации издателей, характеру аудитории, на которую была рассчитана периодика и т. д.

При интерпретации периодических изданий периода Первой мировой войны, применялись также традиционные методы исторического исследования. Прежде всего это – проблемно-хронологический, согласно которому становление периодической печати, изменение ее контента рассматривалось поэтапно с расчленением широкой проблемы функционирования промышленности и финансов в условиях войны на ряд узких тем, например, о причинах возникновения «сахарного голода» или о «мобилизации промышленности».

Историко-сравнительный метод использовался при выявлении сходств и различий среди самих периодических изданий по их возможностям воздействия как на читателей, так и на властные структуры, степени их участия в отражении финансово-экономических проблем, а также влияния на общественные настроения в стране.

Наконец, историко-системный метод позволил выявить определенную систему в формировании и функционировании информационной среды Российской империи в годы Первой мировой войны.

Научная новизна исследования. В ходе проведенного исследования на основе конкретно-исторического анализа материала ряда российских газет, а также архивных и опубликованных документов было комплексно рассмотрено состояние экономической и финансовой сферы Российской империи в годы Первой мировой войны. Для реализации поставленной цели и задач в диссертации впервые был использован контент массовых периодических изданий, которые за счет значимости и информативности публикаций, размещенных на их страницах, способов подачи материала, тиражности являлись авторитетными для разных групп читателей. Ответы на насущные политические и экономические вопросы искали в газетах и представители властных российских структур.

В ходе исследования было выявлено, что российская печать в первые месяцы войны размещала на своих страницах материалы, содержавшие конструктивную критику мероприятий правительства в экономической и финансовой сферах. Однако регулярные промедления со стороны власти в решении насущных проблем, зачастую неоправданное активное использование административного ресурса явились предметом постоянной критики со стороны периодических изданий.

Пресса настаивала на привлечении общественных сил к решению острых проблем, с которыми столкнулась страна, регулярно поднимала вопрос о реорганизации самой системы управления в стране.

Анализ публикаций периодической печати в значительной мере помог расширить представления о проблемах в экономике, в финансовой сфере, в снабжении армии и тыла, с которыми столкнулась страна в условиях начавшейся войны, детализировать особенности господствовавших общественных настроений в отношении этих вопросов, получивших во многом благодаря прессе политическое звучание. В диссертационном исследовании продемонстрировано, что массовая периодическая печать периода Первой мировой войны не только освещала возникавшие проблемы, но и формировала и политизировала отношение к ним, а через них и к российским властным структурам.

Проделанная работа показала важность изучения периодической печати, ее влияния на общественное мнение населения страны, во многом предопределившее последующие события 1917 г. в России.

Теоретическая и практическая значимость диссертационного исследования связана с его новизной и актуальностью и состоит в том, что выводы по проблеме позволяют углубить представление о влиянии печати на формирование общественного мнения по тем или иным вопросам в экстремальных условиях военного конфликта. Сделанные выводы и обобщения имеют интерес для дальнейшей разработки проблемы взаимодействия периодической печати, государства и общества как в

общероссийском, так и региональном масштабах. Результаты исследования можно использовать в учебных курсах и пособиях, связанных с историей Первой мировой войны, с историей печати, с историей экономической мысли. Материалы диссертации могут стать основой для написания монографии о роли и значении печати в формировании общественных настроений в годы Первой мировой войны.

Положения, выносимые на защиту:

1. В период Первой мировой войны значительно увеличился общественный интерес к новостной информации, а вследствие этого выросли тиражи периодических изданий, ее содержащих и оперативно освещавших актуальные социальные, экономические и финансовые вопросы.

2. Массовые периодические издания, которые в довоенное время демонстрировали критический настрой по отношению к правительственным мероприятиям, с началом Первой мировой войны по большей части положительно оценивали готовность властных структур к решению проблем, возникавших в экономических и финансовых сферах. Это было связано с оптимистическими прогнозами в отношении устойчивости российского экономического хозяйства и финансов, с ожиданием скорого окончания войны, а также с уверенностью в победоносном для Российской империи завершении военного конфликта.

3. Критические выступления газетных публикаций периодических изданий в первые месяцы начавшейся войны относились, прежде всего, к запоздалому характеру мероприятий правительства по перестройке промышленности и решению проблем преимущественно административным путем. До весенних неудач 1915 г. публикации прессы носили исключительно умеренный характер, постепенно изменяясь в сторону резко осуждающих оценок.

4. Периодические издания с самого начала процесса перестройки промышленности на «военный лад» стали отстаивать частную инициативу, приветствовали идею создания на местах военно-промышленных комитетов,

одновременно критикуя темпы и результаты этого процесса.

5. Периодические издания в своих публикациях фиксировали финансовые проблемы, при этом по большей части конструктивно подходя к обсуждению вопросов государственной политики, направленных на их решение, критикуя, прежде всего непрофессиональный подход Министерства финансов к изысканию новых источников доходов. По мере нарастания политических разногласий между верховной властью и Прогрессивным блоком обсуждение финансовых вопросов приобретало форму политических дискуссий, что отражалось и в содержании газетных материалов.

6. Периодическая печать выступала своеобразным координатором процесса реализации мероприятий по обеспечению населения страны продовольствием, публикуя информацию о таксах на продукты в различных регионах страны, материалы по заготовке продукции, особенностям хранения, случаях спекуляции и пр. Процесс борьбы против роста цен, развернувшийся на страницах периодической печати, закономерно трансформировался в проблему необходимости реорганизации самой системы управления в стране. В результате экономические вопросы становились вопросами политическими.

7. Периодическая печать оценивала итоги 1916 г. как государственный кризис. Через прессу, вне ее партийной принадлежности, через критику действовавших властных структур проводилась мысль о необходимости общественного участия в управлении политическими и экономическими процессами в стране, выдвигалось требование призвать на ответственные посты людей, пользовавшихся общественным доверием.

8. Массовые внепартийные газеты, изначально преследовавшие коммерческие цели, с нарастанием внутренних проблем в стране оказывались в ряду оппозиционных изданий. В ходе затянувшегося военного конфликта недовольство отдельными представителями верховной власти и рядом мероприятий правительства способствовали появлению «неодобрительных» материалов на страницах газет. Постепенно в печати утверждалось требование политической реорганизации власти.

Теоретическая и практическая значимость исследования.

Полученные в ходе исследования результаты могут быть использованы при написании комплексных трудов, посвященных участию России в Первой мировой войне, дополняя картину экономических проблем, с которыми столкнулась страна в этот период. Материалы диссертационного исследования дополнят учебный курс, посвященный этому периоду отечественной истории.

Апробация результатов исследования. Материалы диссертации были апробированы в ряде научных конференций и в нескольких публикациях, 3 из которых опубликованы в изданиях, входящих в список ВАК.

Структура диссертации отражает ее логику. Состоит из введения, трех глав, разбитых на восемь параграфов, заключения, списка источников и литературы.

ГЛАВА I

ОТРАЖЕНИЕ РОССИЙСКИХ ФИНАНСОВО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ НА СТРАНИЦАХ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ НАКАНУНЕ И В НАЧАЛЬНЫЙ ПЕРИОД ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

1.1. Российская периодическая печать и общественное мнение в контексте социально-исторического процесса периода Первой мировой войны

Экономический и финансовый кризис в России периода Первой мировой войны имеет различные объяснения, связанные с некомпетентностью власти или последствиями политики, предшествующей военным событиям, неизбежностью трудностей, вызванных войной или происками оппозиции. Свое определенное место занимала в этих процессах и периодическая печать, изучение которой поможет реконструировать, детализировать и уточнить эти проблемы.

По сведениям публициста, социолога Павла Григорьевича Мижужева, в начале XX века наибольшее число периодических изданий в Европе приходилось на Германию – около 7 тыс., затем следовала Великобритания с 5 тыс. изданий, Австрия – 4 тыс., почти столько же во Франции, причём около трети из них печаталось в одном только Париже. До 2 тыс. периодических изданий насчитывалось в Италии. В России вместе с Финляндией, входившей в ее состав, выпускалось до 1 тыс. 200 изданий. Однако в Швеции и Норвегии, насчитывавших вместе около 7 млн жителей, было зарегистрировано приблизительно такое же количество органов массовой информации, как и во всей России с её 130-миллионным населением. Наибольшее развитие печать получила в США, где число периодических изданий превышало 21 тыс.¹

¹ Мижуев П. Г. Несколько слов по поводу статистики периодической печати в России и за границей // Сборник статей по истории и статистике русской периодической печати 1703-

В 1900 г. численность прессы в России выросла до 1002 периодических изданий, а в период с 1901 г. по 1916 г. «в стране выходило более 14 тысяч СМИ, из них свыше 6 тысяч приходилось на долю Петербурга и Москвы»¹. Причем, если на первых порах рост происходил за счет появления журналов и газет научного направления и специальных, то к 1914 г. заметную роль в России стала играть пресса, рассчитанная на широкую реализацию, а значит, отражавшую на своих страницах насущные проблемы читающей публики. Массовому читателю «для семейного чтения» был адресован, например, еженедельный журнал «Нива», выходивший в начале XX в. тиражом в 200 тыс. экземпляров, или дешевая, с 70-тысячным тиражом, ежедневная газета «Свет».

Вместе с тем приведенная статистика не отражает общее состояние воздействия информации на общественные настроения. С начала XX столетия в стране постоянно увеличивалось число грамотного населения, которого в европейской России на 1897 г. было 22,9%, а среди мужчин – 32, 6%². Более того, большая часть из них не читали ничего, кроме газет, по крайней мере, по вопросам, непосредственно связанным с политикой и экономикой.

Книга, являвшаяся основным средством воздействия на формирование общественной мысли в России, стала уступать свои позиции. С началом Первой мировой войны еще более возросло число людей, для которых чтение газет и журналов стало насущной потребностью, вследствие чего произошло увеличение численности новых изданий. Только в 1914 г. появились 431 газета и 411 журналов³.

С точки зрения развития самого печатного производства, в России в начале XX в. были созданы крупные издательские тресты. Так, «Товарищество издательского и печатного дела А. Ф. Маркс» на протяжении 48 лет выпускало

1903. К 200-летию выхода первой русской газеты. Санкт-Петербург: Русское библиол. о-во, 1903. С. 310-311.

¹ Русская периодическая печать (1895 – октябрь 1917). М.: Государственное издательство политической литературы, 1957.

² Россия. 1913 год. Статистическо-документальный справочник. СПб.: Блиц, 1995. С. 327.

³ Раскин Д. И., Рябова Л. К. Периодическая печать России как исторический источник: учебное пособие. СПб.: Лема, 2022. С. 35.

уже упомянутый журнал «Нива». Крупным предприятием являлось акционерное общество «Товарищество печатания, издательства и книжной торговли И. Д. Сытина», которое с января 1895 г. издавало в Москве газету «Русское слово». Основатель товарищества «привлѣк известнейших в России журналистов, литераторов, репортѣров и типографов и с их помощью постепенно превратил свою газету в «Левиафана русской прессы»¹.

Накануне революции 1917 г. ему в Москве принадлежали также газеты «Раннее утро», «Копейка» и «Вечерние известия». В качестве издателя И. Д. Сытин участвовал и в петербургской газете «День», а за два года до революции приобрѣл журнал «Ниву»². Трест А. С. Суворина выпускал влиятельное «Новое время», «Вечернее время» и городскую «Маленькую газету», журнал «Лукоморье», публиковал многочисленные брошюры, отражавшие важнейшие события текущей жизни.

Рост грамотности в стране формировал новый тип массового читателя и послужил основой для создания дешѣвых, бойких газет, отказавшихся от сухого академического стиля, писавших более коротко, живо и образно. Статьи и сообщения в таких газетах опирались на конкретные факты, но все они давались в живой форме и освещались под определённым углом зрения³. В разных городах страны: от столичных Петербурга и Москвы, и до самого Иркутска издательством П. П. Сойкина большими тиражами печатались дешевые издания бульварного типа под названием «Газеты-копейки» («копеечная печать»). Они были рассчитаны на малоимущие слои, привлекая читателей уголовными романами, скандальными и сенсационными новостями.

Тиражи дорогих и дешевых изданий в условиях начавшейся мировой войны мгновенно расходились по рукам, в сельской местности

¹ Боханов А. Н. Буржуазная пресса России и крупный капитал: конец XIX в. – 1914 г. М., 1984. С. 55.

² Вертинский Н. С. Газета в России и СССР: XVII – XX вв. М.; Л.: Государственное социально-экономическое изд-во, 1931. С. 78.

³ Керженцев П. М. Газета. Ее организация и техника. М.: Изд-во ВЦИК, 1919. С. 106.

практиковалось приобретение газет вскладчину с последующим чтением их вслух собравшимся для этого соседям. Уполномоченные от общества отправлялись в уездные центры или на близлежащие железнодорожные станции, чтобы купить или хотя бы переписать самые интересные для односельчан сообщения¹. Редакция газеты «Новое время», ориентируясь на особенности новой ситуации, связанной с небывалым интересом к публикуемой информации, помимо традиционной подписки имела 600 железнодорожных киосков на станциях, вела торговлю на пристанях, т.е. охватывала значительное число путей сообщения². Другие периодические издания также использовали возросший читательский спрос для увеличения собственных тиражей.

Таким образом, говоря о влиянии мировой войны на отечественную печать, следует констатировать неуклонный рост изданий в целом, а периодических – в частности. Даже в самый кризисный, 1916 г., эти показатели были почти в два раза выше, по сравнению с 1901 г.³ Именно во время войны заметно выросли тиражи газет и журналов, т. е. увеличилось число людей, интересовавшихся новостями, представленными на печатных страницах.

В интервью одной из газет военный министр констатировал: «...значение печати до такой степени очевидно, что было бы трюизмом распространяться о ее роли. Да, конечно, все признают, все видят, что печать содействует общему делу»⁴. Сама пресса уточняла это положение, рассматривая его с точки зрения проблем, с которыми она регулярно сталкивалась в условиях войны. Для газет важным являлся не просто факт

¹ Толчинская Т. И. Печать в борьбе за общественное мнение в России в 1900 – 1930-х годах: традиции и особенности исторической эволюции (на примере центральных и региональных газет). Пятигорск: РИА-КМВ, 2014. С. 30.

² Вертинский Н. С. Газета в России и СССР: XVII – XX вв. М.; Л.: Государственное социально-экономическое изд-во, 1931. С. 88.

³ Летенков Э. В. Печать и капитализм в России конца XIX – начала XX века: экономический и социальный аспекты капитализации печати: диссер. ... доктора исторических наук. Ленинград, 1988. С. 29.

⁴ Ардов Т. Мобилизация печати // Утро России. 1915. № 173. 25 июня.

формального признания роли прессы, а ее официальное включение в политическую и хозяйственную жизнь страны. «В конце концов, печать есть только один из подчинённых элементов политической среды. Если задавлена извне и инертна изнутри общественная Воля, то и печать подвергнется всем внутренним и внешним последствиям общественной неподвижности и пассивности. <...> Бессмысленны были бы запреты писать о том и о другом, если бы об этом звучал голос народного представительства, если бы о том, что одни желают, сообразно тактике страуса, скрыть, другие безбоязненно говорили бы жестокую правду. <...> Печать является одним из элементов русской общественности, и праздник на улице русской печати будет и бывал только тогда, когда он бывал и на улице русской общественности»¹.

Однако в советской, а затем и в постсоветской литературе, отражавшей особенности функционирования дореволюционной печати, постоянно подчеркивалась материальная составляющая изданий в качестве показателя, якобы несовместимого с правдивым изложением текущих событий, заставлявшего издания вопреки господствовавшим общественным настроениям следовать курсом, который устанавливал их издатель. Согласно другой точке зрения, отраженной в книге П. М. Керженцева, написанной в 1919 г.: «Буржуазная газета стремится угодить всем вкусам и дать материал для чтения всякому – от нищего до лорда. Она виртуозна в изыскивании новостей и сообщений, которые затрагивают интересы всех читателей – даже каких-нибудь чудаков-собирателей марок или специалистов по машиностроению»².

Для определения настоящего положения дел будет уместно сослаться также на точку зрения американского журналиста, социолога, автора классической концепции общественного мнения Уолтера Липпмана, который в своей работе, написанной еще в 1922 г., отмечал: «...критики прессы практически озвучивают моральные нормы сообщества, провозглашая, что

¹ *Ст. Ив.* Печать и блок // *День*. 1916. № 151. 4 июня.

² *Керженцев П. М.* Газета. Ее организация и техника. М.: Изд-во ВЦИК, 1919. С. 6.

этот институт должен жить по тем же принципам, по каким, согласно их представлениям, должны жить школа, церковь и нейтральные профессиональные сообщества»¹. Иными словами, по устоявшимся представлениям, во многом, несомненно, ошибочным, информация должна поступать естественным путём, даром, а не через приобретенные населением газеты. До сих пор сохраняется представление о том, что в случае, когда это происходит иначе, таким печатным органам доверять нельзя.

На наш взгляд, принцип материальной составляющей не исключал, а, наоборот, усиливал заинтересованность издателей крупных газет в поддержке их широким кругом читателей. Издания были зависимы от тех, кто затрачивал на них свое время и средства и всегда старались с достаточной полнотой удовлетворять разнообразные запросы читающей публики. Речь идет о «качественных» изданиях, по которыми обычно подразумеваются «привлекающие внимание наиболее образованной части общества». Однако еще более важной для них была забота о достоверности информации, размещаемой зачастую даже вопреки установкам цензуры. Для таких изданий также была характерна «многочисленность и разнообразие рубрик, высокий литературный уровень»².

Если ранее информацию из провинции и из-за рубежа российские газеты получали в основном через систему правительственных телеграфных агентств, где в качестве корреспондентов, как правило, выступали чиновники, что определяло её серость и казенный характер, то теперь крупные издания имели «огромный штат собственных корреспондентов и каналы телеграфной связи как во всех крупных населённых пунктах России, так и во многих зарубежных центрах»³.

¹ Липпман Уолтер. Общественное мнение / Пер. с англ. Т.В. Барчуновой. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2004. С. 303.

² Симонова Н. Б. Система периодической печати России (вторая половина XIX – начало XX в.). Новосибирск, 2009. С. 53.

³ Боханов А. Н. Указ. соч. С. 60.

В российской печати, по определению Б. И. Есина, затянулось становление интервью, здесь не обошлось без жарких дискуссий о характере жанра, этических сторонах деятельности интервьюера¹. Поскольку эта форма сообщения информации утвердилась в условиях господства буржуазной газеты, интервью вызывало как в период своего становления, так и в оценках советских историков печати большое недоверие, поскольку оно предоставляло дополнительные возможности в убеждении общественности взглянуть на те или иные события с заданной газетой или журналом точки зрения. Российские периодические издания эту возможность регулярно использовали. Таким образом, печать выступала одновременно и продуктом общественного мнения, поскольку читатель с недоверием относился к суждениям, которые кардинально не соответствовали его взглядам, и средством формирования этого мнения через попытки убеждения в своей правоте².

Исключением являлись ситуации, когда материальные затраты при издании органов печати были весьма высоки, но широкая читательская поддержка отсутствовала. Такое положение наблюдалось в деятельности правой печати, получавшей помощь от государственных структур. В годы войны эти издания являлись основным средством пропаганды право-монархических идей среди населения России. Их сущность сводилась к отстаиванию традиционного уклада жизни в социальной, экономической, религиозной, бытовой сферах, к сохранению основ существовавшего монархического строя. В последнем заключалась основная задача создания и деятельности монархической печати, которая имела прямое предназначение – выступать «большим сдерживающим фактором в революционизации масс»³.

С ноября 1905 г. право-монархическое направление было представлено петербургской газетой Союза русского народа «Русское знамя», которая,

¹ Есин Б. И. Русская газета и газетное дело в России. Задачи и теоретико-методологические принципы изучения. М.: Издательство Московского университета, 1981. С. 50.

² Пронин Е. И. Печать и общественное мнение. М.: Издательство МГУ, 1971. С. 65.

³ Ахмадулин Е. В. Пресса политических партий России начала XX века: издания консерваторов. Ростов н/Д: Изд-во «Книга». 2001. С. 121.

однако, в военных условиях не пользовалась безусловной читательской поддержкой даже среди основной массы сторонников черносотенного движения. Причина заключалась в том, что в ней «подчас появляются статьи, не способствующие патриотическому подъему»¹, т.е. звучала критика в адрес правительственных структур. В результате со стороны официальных властей «Русское знамя» регулярно подвергалось наказаниям за злостную критику якобы «либерально настроенных» министров царского правительства, за неуместный «оголтелый антисемитизм».

В 1909 г. была создана еще одна известная ежедневная монархическая газета под названием «Земщина». С осени 1915 г. ее издателем стал известный деятель правого движения Н. Е. Марков 2-й. Примечательной чертой содержания газеты являлась резкая критика буржуазии – «биржевых дельцов, "хапуг", обкрадывающих народ, наживающихся на его нуждах»². На ее страницах регулярно появлялись разоблачительные статьи, посвященные деятельности П. П. Рябушинского, А. И. Коновалова, резкой критике подвергался влиятельный в царском правительстве главноуправляющий землеустройством и земледелием А. В. Кривошеин.

Менее значимыми правыми изданиями являлись столичные «Голос Руси» и «Колокол», именовавший себя «единственной крестьянской газетой в России, которая против врагов церкви и государства»³. В Москве в качестве органа Русской монархической партии печатались «Московские ведомости». По мнению известного автора работ и учебников по истории российской журналистики Е. В. Ахмадулина «Среди всех изданий монархического лагеря "Московские ведомости" выглядели "образцом" идейной выдержанности»⁴.

В октябре 1915 г. благодаря докладу, составленному по требованию нового министра внутренних дел А. Н. Хвостова, заинтересовавшегося

¹ Стогов Д. И. Русская правая периодическая печать в годы Первой мировой войны // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. 2011. № 1. С. 103.

² Там же. С. 105.

³ Бережной А. Ф. Русская легальная печать в годы Первой мировой войны. Л., 1975. С. 28.

⁴ Ахмадулин Е. В. Указ. соч. С. 74.

направлением правительственных расходов, в газеты просочились сведения о государственной поддержке правой печати. Репортеру «Биржевых ведомостей» удалось добыть текст этого документа.

По сведениям «Биржевых ведомостей», газета «Волга», издававшаяся в Саратове В. П. Ознобишиным, получила единовременную субсидию на закупку оборудования и организационные расходы и пользовалась материальной поддержкой местных монархических организаций и дворянства. «Голос Самары» (издатель С. М. Постников), «Жизнь Волыни» и «Витебский вестник» получали ежегодные пособия от Главного управления по делам печати. Издаваемое в Вятке служащим Министерства внутренних дел Михайловым «Северное слово», пользовалось ежегодными субсидиями из сумм секретного министерского фонда. «Ростовский-на-Дону листок» помимо правительственных субсидий получал средства от правой группы гласных местной думы. Главной темой издания был национальный вопрос и дискредитация гласных-армян, составлявших большинство в городском представительном учреждении. Газета «Кавказ» издавалась в Тифлисе на средства, отпускаемые канцелярией Кавказского наместника¹.

«Голос русского», издаваемый в Москве бывшим присяжным поверенным В. А. Балашовым, получил на организацию газеты крупное единовременное пособие из сумм секретного фонда. «Южное слово», выходившее в Симферополе, кроме правительственной субсидии пользовалось правом бесплатного получения материалов из официального бюро Д. М. Поздеева, работавшего в Петрограде. В Симбирске на издание газеты «Симбирянин» была выдана правительственная субсидия в 40 тыс. руб., ему также оказывалась поддержка местным дворянством. На

¹ Правая печать и субсидии // Биржевые ведомости. Утренний выпуск. 1915. № 15151. 16 октября.

правительственные средства издавалась в Екатеринославе газета «Русская правда»¹.

«Голос Руси», издававшийся в Петрограде, получил от правительства на оборудование типографии и на предварительные организационные расходы единовременную субсидию в 200 тыс. руб. Газете было гарантировано размещение в ней всех платных объявлений от Министерства путей сообщения. При министре внутренних дел Н. А. Маклакове отдавалось распоряжение о том, чтобы все типографские заказы Министерства внутренних дел монопольно предоставлялись типографии «Голоса Руси». «Земщина», издаваемая членом Государственной Думы Марковым 2-м получала ежегодную субсидию в 120 тыс. руб. Зато упомянутая уже газета «Русское знамя» была лишена ранее назначенной субсидии при П. А. Столыпине. «Биржевые ведомости» также отмечали, что деятельность правых газет особенно проявляется во время выборов в Государственную Думу².

Функционирование монархической печати ко всему прочему сопровождалось взаимной ожесточённой перепалкой, которая «дискредитировала черносотенцев в глазах широкой общественности и правительственных органов не менее, чем критика на страницах либеральных и социалистических газет и журналов»³. С точки зрения влияния на читателей тиражи правых периодических изданий заметным образом уступали либеральным (существует также определение этого направления, как «конституционное»). Так, газета «Речь» отмечала, что потраченные средства «на содержание всех этих "Земщин" и "Голосов Руси" не приносили ожидаемого результата»⁴. Читателями такого рода изданий на основании распоряжений разного уровня начальников были главным образом

¹ Правая печать и субсидии // Биржевые ведомости. Утренний выпуск. 1915. № 15151. 16 октября.

² Там же.

³ Шевцов А. В. Издательская деятельность русских несоциалистических партий начала XX века. СПб.: Изд-во РНБ, 1997. С. 169.

⁴ Речь. 1915. №. 278. 9 октября.

государственные служащие, а для широкой публики они были практически неизвестны.

Однако война являлась событием, выходящим за рамки привычных ситуаций, и решение постоянно нараставших проблем требовало новых подходов, затронув даже привычную практику функционирования монархических изданий. Вероятно, не случайно даже газета «Земщина», также стремившаяся привлечь на свою сторону массового читателя, стала допускать на своих страницах довольно резкий тон в отношении не своих оппонентов, а в адрес руководящих структур: «Ясно, что к предстоящей зиме резать дрова и торф будет некому и вывозить будет не на чем. Добыча нефти, вследствие дороговизны и нехватки труб, будет сокращена»¹.

Пытаясь опровергнуть якобы неправдоподобные слухи, распространяемые вокруг добычи угля, газета «Земщина» в одной из публикаций весны 1916 г. невольно информировала об имевшихся и грядущих проблемах: «Страшная дороговизна материалов, рук, кем-то распространяемые слухи то о реквизиции, то об уменьшении предельных цен, неподача вагонов и много других причин – сильно расшатали положение средних и мелких шахтовладельцев, добывающих более половины всего извлекаемого угля. <...> Никаких ссуд на усиление добычи антрацита не дают, а причин, влияющих на её уменьшение, – сколько угодно»².

В статье газеты рассказывалось об «источнике видимости» экономического подъема, связанного с добычей угля в Донбассе. Для получения необходимого количества вагонов шахтовладельцы, видя, что вагонов дают в 4-5 раз менее просимого количества, стали запрашивать в 4-5 пять раз более действительно нужного, причём указывали цифры якобы имеющихся у них запасов во столько же раз преувеличенные. Автор публикации в газете утверждал: «Эти дутые цифры послужили базой для

¹ Череп-Стиридоневич А. И. Нельзя терять времени // Земщина. 1916. № 2359.

² Там же.

официальной статистики. На самом деле, весь уголь давно распродан, иногда трем-четырем покупателям один и тот же запас»¹.

Газета «Утро России» с удовлетворением отмечала: «Мы поняли, что есть вещи, которых не только не следует скрывать во имя государственного блага, но которые именно ради блага России должно распространять, делать всеобщим достоянием»².

Обобщая определения, данные общественному мнению в многочисленных, посвященных ему исследованиях³, можно выделить свойственные ему черты, отражающие основную проблему диссертационного исследования. Общественное мнение – это система, которая через формирование общественных оценок и вынесение суждений создает механизм регулярного реагирования населения на социально значимые проблемы и вырабатывает устойчивые стереотипы, отражающие социально-экономические и политические условия жизни.

Общественное мнение может формироваться как стихийно, так и целенаправленно. Однако в поле его зрения, как правило, попадают лишь те проблемы и факты, которые вызывают общее сочувствие, затрагивают интересы и потребности значительной массы людей.

А. А. Антонов-Овсеенко в своем исследовании высказывал убеждение в том, что с началом войны и по мере приближения к 1917 г. в России

¹ Череп-Спиридонович А. И. Нельзя терять времени // Земщина. 1916. № 2359.

² Ардов Т. Мобилизация печати // Утро России. 1915. № 173. 25 июня.

³ Гольцендорф Ф. Общественное мнение. Пер. с нем. Н. О. Бера. Санкт-Петербург, 1895; Алексеев В. П. Самодержавие и общественное мнение. Ростов на Дону, 1906; Хвостов В. М. Общественное мнение к политической партии. М., 1906; Оболенская С. В. Франко-прусская война и общественное мнение Германии и России. М., 1977; Пресса и общественное мнение / В. С. Коробейников, В. Т. Давыдченко, В. А. Мансуров и др. М., 1986; Общественное мнение: История и современность. М., 1988; Горшков М. К. Общественное мнение: История и современность. М., 1988; Пронин Е. И. Печать и общественное мнение. М., 1971; Липпман Уолтер. Общественное мнение. Пер. с англ. Т. В. Барчуновой. М., 2004; Гросул В. Я. Общественное мнение в России XIX века. М., 2013; Толчинская Т. И. Печать в борьбе за общественное мнение в России в 1900–1930-х годах: традиции и особенности исторической эволюции (на примере центральных и региональных газет). Пятигорск, 2014; Бернейс Эдвард Л. Кристаллизация общественного мнения. Пер. с английского Н. А. Коневской, Н. М. Макаровой. М. ; Санкт-Петербург, 2019; Шарков Ф. И. Медиаполитика и общественное мнение в медиaprостранстве. М., 2023.

«неуклонно возрастала роль печатных изданий политических партий в процессе формирования общественного мнения»¹. Здесь необходимо обозначить нашу позицию по данному вопросу.

По идеологическим признакам в отечественных исследованиях выделяются социалистические, либеральные и консервативные партии. Все три группы к началу XX в. создали широкую сеть газет, которые имели «политическую подкладку», отражая партийную идеологию и участвуя в решении агитационно-пропагандистских, воспитательных, просветительских и организационных задач. Практически любые партийные издания находили своего читателя, но устойчивый интерес присутствовал у относительно небольшого количества сторонников. Пресса политических партий являлась таким типом изданий, которые действовали «не на основе законов капиталистической конкуренции, а подчинялся – технически, организационно и экономически – в первую очередь политическим целеустановкам»².

Издания, ориентированные на коммерческую составляющую, пользовались тем обстоятельством, что рядом с общественным мнением по тем или иным вопросам могут сосуществовать многочисленные частично или совсем не одинаковые с ним частные мнения и не тождественные во всем взгляды, в противовес партийной единогласности. Этими обстоятельствами объясняется более гибкая позиция в том числе и ряда партийных газет, которые одновременно служили обоим целям, помещая на своих страницах партийные материалы и статьи, имевшие общий интерес.

Партии социалистического направления в лице большевиков в 1905 г. издавали 58 наименований, из них 12 легальных и в том числе наиболее заметную газету «Новая жизнь». Меньшевики выпускали около 20 легальных изданий, среди которых наиболее известными были газета «Начало» и журнал

¹ Антонов-Овсеенко А. А. Роль периодической печати в формировании общественного сознания в России в 1917 г.: диссертация ... доктора филологических наук. Тверь, 2013. С. 9.

² Гляйсберг Г. О концентрации печати и манипулировании общественным мнением. Пер. с немецкого. М.: Издательство «Прогресс», 1974. С. 20.

«Наше дело». Эсеры вели пропаганду со страниц газеты «Сын Отечества», а также опираясь на массовую политическую газету «Голос»¹.

Партия крупного капитала и промышленников «Союз 17 октября», которую некоторые исследователи склонны относить к консервативному направлению, издавал газету «Новый путь». Близкую к ней позицию занимали издания «Слово» и «Голос Москвы». Однако чиновники Главного управления по делам печати отмечали, что «главный октябристский орган являлся вполне октябристским до осени 1914 г., когда в составе пайщиков этой газеты произошли перемены, и директором-распорядителем был приглашён П. И. Крашенинников»². Издание стало «уходить» влево и всё в большей степени обретало кадетские черты.

Газета «Утро России», организатором которой в сентябре 1907 г. выступил П. П. Рябушинский, позиционировала себя в качестве «внепартийного органа прогрессивной деловой мысли» и отчасти отражала политические взгляды группы прогрессистов, имевшей фракцию в IV Государственной Думе. Советскими исследователями газета характеризовалась как «глашатай воинствующих московских капиталистов, как издание, в июле 1914 г. громко выступившее за войну с Германией»³. Заметно более мягкая оценка издания: «Демонстрируя так называемую оппозиционность крупный буржуазии, газета продолжала выступать с критическими замечаниями в адрес правительственной политики и отдельных представителей государственной власти, что приводило к административным преследованиям»⁴. По существу, издание было не партийным, а отражало интересы группы промышленных и финансовых деятелей, находясь, отчасти, на их содержании.

¹ Раскин Д. И., Рябова Л. К. Указ. соч. С. 34-35.

² Цит. по: Шевцов А. В. Указ. соч. С. 98.

³ Дякин В. С. Русская буржуазия и царизм в годы Первой мировой войны. (1914 – 1917). Л., 1967. С. 59.

⁴ Боханов А. Н. Указ. соч. С. 77.

Газеты же, которые издавались исключительно для целей политической агитации в интересах определённых политических направлений: от придерживавшихся откровенно монархических позиций, до радикально левого, действительно, печатались без строгих материальных расчётов и главным образом на партийные средства, а правые издания – при неофициальной поддержке государства, но это не приносило им увеличения влияния без использования настроений, которые были связаны у населения с изменениями, происходившими в тылу и на полях сражений.

В целом же, говоря о партийной печати, следует учитывать ее особенность с точки зрения самого определения этого явления. На наш взгляд следует согласиться с точкой зрения исследователя российских политических партий А. В. Шевцова, который отмечал в своей работе, посвященной издательской деятельности несоциалистических партий, что в литературе традиционным является широкий подход в толковании этого явления. Исходя из него, партийность изданий определяется как на основе анализа их содержания с точки зрения его соответствия идеологии конкретной партии, так и через наличие среди авторов, издателей и редакторов членов или сторонников этой партии. В этом случае политическая партия как конкретная организация подменяется идеологической ориентацией того или иного издания на существовавшие партийные структуры¹.

Подходя с узкой точки зрения к этой проблеме, периодические издания следует оценивать на основе их официальной партийной принадлежности. Отдельно можно говорить о беспартийных частных общественных газетах и журналах, которые на некоторых этапах своей деятельности были склонны придерживаться определённого партийного направления. Их необходимо идентифицировать как «околопартийные издания».

Такие газеты, несмотря на их явную партийную ориентацию, находили многочисленных подписчиков среди лиц, в том числе принципиально не

¹ Шевцов А. В. Указ соч. С. 10.

сочувствовавших их идеологическим взглядам. Ярким примером может служить газета «Речь», выходившая в Петербурге с февраля 1906 г. и представлявшая интересы партии Конституционных демократов. Она была убыточной и «после первых пяти лет дефицит от издания превысил сумму основного капитала товарищества»¹. Однако в дальнейшем, благодаря своей информативности, «Речь» стала привлекательной и для массового читателя. По оценке одного из современных исследователей, «издание имело яркую политическую окрашенность, но не было отдано на откуп назойливой прямой политической рекламе и пропаганде»².

По мнению, высказанному еще в середине XIX в. немецким профессором права Францем фон Хольцендорфом: «Пресса, отдавшаяся служению интересам партии, не может претендовать на роль выразительницы общественного мнения, *которое всегда должно сохранять за собой право свободного суждения в отношении партийных учений* (курсив в тексте. – Ж. С.)»³. Особенность деятельности политических партий заключается в том, что изменения во взглядах их сторонников традиционно считалось отступничеством, в отличие от перемены во взглядах их противников, что приветствовалось.

Представители всех идеологических направлений участвовали в преследовании печати политических оппонентов. «Либералы – сторонники политической свободы "по определению" – стремились освободить страну и народ не только от самодержавия, но и от идеологического влияния его сторонников»⁴. Большевики последовательно осуществляли такие действия в отношении не только черносотенной печати, которая исчезла сразу после

¹ Боханов А. Н. Указ. соч. С. 65.

² Савастенко Р. А. Российская периодика в начале XX века и ее участие в общественно-политической жизни страны // Вестник РУДН. Сер.: Литературоведение, журналистика. 2013. № 4. С. 119.

³ Гольцендорф Ф. Общественное мнение. Пер. с нем. Н. О. Бера. Санкт-Петербург, 1895. С. 36.

⁴ Шевцов А. В. Указ. соч. С. 266.

Февральской революции, но и самих либералов, а заодно и умеренных социалистов.

Период открытой идейной агитации в России и активизации партийной печати происходил во время выборов в Государственную Думу, со всей очевидностью наступил после прихода к власти Временного правительства и объявления о предстоящем созыве Учредительного собрания.

Подводя итог анализу партийных направлений в печати, следует отметить, что ни одно из изданий революционной, промонархической (консервативной) или прогрессистско-кадетской (либеральной) ориентации не пользовалось такой популярностью, как «Новое время» или, например, «Русское слово». Однако партийная печать являлась неотъемлемой частью не только организационной работы самой партии, но и издательской деятельности в России в целом.

На этом характеристики периодической печати этого времени не исчерпываются, но нас в контексте представленного исследования интересуют издания оппозиционные по отношению к власти с точки зрения их связей с общественными настроениями, их возможностей в формировании общественного мнения в условиях Первой мировой войны. В этот период на смену «большой», «малой», «дешёвой» или «дорогой» газете приходит «информативная», с точки зрения насыщенности и качества материала, представленного на ее страницах. Различия в идейном направлении изданий были связаны с решением вопроса о том, что необходимо сохранить в старой системе социально-экономических отношений или как перейти от старой формы устройства к новой, а также каково должно быть содержание преобразований и какие следует использовать методы их проведения.

Исследователи прессы начала XX в., чью точку зрения отразил в своем труде П. Г. Мижухев, были убеждены, что «число и распространение периодических изданий можно считать показателем степени распространения в обществе интереса к жизни своей страны, к жизни своих сограждан, почему существование значительной прессы в свою очередь является <...>

наилучшим ручательством того, что никакие общественные нужды не останутся долго без удовлетворения, и что самое удовлетворение общественных нужд будет иметь более или менее рациональный характер»¹.

Крупные периодические издания, такие как петроградское «Новое время» и московское «Русское слово» (тираж последнего к 1917 г. достиг 1 млн экземпляров²), на определенных этапах войны являлись для власти основным способом повлиять на общественность через их возможности выхода на массовую аудиторию. Большинство решений на самом деле принималось вне участия новостных изданий, но при необходимости мобилизовать общество, вовлечь его в необходимые действия было не обойтись без влиятельных средств печати. Однако на этом пути возникала проблема, преодолевать которую зачастую удавалось только административным путем, поскольку от редактора газеты зависело определение того, что станет новостью, достойной для размещения на страницах его издания, и как о ней следует рассказывать читателям. В этом и заключался корень потенциального конфликта между печатью и властными структурами.

Московская газета «Русские ведомости», выходившая с 1863 г. и оценённая как наиболее серьезное буржуазное издание конца XIX и начала XX веков, отличалась академическим характером, поскольку объединяла в своих рядах профессорские круги³. Известная представительница дореволюционной либеральной оппозиции А. В. Тыркова-Вильямс заявляла, что «Московские "Русские ведомости" по духу и по составу сотрудников почти сливались с кадетскими, но это старинная, влиятельная газета партийным указкам не

¹ Мижухев П. Г. Несколько слов по поводу статистики периодической печати в России и за границей // Сборник статей по истории и статистике русской периодической печати 1703–1903. К 200-летию выхода первой русской газеты. Санкт-Петербург: Русское библиол. о-во, 1903. С. 308.

² Менделеев А. Г. Жизнь газеты «Русское слово»: Издатель. Сотрудники. М.: РОССПЭН, 2001. С. 15.

³ Вертинский Н. С. Газета в России и СССР: XVII – XX вв. М.; Л.: Государственное социально-экономическое изд-во, 1931. С. 78.

подчинялась»¹. Начиная с 1890-х гг. газета превратилась в крупное доходное предприятие². Однако в ходе Первой мировой войны издание вынуждено было отойти от присущего ему академического характера изложения материала, откликаясь на насущные проблемы, анализируя действия властей.

По поводу новых тенденций в подаче материала «Русскими ведомостями» высказалась газета «Утро России»: «"Русские ведомости" с неприсущим им порывом начертали: "Нам нужна эпоха Великих реформ"... Старожилы московские пошутили над экспансивностью почтенной газеты, а сегодня, вероятно, в полном смысле злорадствуют: "Эпоха Великих реформ" наступила быстрее, чем можно было ждать»³. Политическая коммуникация создаётся с учётом мнения аудитории и автор публикации в «Русских ведомостях» с очевидностью предполагал, что использование в том числе эмоциональной окраски для сообщения будет более эффективным для привлечения внимания читателей, а также придаст материалу более значимый характер. Призыв к осуществлению «Великих реформ», действительно, был замечен и другими газетами, и военной цензурой, наложившей штраф на редактора издания.

В условиях войны включение прессы в общественную жизнь не снижалось даже из-за ограничений, связанных с распространением информации. Уже на второй день с момента объявления военных действий, 20 июля 1914 г., в стране была введена военная цензура и периодические издания дружно признали ее необходимость: «Война требует тайны, и все должны с тем мириться, это знает «малый ребенок», строгое соблюдение такой тайны приносит огромную пользу»⁴. Однако вслед за этим признанием возник вопрос, на который в условиях войны так и не удалось найти универсальный ответ. Каковы пределы ограничений, которые должны предотвратить другую

¹ Цит. по: *Шевцов А. В.* Указ. соч. С. 56.

² *Боханов А. Н.* Указ. соч. С. 69.

³ *Altus.* Недосказанное. На повороте // *Утро России.* 1915. № 244. 4 сентября.

⁴ *Ардов Т.* Мобилизация печати // *Утро России.* 1915. № 173. 25 июня.

опасность, связанную с информированностью населения? Накопленный предыдущий опыт показал, что отсутствие или значительное урезание распространяемых сведений неминуемо влечет за собой распространение слухов, которые в определенных случаях наносят огромный вред общественному спокойствию.

Так, газета «Утро России» рассказывала о специально назначенной сенаторской ревизии, занимавшейся расследованием в Москве причин московских беспорядков 27-29 мая. Подавляющее число показаний свидетелей погромов предприятий, связанных с лицами немецкого происхождения, сводилось к утверждению слухов «об отравлении немцами воды». Московские власти вынуждены были официально сообщить скрытые ранее сведения о «случаях гастрических заболеваний на некоторых фабриках». Если бы печать дала полученную ей официальную информацию от санитарного управления, крупных беспорядков удалось бы избежать. Однако на такую публикацию требовалось особое разрешение, так как в условиях военного времени это означало бы совершить нарушение закона о военной цензуре. Военная же цензура, руководясь законами и циркулярами, не имела права разрешить напечатать подобные сведения, поскольку речь шла об эпидемии, которая могла вызвать панику среди населения, все равно возникшую, но под влиянием слухов и со значительно более глубокими последствиями¹.

В экономической сфере отсутствие достоверных сведений порождало неверные оценки происходивших явлений. Та же газета «Утро России» отмечала, что в очень болезненном вопросе о постоянном росте цен в условиях войны, мнения газет в большинстве были далеки от главных причин явления. «Впоследствии органы печати, высказавшись совершенно искренно и *bona fide** суждение о спекуляции, как основной причине дороговизны, изменили свой взгляд, а если бы они с самого начала были "поставлены в известность"

¹ Ардов Т. Мобилизация печати // Утро России. 1915. № 173. 25 июня.

* *Bona fide* (лат. юрид.) – добросовестность.

об истинной основной причине явления, разве не было бы лучше? Ошибка произошла от незнания. Но бывают случаи, когда печать обладает полным знанием вопроса и, однако, не может сделать необходимого шага и принести всю ту пользу, какую могла бы принести»¹.

Таким образом, существовали некоторые границы, связанные с распространением сведений, требовавшие определенных ограничений, контролируемых военной цензурой. Однако эти границы были очень часто неопределенными и их соблюдение влекло за собой обратные последствия. Усугубляло положение то обстоятельство, что военная цензура имела силу «высочайше» утвержденного закона и в принципиальных случаях сделать исключение из принятого правила можно было только с разрешения самого императора.

Отступление из Галиции дезорганизация экономики изменило настроения публикаций, размещаемых в газете в апреле – мае 1915 г., порождая сомнения в способности царского правительства обеспечить ведение победоносной войны. Именно в «Утре России» 23 мая 1915 г., о чем было рассказано во второй главе диссертации, была опубликована статья П. П. Рябушинского с требованием осуществления мобилизации промышленности, которую, по замыслу автора, необходимо было провести в самых широких масштабах. Постепенно в газете эта идея стала перерастать в требование политической реорганизации власти.

Таким образом, на передний план в оценке периодических изданий, ориентированных на сохранение своих читателей с точки зрения их взглядов и настроений, выходила оперативность и определенная направленность в освещении новостей.

В определенные периоды, носившие переломный характер, а таким этапом в истории явилась мировая война, принцип дифференциации периодических изданий на основе их изначальной специализации переставал

¹ Ардов Т. Мобилизация печати // Утро России. 1915. № 173. 25 июня.

соответствовать реалиям или по крайней мере не проявлялся однозначно в повседневной практике. В таких условиях на первое место выходит информационная составляющая этих изданий, являющаяся главным критерием доверия к ним со стороны общества. Такая печать была способна воздействовать на население страны, с ней вынуждена была считаться правящие круги и те же политические партии, она становилась эталоном для остальной прессы. В газетах отдел статей и фельетонов превратился в самый важный и ответственный, поскольку именно его материалы отражали политическое мнение газеты.

В свою очередь и для читателей ценность представляли издания, умевшие сохранять общее направление своего содержания, уже получившего массовое признание. Ради сохранения этого своего статуса газеты периодически отступали от требований цензуры, заботясь лишь о том, чтобы их публикации напрямую не были связаны с разглашением военной тайны. Критические публикации в периодических изданиях расширенного информационного содержания были направлены как простому читателю, так и тем, кто обязан был исправлять возникшие недостатки. Такого рода деятельность повышала эффективность прессы как средства социальной связи населения страны с существовавшей системой управления¹.

¹ Пронин Е. И. Печать и общественное мнение. М.: Издательство МГУ, 1971. С. 99.

1.2. Экономика и финансы Российской империи накануне военного конфликта

К началу XX в. Российская империя переживала несколько десятилетий промышленного роста, прерванного на период с 1901 по 1908 гг. кризисом, Русско-японской войной и революционными потрясениями. Экономический подъем, который начался в 1909 г., отразился высокими показателями развития во всех основных отраслях промышленности.

По среднегодовым темпам предвоенного промышленного роста, который составил в среднем 5,7%, Российская империя вышла на первое место в мире, опередив США и Германию. Доля России в мировом промышленном производстве составила 5,3% в 1913 г., что включало ее в пятерку наиболее крупных индустриальных держав наряду с США, Германией, Великобританией и Францией¹.

Накануне войны Россия заняла второе место в мире по добыче нефти, четвертое место по выпуску стали, машиностроению, производству хлопчатобумажных тканей, пятое место по выплавке чугуна, шестое – по добыче железной руды².

Чисто национальный продукт за период 1885 – 1913 гг. возрастал в стране на 3,4%, а в расчете на душу населения на 1,75%.

В то же время Российская империя оставалась сельскохозяйственной страной, где доля сельскохозяйственного производства в национальном доходе составляла 55,7%³. Значение сельскохозяйственного экспорта для экономики страны было огромно. Несколько предвоенных лет хороших урожаев и выгодные цены на сельскохозяйственное сырье на мировом рынке давали правительству до 30% поступлений в доходную часть

¹ Россия в годы Первой мировой войны: экономическое положение, социальные процессы, политический кризис / отв. ред. Ю. А. Петров. М., 2014. С. 262.

² Китанина Т. М. Россия в Первой мировой войне. 1914–1917 гг. Экономика и экономическая политика. В 2 ч. Ч. I: Экономическая политика царского правительства в первые годы войны. 1914 – середина 1916 г. СПб., 2003. С. 12.

³ Россия. 1913 год. Статистико-документальный справочник. СПб., 1995. С. 35. 413 с.

государственного бюджета. Торговый баланс за счет экспорта продуктов земледелия был неизменно положителен. В 1909 – 1913 гг. положительное сальдо составляло более 1,8 млрд руб.¹

В целом «финансовое положение государства в 1913 г. было весьма благоприятным», – отмечалось в проекте заключения финансово-экономической комиссии Совета съездов представителей промышленности и торговли, составленного для представителей российского правительства на конференции союзных государств в Париже. – Обыкновенные доходы достигли высокой цифры, до какой они раньше никогда не доходили – 3.417,3 млрд руб. к концу 1913 г., кредитных билетов находилось в обращении на 1.775 млрд руб.»²

Согласно отчета Государственного контроля исполнение росписи доходов и расходов в 1913 г. выразилось в следующих цифрах (см. **Таблица**³)

	Доходы (в млн руб.)	Расходы (в млн руб.)
Обыкновенные	3.417.3	3.094.2
Чрезвычайные	13.8	288.7
Остатки от заключенных смет прежних лет	21.4	
	3.452.5	3.382.9

Главные источники доходов в государственный бюджет в 1913 г. были следующие:

- от продажи вина (казенная винная операция и сборы питей) – 953 млн руб. (27,9% бюджета);

¹ Сидоров А. Л. Экономическое положение России в годы Первой мировой войны. М.: Наука, 1973. С. 35.

² РГИА. Ф. 32. Оп. 1. Д. 1855. Л. 1.

³ Там же.

- эксплуатация железных дорог (государственных, прибыли от участия в доходах частных железнодорожных обществ и обязательные платежи этих обществ в казну; сбор с пассажиров и грузов, перевозимых в пассажирских и товарно-пассажирских поездах) – 891.6 млн руб. (26,1%);

- косвенные налоги (таможенный и пр.) – 708.1 млн руб. (20,7%);

- прямые налоги (промысловый и пр.) – 272.5 млн руб. (8%);

- остальные доходы – 592.1 млн руб. (17,3%)

Таким образом, основное значение для пополнения бюджета имела винная монополия, а также эксплуатация железных дорог.

Что касается косвенных налогов, то в 1913 г. в среднем на душу населения приходилось, включая сборы с питей – пива, виноградного вина и пр. – 4 руб. 51 коп.¹

Расходы государственного бюджета в 1913 г., характеризовались следующими цифрами (см. **Таблица**)²:

Статья расходов	в млн руб.	в %
Морское и военное министерства	835.9	26.7
Эксплуатация казенных железных дорог	586.9	19
Платежи по займам	424.4	13.7
Расходы казенной винной монополии	235.0	7.6
Все остальные расходы	1.022.0	33

Чрезвычайные расходы составили 288.7 млн руб. Они включали постройку новых железных дорог и ремонт старых, хозяйственно-

¹ Дементьев Г. Государственные доходы и расходы России и положение государственного казначейства за время войны с Германией и Австро-Венгрией до конца 1917 г. Пг., 1917. С. 6.

² РГИА. Ф. 32. Оп. 1. Д. 1855. Л. 3.

операционные расходы военного министерства, постройку и улучшение коммерческих портов и др.

В первой половине 1914 г. «поступление доходов продолжалось в тех же условиях, в каких оно происходило в 1913 г., и с тем же успехом»¹, – фиксировалось в заключении финансово-экономической комиссии Совета съездов представителей промышленности и торговли. Весьма высоки были темпы прироста населения в России: примерно 1.6% в год.

При этом современные исследователи отмечают, что «качественные показатели развития России, важные для военного противостояния, значительно отставали от количественных»². Так, производительность труда в промышленности составляла лишь 50% от среднемировых значений, как и объем промышленного производства на одного человека. Значительным было отставание России и от финансового капитала. В 1910-е гг. Россия обладала финансовым капиталом в 11,5 млрд руб. (4,6% мирового). Из них 7,5 млрд руб. или 2/3 составляли иностранные капиталовложения и только 1/3 – национальные.

Тем не менее, ведущий отечественный исследователь экономических процессов в Российской империи в годы Первой мировой войны Т. М. Китанина пришла к выводу: «Промышленный потенциал России, переживший период экономического подъема (1909 г. – 1913 гг.), несмотря на многие негативные явления, был относительно подготовлен к мобилизационной перестройке»³.

Для диссертационного исследования интерес представляют оценки состояния российской экономики, которые фиксировались на страницах российских газет накануне войны. Причем основное внимание уделяется публикациям изданий, редакции и авторы которых или в силу идейных

¹ РГИА. Ф. 32. Оп. 1. Д. 1855. Л. 3.

² Погребинская В. А. Формирование принципов мобилизационной экономики в годы Первой мировой войны // Первая мировая война: влияние на экономику России и мира. М., 2016. С. 23.

³ Китанина Т. М. Указ. соч. С. 56.

разногласий с верховной властью, или в результате особого профессионального видения проблем являлись потенциальными критиками реализуемой правительством финансово-экономической политики, что предполагало критический настрой и в отношении имевшихся достижений в преддверии военного конфликта.

«Об общем развитии нашей фабрично-заводской промышленности за последнее время можно судить по увеличению числа рабочих на промышленных предприятиях, подчиненных надзору фабричной инспекции»¹, – указывал профессор Петербургского политехнического института, экономист, историк, публицист, «легальный марксист» М. И. Туган-Барановский в своей статье «Народное хозяйство» для ежегодника газеты «Речь» на 1914 г. и приводил соответствующие цифры. В 1911 г. число рабочих увеличилось на 5,1% по сравнению с 1910 г., в 1912 – на 4,9% и составило 2151191 человек. К концу 1913 г. под надзором фабричной инспекции состояло 17877 предприятий, на которых было работало 2329577 рабочих. Наибольший прирост занятых в производстве происходил в Петербургском промышленном округе на металлургических предприятиях². Еще более показательны, по его мнению, «в смысле характеристики нашего промышленного подъема» были данные относительно роста числа акционерных компаний. Так, в 1910 г. их насчитывалось 104, а в 1913 г. – 152 (по данным за восемь месяцев) с соответствующими суммами основных капиталов в 108.657 тыс. руб. (1910 г.) и 247.206 тыс. руб. (1913 г.)³.

Более всего промышленный подъем отмечал М. Н. Туган-Барановский в чугунно-промышленном производстве, в котором выплавка чугуна в 1912 г. превзошла на 45% выплавку 1912 г. и продолжала нарастать. «Вообще же, истекшие четыре года нашего промышленного подъема, в возможность которого еще недавно никто не хотел верить, напоминают во многих

¹ Туган-Барановский М. Народное хозяйство // Ежегодник газеты «Речь» на 1914 г. С. 346.

² Русская фабрично-заводская промышленность в 1913 г. // Речь. 1914. № 354. 31 декабря.

³ Туган-Барановский М. Указ. соч. С. 347.

отношениях подъем конца прошлого века, – приходил к выводу ученый, – правда, с некоторыми отличиями. Самое важное отличие состояло в том, что подъем девяностых годов возник всецело на основе прилива к нам иностранного капитала и постройки за счет этого капитала новых железнодорожных линий, между тем как современный подъем имел в своей основе, главным образом, скопление значительных капиталов в самой России»¹. Являясь сторонником концепции циклического развития капиталистического производства, М. Н. Туган-Барановский в итоге приходил к выводу, что Россия находилась на пороге промышленного упадка, предсказывая в связи с этим промышленный кризис в 1914 г.²

Экономист Л. Б. Кафенгауз, симпатизировавший социал-демократам и примыкавший к меньшевикам, перед войной работал в статистическом отделе Московской городской управы. В пространной статье с красноречивым названием «Подъем или кризис?» он также отмечал очевидные признаки промышленного оживления в России: «Возросла строительная деятельность, поднялись цены на продукты промышленности и вместе с ними возросла доходность предприятий, появилось много новых фабрик, и биржевые спекуляции захватили собой широкие слои средних классов населения»³. Вместе с тем он оценивал процессы, происходившие в финансовой и промышленной сферах страны с большей долей критичности: «Но наш подъем отличается еще одной истинно-русской особенностью, он настолько слабо выражен, что иногда сомневаешься, можно ли такое состояние называть тем, что обыкновенно называется общим промышленным подъемом»⁴. Например, он считал «странным» признаком подъема промышленности «слабое развитие нашей железнодорожной сети». Действительно, если в 1896 – 1900 гг. протяженность железнодорожной сети увеличилась на 15,5 тыс. верст, за пять

¹ Туган-Барановский М. Указ. соч. С. 349.

² Там же. С. 361.

³ Кафенгауз Л. Подъем или кризис // Современный мир. 1914. № 4. Апрель. С. 54.

⁴ Там же.

предвоенных лет количество построенных железных дорог было примерно в три раза меньше. «Зато в течение истекшего года проекты новых дорог посыпались, как из рога изобилия, – отмечал Л. Б. Кафенгауз, – ...большой части которых вряд ли суждено осуществиться в ближайшем будущем»¹.

При этом экономист справедливо указывал, что медленное развитие железнодорожного строительства негативно отражалось на всех с ним связанных видах промышленности. Скептически оценивал он и показатели относительно выплавки чугуна. Так, «с 1908 по 1913 годы выплавка чугуна возросла на 70,7% между тем, во второй половине девяностых годов выросло на 103%»². По его наблюдениям, в течение последних трех лет страна переживала настоящий «металлический голод». В связи с этим на один год были понижены пошлины на чугун. По заказам частных железных дорог на 1912 г. из 4 млн пудов рельс 20% не было изготовлено в срок, в 1913 г. процент невыполненных заказов увеличился до 47%. «Не смотря на все это, в так называемой тяжелой промышленности, т. е. в чугуноплавильном и железнодорожном производстве не открылось ни одного нового предприятия, если не принять во внимание реорганизации некоторых бездействовавших прежде заводов из подмосковных районов»³.

Еще более критично Л. Б. Кафенгауз рассматривал состояние топливной промышленности. Так, он отмечал, что с 1909 г. добыча угля возросла на 37%, тогда как с 1895 по 1900 гг. она увеличилась на 78%. Причем значительная часть угля поступала не на новые фабрики, а использовалась на старых предприятиях вместо нефти, добыча которой стала уменьшаться, вследствие истощения старых нефтеносных скважин в Баку⁴. Сокращение добычи нефти в период подъема целого ряда отраслей промышленности вызвало рост цен на жидкое топливо и переход в связи с этим производств на другие виды

¹ Кафенгауз Л. Подъем или кризис // Современный мир. 1914. № 4. Апрель. 63.

² Там же. С. 62.

³ Там же. С. 64.

⁴ Там же. С. 65.

энергоносителей: каменный уголь, древесину, торф, объемы добычи которых также не могли удовлетворить возросший спрос. Образовавшийся, таким образом, топливный голод оказался дополнительным фактором, сдерживавшим развитие российской промышленности. Примером могла служить ситуация на одном из крупнейших в отрасли Донецко-Юрьевском металлургическом заводе, вследствие недостатка топлива на котором две доменные печи были заглушены, а на оставшихся двух был замедлен процесс выплавки чугуна¹.

Никаких признаков подъема не находил автор в текстильной промышленности, «которая связана непосредственно с потребителем и отражает на себе покупательную способность всего населения»². В заключение Л. Б. Кафенгауз пришел к выводу: «...так как на нашем товарном рынке не было общего подъема, так как денежный рынок не был напряжен в такой степени, как западно-европейский, и строительная деятельность развивалась сравнительно умеренным темпом, то нам нет никаких оснований ожидать резкого кризиса, аналогичного тому, который мы пережили в 1900 – 1902 году»³.

Газета «Новое время» в финансовом и экономическом обзоре за 1913 год отмечала, что «Россия в области экономической явилась в минувшем году выгодным исключением в среде других стран... В связи с вполне приличным урожаем держался хороший сбыт товаров вообще, а крупные заказы казны и железных дорог способствовали развитию спроса на металлургические изделия и на строительные материалы»⁴.

В то же время и аналитики «Нового времени» соглашались с обозначившимся в 1913 г. «кризисе потребления» и подтверждали, что «во всех почти главных отраслях в минувшем году наблюдался недостаток

¹ Биржевые ведомости. 1913. № 13861. 17 ноября.

² Кафенгауз Л. Подъем или кризис // Современный мир. 1914. № 4. Апрель. С. 67.

³ Там же. С. 73.

⁴ Экономический и финансовый год // Новое время. 1914. № 13586. 1 января.

продуктов», указывая, что в течении года со страниц как специальных журналов, так и периодических изданий не сходили разговоры о разного рода «голоде»¹. Так, несмотря на то, что выплавка чугуна поднялась более чем на 15%, Министерство торговли и промышленности уже в 1912 г. было засыпано жалобами торгово-промышленных организаций о недостатках запасов чугуна на 1913 г. и о возросшей цене до 74 коп. за пуд. Недостаток металла заставил министерство образовать межведомственное совещание под председательством В. П. Литвинова-Фалинского по вопросу о недостатке чугуна, в рамках которого рассматривалась «малая и непрогрессирующая производительность наших железодельных заводов... как главнейшая причина малоуспешности в смысле запаздывания всех видов нашего строительства, не исключая и таких особенно важных, как военно-морское и железнодорожное»².

Отмечался в газете и топливный «голод». Недостаток каменного угля был определен на 1914 г. в 140 млн пудов. «В результате к июлю месяцу (1913 г.), – сообщала газета, – сахарные заводы получили только четвертую часть нужного им для предстоящей кампании угля»³. Особенно в газете выделялись проблемы с нефтяной промышленностью, а, следовательно, с поставками нефти. Добыча нефти, как уже отмечалось, в отличие от других видов топлива, сократилась в 1913 г. В итоге цены за год увеличились с 37,5 коп. за пуд до 65 коп. «В результате создавшегося положения вещей особенно пострадали пароходчики. Так, на Волге и Ахтубе пароходство, существующее 40 лет должно было ликвидировать свои дела, вследствие дороговизны топлива»⁴.

Уделяла внимание газета и проблемам в сфере железнодорожного строительства, констатируя, «что разного рода "голод" вызывается не недостатками производительных сил страны или естественных ее богатств, а

¹ Промышленность и торговля // Новое время. 1914. № 13586. 1 января.

² Брут. Обходной путь // Новое время. 1913. № 13574. 24 декабря.

³ Промышленность и торговля // Новое время. 1914. № 13586. 1 января.

⁴ Там же.

несоответствием «существующей сети железных дорог с требованиями все развивающейся русской промышленности»¹.

Еще одну причину возникающего «голода» в промышленности отмечало «Новое время» – это образование разного рода синдикатов, полагая, что «объединение русской промышленности на синдикатной почве носит самый выгодный характер союзов, преследующих одну цель: подъем цены и сокращение производства. <...> В результате, с одной стороны промышленность проявляет отсталость и делается бессильной бороться с натиском иностранцев, с другой же стороны небывалый подъем цен придает им почти запретительный характер»². Причем основным объектом критики со стороны газеты становились мероприятия по борьбе с «синдикализмом», предпринимавшиеся Министерством торговли и промышленности. Прежде всего, имелся в виду законопроект, разрешавший открытие синдикатов только под контролем правительства. Более существенной мерой борьбы с синдикатами, по мнению газеты, являлись снижение или отмена пошлин на ввоз угля и нефти из-за границы для нужд железных дорог. «Еще более существенными являются почин Министерства путей сообщения в деле организации разработки копей для нужд железных дорог и предоставление права железным дорогам самим заниматься разработкой как копей, так и нефтяных земель, для получения нужного топлива»³.

В целом положительную оценку состоянию российской фабрично-заводской промышленности за 1913 г. предлагал свод отчетов фабричных инспекторов, опубликованный в ряде газет с опозданием по причине начала военных событий. Из отчета следовало, что в Российской империи предприятий с количеством рабочих более 900 чел. насчитывалось 392, из них 171 занимались обработкой хлопка. Из общего числа крупных предприятий 23,4% входило в группу производств по обработке пищевых и вкусовых

¹ Промышленность и торговля // Новое время. 1914. № 13586. 1 января.

² Там же.

³ Там же.

веществ, причем большинство этих предприятий принадлежало свекло-сахарным и сахарно-рафинадным заводам. В металлургической промышленности число крупных предприятий составляло 15,9% их общего числа, а число занятых рабочих – 16,2%. В шерстеобрабатывающей промышленности крупные предприятия составляли 9,8% с 9,9% рабочих¹.

Петроградский округ отличался среди других развитием химического, бумажного и полиграфического производства, обработкой дерева, металлов, минеральных веществ и животных продуктов. Московский и Варшавский округа отличились значительным развитием мануфактурной промышленности. Московский специализировался на обработке хлопка, льна, пеньки, джута, шелка, Варшавский – шерсти. В Киевском и Харьковском округах более всего развивалась пищевая промышленность.

Вполне благоприятен 1913 г. был с точки зрения фабричных инспекторов для металлургической промышленности. Прежде всего это относилось к заводам, производившим сельскохозяйственные машины и орудия, потребность в которых объяснялась хорошим урожаем. Усиленный спрос на проволоку, кабели и трамвайные вагоны также способствовал развитию соответствующих производств. Успешная деятельность кирпичных, цементных и стекольных заводов являлось следствием усиления потребностей в строительных материалах. В химической промышленности увеличили производительность мануфактуры по производству резины и спичек. В Варшавской губернии наблюдался рост производства на парфюмерных и целлулоидных фабриках. Значительный подъем производства наблюдался в льняной промышленности.

Проблемы в развитии инспекторы отмечали в лесной промышленности «вследствие неблагоприятных условий вывозки к месту сплава заготовленного леса», а также в добывающей промышленности, где «снижение общей добычи

¹ См.: Русская фабрично-заводская промышленность в 1913 г. // Утро России. 1915. 1 января. № 1; Русская фабрично-заводская промышленность в 1913 г. // Речь. 1914. 31 декабря.

нефти на 11 млн пудов объясняется забастовками». Положение в сахарной промышленности, по мнению инспекторов, «несколько улучшилось, исключая Люблинскую губернию»¹.

В целом положительная итоговая оценка развитию промышленности была вынесена и на VIII съезде Совета съездов представителей промышленности и торговли в июне 1914 г., в итоговом документе которого отмечалось: «Восьмой съезд, всесторонне обсудив современное положение промышленности и торговли, находит, что не имеется никаких тревожных признаков экономического порядка, которые указывали бы на приближение резкого перелома в нынешней экономической конъюнктуре»².

С докладной запиской, составленной по итогам заседаний съезда, делегация представителей промышленности и торговли во главе с председателем Совета съездов И. С. Авдаковым 22 июня 1914 г. посетила председателя Совета министров И. Л. Горемыкина. В записке подчеркивалось, что «благоприятная экономическая конъюнктура» предоставляет не только широкую возможность для развития русской промышленности, но и для «вытеснения предметов иностранного производства и удовлетворения спроса отечественными продуктами»³. В то же время в записке были сформулированы претензии со стороны промышленников к ряду начинаний правительства. Содержание записки, которая была опубликована на страницах периодической печати и получила большой резонанс, дает представление о видении крупной буржуазией перспектив развития российского фабрично-заводского хозяйства и проблемных моментов в этом процессе.

Так, несогласие со стороны промышленников вызвало принятие новых правил для акционерных обществ, вследствие чего ограничивалось право приобретения обществами недвижимого имущества. Представители горной,

¹ Русская фабрично-заводская промышленность в 1913 г. // Утро России. 1915. 1 января. № 1.

² РГИА. Ф. 32. Оп. 1. Д. 109. Совет съездов представителей промышленности и торговли. Л. 18.

³ Там же. Л. 20.

писчебумажной, свеклосахарной, торфяной промышленности, для успешного функционирования которых требовался ввод в эксплуатацию больших новых площадей, заявляли в связи с этим, что предложения правительства «не только препятствуют развитию промышленности, но в корне подрывают всякую инициативу и самодеятельность в этой области»¹.

Второе существенное ограничение, которое планировалось ввести правительством, заключалось в том, что во всех случаях, когда акционерное общество приобретало недвижимое имущество, в состав правления не должны были входить лица иудейского вероисповедания². «Ограничения, имеющие в виду исключительно евреев, — отмечалось в записке, — на самом деле бьют по русской промышленности, так как следствием, несомненно, явится отлив капиталов из промышленности и задержка в образовании новых предприятий, столь необходимых для развития производительных сил страны»³.

Вызывало беспокойство промышленников и возможность преследования в судебном порядке деятельность синдикатов, прецедент чему был положен возбуждением уголовного следствия против «Продугля». В записке подчеркивалось, что «синдикаты являются и у нас, и на Западе вполне нормальным явлением. <...> Лишь благодаря им удастся защитить существование этих отраслей промышленности и обеспечить капиталам нормальную прибыльность»⁴.

Освещая встречу делегации с председателем Совета министров, большинство периодических изданий отмечало «сочувственную» реакцию с его стороны на их заявления: «Он вполне понимает общегосударственное значение развития промышленности и просил промышленников обращаться к нему во всех затруднительных случаях»⁵. Причем «сочувствие» редакциями газет расценивалось по-разному, а зависимости от направленности издания.

¹ РГИА. Ф. 32. Оп. 1. Д. 109. Л. 24.

² Там же. Л. 25.

³ Там же. Л. 27.

⁴ Там же.

⁵ Промышленники у И. Л. Горемыкина // Русское слово. 1914. № 143. 22 июня.

Автор статьи в «Русском слове», комментируя визит промышленников, отмечал, что они «вместо открытых дверей, встретили по существу, наглухо закрытую дверь, на которой оказались начертаны слова: правительство лучше вас знает, что вредно и что полезно русской промышленности!»¹ «Барский» прием делегации фабрикантов отмечался «Биржевыми ведомостями»: «Промышленность наша нуждается в менее платонической гарантии, но более радикальной в форме постоянного, везде и всеми признанного твердого закона, дающего уверенность в завтрашнем дне»².

«Голос Москвы» посчитал обстановку посещения, классическим примером того, «до каких пределов может дойти взаимное непонимание людей, говорящих на одном и том же языке»³.

Своеобразную реакцию вызвал визит промышленников у редакции газеты «Новое время», которая расценила его как их попытку пересмотреть существующие законы в свою пользу, поставив тем самым «главу правительства, обязанного стоять на почве закона, в очень щекотливое положение». Газета усмотрела в петиции выступление «против правового и гражданского прогресса страны» и предостерегала русскую промышленность от «борьбы с государственными интересами народа»⁴.

Состояние и перспективы развития российского сельского хозяйства также вызывали неоднозначную оценку в периодической печати. Экономическое положение России всегда характеризуется, главным образом, результатами урожая», – справедливо замечалось в экономическом обзоре за 1913 г. в «Новом времени». Сбор урожая, по оценке газеты, оказался «довольно хорошим»: по официальной статистике общий сбор главнейших зерновых составил 4 млрд пудов, по подсчетам центрального статистического комитета – свыше 5 млрд пудов⁵. Как положительное достижение отмечалась

¹ Б. С. «На пороге "открытых дверей"!» // Русское слово. 1914. № 144. 24 июня.

² Биржевые ведомости. 1914. № 14556. 23 июня

³ Голос Москвы. № 143. 1914. 23 июня.

⁴ Над законом // Новое время. 1914. № 13754. 28 июня.

⁵ Экономический и финансовый год // Новое время. 1914. № 13586. 1 января.

постройка в 1913 г. 9 новых зернохранилищ, а к 1915 г. планировалось закончить возведение еще 84 элеваторов. Зернохранилища должны были не только содействовать «широкой постановке ссуд под хлеб, но и упорядочению всего промышленного оборота», так как при помощи них планировалось решить проблему очистки российского зерна от примесей и классификации его по мировым стандартам¹.

В то же время в газете упоминались и возникшие проблемы с вывозом хлеба как связанные с последствиями Балканских войн, так и с усилившейся конкуренцией на мировом рынке со стороны Соединенных Штатов. Указывалось в обзоре и на падение цен на российские зерновые, что могло привести к уменьшению доходов сельских хозяев, а также к ухудшению товарного и расчетного баланса в будущем.

«Одним из важнейших (но далеко не единственно важным) факторов нашего хозяйственного положения является урожай», – также подтверждал М. И. Туган-Барановский, отмечая, что «1913 г., так же как и 1912 г., характеризовались превосходными урожаями, хотя качество зерна и оставляло желать многого». Отмечал он и сохранявшуюся тенденцию повышения хлебных цен на мировом рынке, при этом указывая, что эта тенденция ведет к повсеместному удорожанию жизни, в том числе и в России, «особенно в городах северо-западного района»². По его мнению, повышение цен сельскохозяйственных продуктов было связано с быстрым ростом населения и вытекающей из этого интенсификацией сельского хозяйства.

Прогнозы на урожай 1914 г. в целом были более пессимистичны. «Хотя окончательные результаты урожая как в европейских странах, так и у нас не совсем еще выяснены, но по тем данным, которые уже имеются, можно сказать, что предстоящая хлебная кампания едва ли будет для нас благоприятной, и что всякие надежды на улучшения нашего торгового

¹ Экономический и финансовый год // Новое время. 1914. № 13586. 1 января.

² Туган-Барановский М. Народное хозяйство // Ежегодник газеты «Речь» на 1914 г. С. 342-343.

баланса, путем значительного прилива к нам иностранного золота взамен вывозимого хлеба, должны быть оставлены»¹, – предрекал орган Совета съездов представителей промышленности и торговли в июле 1914 г.

Экономист Г. Я. Рохович, анализируя особенности предстоящей хлебной кампании в газете «Речь», предупреждал, что «в связи с уменьшением урожая хлеба в России по сравнению с предыдущим годом», «небывалым по своим рекордным цифрам урожая в северной Америке» и «с неожиданными поступившими политическими осложнениями в Европе», могут наступить такие последствия, «важность и серьезность которых никто в настоящий момент даже предвидеть не в состоянии»². «Американцы реагировали на объявленную вчера Австрией войну сильнейшим повышением цен (около 12 коп. за пуд), – сообщал он, – ...Россия же едва ли воспользуется этим повышением. Если вывоз нашего хлеба в самом начале новой кампании окажется невозможным, то цены на наших внутренних рынках, безусловно, подвергнуться понижению»³.

Достаточно критично оценивался в периодической печати торговый баланс России в предвоенный год. «Ничто не оттеняет так рельефно наше хозяйственное неустройство, как таблица нашего привоза. Житница Европы – Россия – ухитряется еще ввезти 12 млн пудов ржи, пшеницы и овса!»⁴ Импорт кож, по сведениям газеты, увеличился в 1913 г. на 5 млн руб., хлопка на 13 млн руб., шерсти на 9 млн руб. Причем «Новое время» традиционно в имевшихся проблемах обвиняла монопольные объединения торговцев и промышленников. «Благодаря умелому хозяйничанью угольного синдиката ввоз каменного угля достиг колоссальной цифры 374 млн пудов. Несмотря на все покровительство отечественному производству, привоз разных машин превосходит 122 млн руб. и за истекший год поднялся на 16 млн. Таким

¹ К предстоящей хлебной кампании // Промышленность и торговля. 1914. № 13 (157). 1 июля. С. 14.

² Рохович Г. Я. Мировой урожай и война // Речь. 1914. № 190 (92859). 17 июля.

³ Там же.

⁴ Экономический и финансовый год // Новое время. 1914. № 13586. 1 января.

образом, картина нашего торгового, а тем более расчетного баланса в 1913 г. еще безотраднее, чем в прошлом»¹, – констатировала газета.

Состояние российской финансовой сферы накануне войны также оценивалось неоднозначно. Достаточно высокую оценку финансовой политике в течение нескольких предшествовавших военному конфликту лет давал председатель Совета министров, одновременно занимавший пост министра финансов В. Н. Коковцов*.

В своем докладе о бюджете России на 1913 г. председатель Совета министров, сохранявший за собой и пост министра финансов В. Н. Коковцов, отдельно рассматривал вопрос о морской судостроительной программе, который на тот момент активно дебатировался в периодической печати, попытавшись «дать себе ясный ответ только на вопрос, на то, в состоянии ли русские финансы без своего нового расстройство идти навстречу этой, а также и других потребностей»². По его подсчетам, увеличение государственного дохода за пятилетие составило в среднем 4,4%. Предполагая, что увеличение и в будущем будет составлять не менее 3,2%, в год, он планировал государственный бюджет к 1923 г. в сумме 4 млрд 54 млн, т. е. на 1 млрд больше, чем в 1913 г. Прибавка в 100 млн руб. ежегодно, «дает выводы весьма благоприятные, – утверждал он, – мы не только покроем все обыкновенные расходы... но у нас за десять лет получится еще остаток в 659 млн руб., т. е. в среднем, около 65 млн руб. в год». В заключение доклада В. Н. Коковцов делал следующих два вывода: «Во-первых, что наша финансовая устойчивость не мифическая, это не есть результат оптимизма министра финансов, а есть результат прекрасно и твердо поставленной русской налоговой финансовой системы... Во-вторых, из этого сопоставления надо делать тот вывод, что мы

¹ Экономический и финансовый год // Новое время. 1914. № 13586. 1 января.

* 30 января 1914 г. – уволен от должностей председателя Совета Министров и министра финансов.

² РГИА. Ф. 966. Оп. 2. Д. 2. Л. 2.

не только можем не бояться таких расходов необходимейшего свойства на усиление нашей обороны, безразлично – на сухопутном театре или на воде¹.

Примерно через год, в письме к министру иностранных дел С. Д. Сазонову от 30 ноября 1913 г. он подтверждал свою положительную оценку. «Не обременяя население новыми налогами, мы увеличили бюджет почти на 800 млн руб., воспользовавшись для этого весьма быстро увеличивающимся поступлением государственных доходов, далеко превышавших сметные ожидания»², – сообщал В.Н. Коковцов. Кроме этого, как следовало из письма, было покрыто почти 3/4 расходов на сооружение Амурской железной дороги, морское ведомство получило необходимые средства на осуществление так называемой малой судостроительной программы, «были удовлетворены запросы Военного министерства на приобретение нового снаряжения армии и дали почти всем ведомствам значительно увеличенные средства на удовлетворение многочисленных потребностей»³.

Однако не все работники финансовой сферы разделяли оптимистичные оценки В. Н. Коковцова, а 26 марта 1914 г. на страницах газеты «Новое время» появилась статья чиновника Министерства финансов М. А. Хохлова «Приятное и мрачное наследство». Причем «приятным» в статье было названо состояние российских финансов, которые остались после министерства С. Ю. Витте, а «мрачным», соответственно, – В. Н. Коковцова. Согласно его утверждениям, на 1 января 1914 г. «золота в обращении в народе было 500 млн руб., т. е. уменьшилось с 1906 г. на 338 млн руб.» Золота, обеспечивающего размен кредитных билетов, насчитывалось на 1687 млн руб.⁴

«Но как добыта эта сумма? – Задавался вопросом автор. – Исключительно внешнею задолженностью. Только за последние четыре года

¹ РГИА. Ф. 966. Оп. 2. Д. 2. 5 об.

² Всеподданнейший отчет Председателя Совета министров и Министра финансов В.Н. Коковцова (так в тексте. – Ж. С.) о поездке его за границу. 19 Ноября 1913 г. // Материалы по истории франко-пруссских отношений за 1910–1914 гг.: Сб. секретных дипломат. док. М., 1922. С. 616.

³ Там же.

⁴ Хохлов М. А. Приятное и мрачное наследство // Новое время. 1914. № 13663. 26 марта.

Россия выпустила за границей всяких ценных бумаг на 1400 млн руб. Государственный долг в мирное и цветущее время с эпохи «восстановительного» займа 1906 г. увеличился с 11 до 13 млрд руб., т. е. на 2000 млн. Свободная наличность государственной казны возросла на 500 млн руб. посредством крайнего развития питейного дохода»¹. Отдельную критику автора заслужила политика министерства в отношении железнодорожного строительства, когда «принцип строительства и эксплуатации железных дорог казною начал заменяться строительством железных дорог частными обществами на казенные деньги, добываемые посредством гарантированных всем достоянием Российского государства займов»². Кроме того, такая политика вызвала, на что указывал автор, «страшную биржевую игру», в которую оказались втянуты все слои населения.

Достаточно критично в отношении финансовой политики В. Н. Коковцова выступил на страницах «Русских ведомостей» и С. Ю. Витте, бывший на тот момент председателем кабинета финансов. «Для чрезмерного расширения своих учетно-ссудных операций в 1911 – 1913 гг. Государственный банк истощил свои ресурсы, израсходовал для этого к осени 1913 года наличность государственного казначейства, внесённую на его текущий счёт, и увеличив на огромную сумму обращение кредитных билетов»³. С. Ю. Витте подчеркивал необходимость «осторожного и настойчивого сокращения затрат Государственного банка, особенно долгосрочных. «Она (Россия. – Ж.С.) нуждается как в более значительных запасах наличного золота, так и более значительных запасах сумм за границей (иностранной валюты) для защиты нашего кредитного рубля. <...> На случай европейских осложнений сохранение золотой валюты в России составляет наиглавнейшую основу нашей финансовой боевой готовности»⁴. Высказал он

¹ Хохлов М. А. Приятное и мрачное наследство.

² Там же.

³ Гр. Витте о финансовой политике гр. Коковцова // Русские ведомости. 1914. № 63. 16 марта.

⁴ Там же.

еще одно пожелание на случай «европейских осложнений», указав, что необходимо «авторитетное выяснение суммы, находящейся за границей, могут ли быть они конфискованы в случае войны, и в соответствии сему принять надлежащие меры»¹.

Статья М. А. Хохлова вызвала бурную дискуссию на страницах периодической печати. Автор статьи «Всему есть мера» в газете «День» посчитала публикацию М. А. Хохлова сплошным обвинительным актом в отношении В. Н. Коковцова без фактов и доказательств. «В самом деле, он совершенно упускает из виду, что Россия не стоит на одном месте... Сообразно экономическому росту увеличились и платежи по расчетному балансу»². Что касается железных дорог, то и при С. Ю. Витте «частными обществами было выстроено в полтора раза больше, чем казной», что объяснялось огромными государственными затратами на возведение Сибирской железной дороги.

«По поводу одной статьи» в «Новом времени» высказался и «Петербургский курьер», подчеркнув, «что вопрос представляется настолько серьезным, что к нему можно подойти лишь в полном вооружении знаний». Названная же статья, по мнению газеты, являла «яркий пример того, с каким легкомыслием некоторые органы нашей печати относятся к государственным вопросам чрезвычайной важности»³. Газета также ссылалась на «чрезвычайное расширение диапазона промышленной жизни страны» в последние годы. В доказательство приводились показатели капиталов, вложенных в акционерные предприятия России за последние три года: в 1911 г. – 457,4 млн руб.; в 1912 – 564,5 млн руб.; в 1913 – 892,1 млн руб. Всего – 1,500 млн. руб. «Что же удивительного в том, что, идя навстречу сильно возросшей потребности в денежных знаках, Государственный банк счел

¹ Гр. Витте о финансовой политике гр. Коковцова // Русские ведомости. 1914. № 63. 16 марта.

² Всему есть мера // День. 1914. № 87. 30 марта.

³ По поводу одной статьи // Петербургский курьер. 1914. № 68. 29 марта.

нужным уменьшить свои мертвые запасы золота, не упустив, однако, своей золотой наличности ниже кредитного обращения (даже на 1 января 1914 г., золотая наличность, как мы видели, превышала кредитное обращение на 23 млн. руб.)?»¹ – задавалась вопросом газета.

Государственный банк, в свою очередь, посчитал необходимым дать свои комментарии по поводу публикации М. А. Хохлова непосредственно в самом «Новом времени». В опровержение утверждения автора в отношении пополнения золотого запаса страны только за счет внешней задолженности, в материалах банка приводились источники этого пополнения. «Как усматривается из отчетов Государственного банка, золотой запас увеличился на 280,7 млн руб., причем главнейшими статьями прихода были:

- добыча золота внутри страны	183,4
-изъятие золота из народного обращения.....	86,2
-покупка экспортных трат.....	30,6
Всего: 300,2» ² , – разъяснялось в заметке.	

Приводились данные, которые опровергали и утверждение М. А. Хохлова о том, что все деньги банка были выданы под ссуды на длительный срок, что могло создать проблему на случай войны. «Столь компетентное учреждение, как государственный контроль, при разборе операций Государственного банка за 1912 год определяет средний срок всех учетно-ссудных операций банка в 55 дней, а не в 270 дней, как делает автор»³, – указывалось в материалах банка.

Подводя предварительные итоги, можно утверждать, что периодические издания, демонстрирующие разную степень критического отношения к экономической и финансовой политике российского правительства накануне войны, тем не менее, практически единогласно признавали успехи в России в этих сферах. В то же время экономические обозреватели активно обсуждали

¹ По поводу одной статьи // // Петербургский курьер. 1914. № 68. 29 марта.

² От Государственного банка // Новое время. 1914. № 13683. 17 апреля.

³ Там же.

проблемные места фабрично-заводских отраслей, прежде всего топливный и чугунный «голод», поднимался вопрос о недостаточном развитии металлообрабатывающей промышленности и зависимости России от ввоза соответствующей продукции. Причем, если промышленники выказывали некоторое недовольство в отношении существовавшей законодательной базы и введения новых правил организации производства, газетчики на страницах изданий критиковали уже самих фабрикантов. Представители одних изданий за нерешительность и зависимость от правительства, других – за излишнюю напористость в отстаивании собственной выгоды. Вызывало беспокойство отдельных авторов финансовое состояние России, о чем свидетельствует активное обсуждение заявлений в печати М. А. Хохлова и С. Ю. Витте. Прежде всего, это касалось проблемы внешней задолженности России и политики банков в отношении долгосрочных кредитов и ссуд.

1.3. Оценка периодической печатью мероприятий правительства в сфере экономики и финансов в начальный период Первой мировой войны

Об экономических и финансовых последствиях войны делались предположения, когда, казалось, вероятность ее была еще не так велика. Тем не менее, уже в конце XIX в. не ставился под сомнение факт, что «...при современном характере ведения войны, экономические, а вслед за ними и общественные осложнения могут, при известных условиях, оказать на исход будущей войны весьма сильное влияние»¹. При этом, подполковник, в будущем профессор Николаевской академии Генерального штаба А. А. Гулевич считал, что большая территория, многочисленное население, а также «ограниченность и узость потребностей народной массы, преобладание земледельческой деятельности над фабрично-заводской и сохранение значительной степени натуральной формы народного хозяйства», которые являлись отличительными чертами экономических отношений Российской империи, ставят ее в исключительное положение «в отношении приспособленности к ведению большой войны»².

Ученый-экономист И. С. Блюх в своей, приобретшей европейскую популярность книге «Будущая война и её экономические последствия» 1893 года издания, также доказывал, что «в особенно критическом положении окажутся при войне те государства, которые и в обыкновенное мирное время нуждаются в значительных количествах хлеба и других привозных продуктах»³. В связи с этим Россия, считал он, окажется в наиболее выгодном положении, так как с прекращением экспорта «будет обладать излишком зерна и не ощутит затруднений в продовольствии населения»⁴.

Прогнозы на случай возможной войны и ее воздействия на различные сферы народного хозяйства появлялись на страницах российской

¹ Гулевич А. Война и народное хозяйство. СПб, 1898. С. 172.

² Там же. С. 178.

³ Блюх И. С. Будущая война и её экономические последствия. СПб., 1893. С. 275.

⁴ Там же. С. 277.

периодической печати вплоть до начала военного конфликта. Авторы публикаций по большей части продолжали находить преимущества в особенностях экономического развития России, по сравнению как с потенциальными противниками, так и союзниками.

Так, публицист и предприниматель, являвшийся председателем бюджетной комиссии во II-й Государственной Думе, М. П. Федоров, представил в «Русских ведомостях» справку о возможных экономических проблемах, с которыми столкнутся государства-участники европейского военного конфликта. Он указывал, что военные действия более всего отразятся на внешней торговле, общий объем которой достигал у Тройственного союза 28 млрд руб. в год. Причем, на его взгляд, особенно чувствительным будет удар, нанесенный войной снабжению населения пищевыми продуктами. Среди участниц Антанты «Англия более других заинтересована во ввозимом сырье, <...> привозит три четверти потребляемой пшеницы и одну треть мяса, <...> а потому удар, нанесенный войной будет для нее наиболее чувствительным»¹. Пострадает и Германия, которая ввозила из России 60% хлеба и 40% мяса. В то же время, предупреждал автор, и российское сельское хозяйство могло понести огромные убытки из-за ограничения вывоза, только в том случае, «если мы и наши союзники не обеспечим себе свободный проход через Дарданеллы и по Средиземному морю», а для «севера и запада России может иметь большое значение недостаток подвижного состава и дезорганизация железнодорожного движения»².

Начало Первой мировой войны российская промышленность и торговля встретили, по словам председателя Совета съездов представителей промышленности и торговли Н. С. Авдакова «спокойно и бодро», так как их уровень развития был на тот момент «совершенно отличен от того состояния,

¹ Федоров М. П. Экономические последствия войны // Русские ведомости. 1914. № 164. 18 июля.

² Там же.

в котором он находилось во время русско-японской войны...» Задачи, которые поставила война перед промышленностью, с его точки зрения, изложенной на страницах «Русских ведомостей» сводились к следующему: «1) по мере сил помогать армии и 2) не останавливать общей экономической деятельности страны»¹.

Экономист Л. Б. Кафенгауз также считал, что российская промышленность в условиях начавшегося военного конфликта находилась в более благоприятном положении, по сравнению с Германией, «в виду той относительной независимости от внешнего рынка, которая отличает ее от западно-европейской индустрии», о чем он сообщал в следующем номере той же газеты. «Благоприятствие» состояло, по его мнению, в том, что «рынки сбыта продуктов нашей промышленности лежат, главным образом, в восточной половине империи, а, между тем, театр военных действий находится на крайней западной границе...»² Более того, полное ограничение экспорта в Западную Европу, а также ликвидация конкуренции с германскими товарами на внутреннем рынке, будут только способствовать развитию производства отечественных товаров. Он предполагал, что более всего пострадает от военных условий польский промышленный район, граничивший с Пруссией. «Эта область больше всего зависит от внешнего рынка, так как лодзинские фабрики и домбровские заводы потребляют больше всего иностранного сырья и топлива». Таким образом, «...как не велики потрясения, связанные с такой небывалой войной. Можно надеяться, что наша промышленность вынесет мировую бурю, поднятую бронированным немецким юнкерством»³, – заключал Л. Б. Кафенгауз.

Некоторые опасения в отношении состояния отдельных отраслей промышленности все же появлялись на страницах газет уже в начале войны. Связаны они были в первую очередь с прекращением поставок, необходимых

¹ Русские ведомости. 1914. № 170. 25 июля.

² Кафенгауз Л. Наша промышленность и война // Русские ведомости. 1914. № 171. 26 июля.

³ Там же.

для металлургического производства. Так, в «Новом времени» отмечалось, что «известно о частичной приостановке работ, главным образом, на заводах богословского металлургического общества: из 14 печей остановлено шесть: три доменных и три мартеновских. Сократилось также производство металла на сулинских заводах и таганрогских. Предполагается, кроме того, остановка керченских заводов вследствие отсутствия доставки кокса из-за недостатка вагонов»¹. Уделялось в печати внимание и сложностям, возникшим на предприятиях в связи с мобилизацией рабочих: «Призыв на военную службу лишил многие металлургические заводы до 30-35% рабочей силы. Это обстоятельство может вызвать сокращение производства железа приблизительно на 25%»².

Озабоченность состоянием московской текстильной промышленности была высказана крупным фабрикантом в частной беседе с корреспондентом «Русских ведомостей». Он констатировал, что «она совершенно выбита войной из колеи и еще долго <...> не наладится в ней сколько-нибудь твердый порядок»³. Причем фабрикант отмечал, что «выбитыми» оказались как производство продукции, так и сбыт. Опасаясь в скором времени недостатка в сырье, владельцы предприятий сокращали рабочую неделю до четырех дней. Прежде всего это касалось хлопчатобумажных фабрик, которые работали на египетском хлопке. Грозил фабрикам, по прогнозам фабриканта, и «красочный» голод, так как краска до войны поставлялась исключительно из Германии. Сказался на производстве и «сразу упавший спрос». В то же время на всю продукцию московской текстильной промышленности уже повысились цены. Так, на белье и одежду цена увеличилась на 10%. Значительно возросли цены на «товар суконный», так как фабрики были завалены крупными и весьма спешными заказами интендантского ведомства. На 10% повысилась

¹ Война и железная промышленность // Новое время. 1914. № 13784. 28 июля.

² Там же.

³ Война и московская промышленность (из беседы) // Русские ведомости. 1914. № 193. 23 августа.

цена и на шерстяные изделия, а также ожидалось дальнейшее ее повышение. Тем не менее, в заключение беседы фабрикант выражал надежду, что «как и вся Россия, промышленная Россия сумеет перенести тяжелые времена, чтобы не расстроенною встретить лучшие, светлые дни»¹.

Оптимистичные прогнозы на страницах газет высказывались в конечном итоге и в отношении металлургической промышленности: «...военные события должны оказать и положительное влияние на отечественный железообрабатывающий промысел. Потребность в железных предметах и отсутствие ввоза их из-за границы непременно вызовут усовершенствование техники в металлургическом производстве»².

Начало войны рассматривалось рядом газет как удачный момент для освобождения от засилья промышленных немецких товаров. «Современное слово» считало, что «перед русскою промышленностью раскрывается благородное поприще» в связи с началом военного конфликта. «Она должна завоевать вкусы русской публики, должна заменить русской публике привычные предметы иностранной промышленности, заменить так, чтобы при этом не ощущалось разницы в качестве и цене»³.

О возможности освобождения внутреннего российского рынка в связи с начавшейся войной от «германского засилья», писала и газета российских промышленников «Утро России», которые ожидали в связи с войной пересмотра русско-германского торгового договора⁴.

Активную антигерманскую позицию на протяжении всей войны демонстрировало «Новое время», призывая к «ожесточенной борьбе с Германией» на почве торгово-промышленной⁵. По предложению одного из авторов газеты, необходимо было в сложившихся условиях «организовать

¹ Война и московская промышленность (из беседы) // Русские ведомости. 1914. № 193. 23 августа.

² Война и железная промышленность // Новое время. 1914. № 13784. 28 июля.

³ Современное слово. 1914.

⁴ Утро России. 1914. № 271. 4 ноября.

⁵ Освобождение от немецкой промышленности // Новое время. 1914. № 13819. 1 сентября.

промышленников по группам, объединить отдельные отрасли промышленности в одной крупной сильной организации, <...> выяснить, какую часть промышленности мы должны развить в рамках потребностей нашей родины, <...> что мы можем вывозить, и что мы можем, наконец, получать из других стран без посредничества Германии»¹.

Причем в рамках борьбы с «немецким засильем» газеты развернули кампанию по бойкоту немецких товаров, секвестру предприятий немецких подданных, ликвидации немецких землевладений². Так, с засильем немецких товаров призвало бороться частное совещание выборных московского купеческого сословия, на котором было предложено создать 16 октября 1914 г. особую комиссию, о чем сообщалось на страницах газеты «Утро России». Она должна была выработать способы «означенной борьбы». В числе первых из них совещание признало необходимым: бойкот товаров немецкого происхождения, а в числе других – «развитие нашей собственной промышленности, организацию производства таких товаров, которые до сих пор получались из Германии и Австро-Венгрии, а также не пропускать в эти страны сырья, которое от нас вывозят туда для обработки, завязать сношения с дружескими державами, в смысле обмена сведениями по торговле и промышленности, для чего организовать особое бюро и немедленный пересмотр таможенного тарифа»³.

В газете «Речь» Г. Я. Рохович продолжил свои рассуждения о перспективах развития сельского хозяйства, которые он начал на страницах издания накануне войны. Он считал, что от военных действий пострадает прежде всего Австро-Венгрия, которая являлась страной преимущественно земледельческой. Между тем, отмечал автор, «начавшиеся военные действия сосредоточены именно на венгерской границе и, несомненно, что значительная часть хлеба останется там неубранной, а посев озимых хлебов не

¹ Эттингер Ф.В. Борьба за самостоятельность // Новое время. 1914. № 13826. 8 сентября.

² Голос Москвы. 1914. № 227. 3 октября; № 237. 15 октября; № 238. 16 октября.

³ Бойкот немецким товарам // Утро России. 1914. № 250. 14 октября.

будет произведен. Все это в связи с призывом части крестьянского населения в армию «неизбежно нанесет неисчислимый вред сельскому хозяйству страны»¹. Проблемным, согласно его прогнозу, должны стать военные действия и для восточной Пруссии, в случае превращения хлебных полей в арену военных действий, так как весь урожай там погибнет. «Это тем более вероятно, что и в мирное время там большой недостаток рабочих рук, и без притока русских сельских рабочих земледелие в Пруссии не в состоянии существовать»².

Перспективы российского сельского хозяйства оценивались им оптимистично как в связи с необъятными посевными площадями, достигавшими «в этом году 80 млн десятин в одной только Европейской России», так и «с отличными видами на урожай во всем громадном пространстве западной Сибири»³.

«Новое время» усматривало в условиях, затруднявших вывоз хлеба за границу, определенные положительные моменты: «ибо интересы государства требуют не слишком высоких хлебных цен в годину войны». «Значительные партии хлебов будут закупаться для нужд армии, которая явиться крупнейшим источником спроса», – отмечалось в газетной заметке⁴.

Однако звучали и более сдержанные прогнозы. Так, в докладе Д. И. Шаховского, прочитанном в Московском обществе сельского хозяйства и изложенном в газете «Русские ведомости», отмечалось, что «настоящий момент для крестьянского хозяйства грозен и опасен» и связано это с «уничтожением экспорта, импорта и нарушением кредита и транспорта»⁵. Меры, которые предлагал докладчик по поводу возможной «разрухи крестьянского хозяйства» были следующие: «Казна может приобретать

¹ *Рохович Г.Я.* Война и жатва // Речь. 1914. № 193 (2862). 22 июля.

² Там же.

³ Там же.

⁴ К предстоящей хлебной кампании // Новое время. 1914. № 13780. 24 июля.

⁵ Меры к поддержке крестьянского хозяйства во время войны // Русские ведомости. 1914. № 193. 23 августа.

продукты по несколько заниженным ценам и, выждав нормального времени, вернуть затраты с прибылью». Вторая мера – урегулирование транспорта. Третья – упорядочение цен. Четвертая – поощрение мелкого производства, в особенности кустарного¹.

Прекращение экспорта грозило крестьянам не только «количественным ущербом», – предупреждал экономист-аграрник Н. П. Огановский. – «Гораздо важнее тот факт, что удар наносится преимущественно более интенсивным элементам земледельческой культуры: льноводству (вывоз в 1908 – 1912 гг. на 95 млн руб.), молочному скотоводству (57 млн руб.), птицеводству (57 млн руб.), травосеянию (вывоз семян клевера), возникающим в последние годы свекловичным плантациям и т. д. Закрытие казенной продажи вина произведет брешь в картофельной культуре – самой крупной из всех интенсивных полеводственных культур у крестьян»². Выход из создавшегося положения он видел в кооперативном крестьянском движении. Причем задача состояла в организации совместного сбыта, чтобы «удержать крестьянина от несвоевременной и убыточной продажи своего добра, при помощи рационально поставленного кредита». «Если кооперативные деятели сумеют сохранить мужику его хлеб, скотину, землю до лучших времен, – считал ученый, – не пропадет и агрикультура, и не пошатнутся устои крестьянского хозяйства»³.

Проблема «расстройства внешней торговли» воспринималась как «наиболее чувствительное потрясение», которое пришлось испытывать российской экономике с началом Первой мировой войны. Целый ряд отраслей, и в том числе сельское хозяйство, оказалось в крайне затруднительном положении вследствие невозможности вывезти продукцию за границу.

¹ Меры к поддержке крестьянского хозяйства во время войны // Русские ведомости. 1914. № 193. 23 августа.

² Огановский Н. Трудная задача // Русские ведомости. 1914. № 200. 31 августа.

³ Там же.

По мнению экономиста и финансиста, профессора И. Х. Озерова, «война вызвала в России тяжелый экономический кризис» и победа над Германией «будет куплена тяжелой ценой». «Потребление зерновых продуктов мобилизованной армией несколько компенсирует наши убытки от падения экспорта, – считал он, – но этого очень мало для нашей деревни, которой приходится до минимума сокращать свои потребности»¹.

Закрытие европейской границы, а также приостановка платежей, прежде всего за экспорт хлеба вследствие моратория, объявленного вступившими в войну странами, предопределило «недовыручки» для народного хозяйства в пределах 125 млн руб. в месяц. Примерно на такую же сумму российские производства недополучали необходимых для них составляющих, прежде всего из Германии².

«Острой злобой дня, – отмечал И. Х. Озеров, – становился вопрос урегулирования валюты, так как невозможно ничего купить за границей, не переплачивая на курсе русских ценностей»³. За франк вместо 37 коп. приходилось платить 52 коп., за фунт стерлингов вместо 9,5 – 13 руб., за доллар вместо 1 руб. 96 коп. – 3 руб. 20 коп. Профессор видел выход в усилении финансовых связей с США, что требовало решения в скорейшем времени «еврейского вопроса» в Российской империи.

Предполагая, что при «энергичных мероприятиях» восстановление экспортно-импортной торговли уже в самом ближайшем времени станет возможным, автор публикации в «Русских ведомостях» отмечал, что «новые пути через Белое море, через Норвегию, Грецию, Болгарию или Румынию при самых лучших условиях, конечно, не в состоянии вполне заменить старые, – и напоминал, – что громадная часть нашего экспорта, около 35-40% по ценности

¹ Экономические перспективы России (Из беседы с проф. И.Х. Озеровым) // Утро России. 1914. № 216. 10 сентября.

² Букипан Я.М. Военно-хозяйственная политика, формы и органы регулирования народного хозяйства за время мировой войны 1914-1918 гг. М.-Л., 1929. С. 45-46.

³ Экономические перспективы России (Из беседы с проф. И.Х. Озеровым) // Утро России. 1914. № 216. 10 сентября.

направлялась в Германию»¹. При восстановлении внешней торговли кроме изыскания новых путей сообщения и новых рынков сбыта, также отмечал автор, необходимо серьезно озаботиться восстановлением аппарат международных платежей и расчетов, которые «совершенно расстроились в связи с войной. <...> За очень небольшим исключением, почти все банки европейских стран сразу объявили уничтоженными все взаимные кредиты, на которых держалась вся сложная система международных платежей»². Аппарат же международных платежей, по мнению автора, можно было бы восстановить путем специального соглашения российского Государственного банка с английским и французскими банками, которое должно было свестись «к установлению свободной покупки и продажи трат друг друга по единообразному установленному на определенное время курсу, причем более или менее близкому к золотым паритетами». «Если наряду с этим успешно пойдет и установление новых путей сообщения, то нам, быть может, скоро удастся хотя бы отчасти восстановить нашу внешнюю торговлю»³, – выражал надежду автор статьи в газете.

Известный исследователь в области финансов и права А. А. Соколов уже в первые дни войны попытался спрогнозировать, каким образом будет в целом финансироваться начавшийся конфликт. «Можно положительно сказать, что никогда еще, начиная войну, – отмечал он, – Россия не опиралась на более благоустроенные, по крайней мере относительно, финансы, чем в настоящее время», имея ввиду, «накопленную огромную свободную полу миллиардную свободную наличность»⁴. При этом он справедливо предполагал, что имеющихся бюджетных ресурсов будет недостаточно, а, следовательно, перед Министерством финансов «неминуемо должна встать задача изыскать новые

¹ К-м. З. Восстановление нашей внешней торговли // Русские ведомости. 1914. №185. 13 августа.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Соколов А. Война и финансовые ресурсы России // Русские ведомости. 1914. № 171. 26 июля.

источники средств для покрытия предстоящих нам огромных военных расходов»¹.

Действительно, Совет министров с объявлением войны подготовил ряд законоположений на основании ст. 87 Основных законов Российской империи, которые 23 июля 1914 г. были утверждены Николаем II. Содержание законов сводилось к следующему: «I. Временно, впредь до минования чрезвычайных обстоятельств, обмен государственных кредитных билетов на золотую монету приостанавливается.

II. Государственному банку предоставляется сверх разрешенной к выпуску суммы государственных кредитных билетов <...> выпускать эти билеты на сумму не свыше одного млрд двухсот млн руб.

III. Государственному банку предоставляется в случае истребования находящихся на его счетах сумм казны, учитывать краткосрочные обязательства государственного казначейства в размере, вызываемом потребностями военного времени»².

«Наш золотой запас останется в руках правительства и будет служить прочной опорой военной мощи России», – комментировались законоположения в «Новом времени». «Право выпуска кредитных билетов увеличено. <...> Эта мера также логически вытекает из требований действительности. При войне необходима колоссальная сумма денежных знаков. И, ясно, что, охраняя золото, нужно выпускать кредитные билеты», – разъяснялась в газете необходимость увеличения денежной массы. «Принятые меры к тому, чтобы лихолетье по возможности не нарушало и нашей экономической жизни»³.

Кроме этого периодическая печать аргументировала принятые законы потребностями мобилизации и прочими военными расходами, а также тем, что

¹ Соколов А. Война и финансовые ресурсы России // Русские ведомости. 1914. № 171. 26 июля.

² Высочайше утвержденное положение Совета Министров // Новое время. 1914. № 13781. 25 июля.

³ Антонов С. Важные финансовые мероприятия // Новое время. 1914. № 13781. 25 июля.

«призываемое в армию население, естественно стремиться истребовать деньги из кредитных учреждений», в результате чего неминуемо возникает «страшная потребность денежных знаков»¹.

Законы были представлены министром финансов П. Л. Барком на чрезвычайной однодневной сессии IV Государственной Думы 26 июля 1914 г. и в тот же день одобрены Думой и Государственным Советом, а 27 июля 1914 г. подписаны императором².

Николай II 22 августа 1914 г., воспользовавшись объявлением войны, смог реализовать созвучный с желаниями министра финансов план по поводу «трезвого бюджета» и высочайшим повелением ввести ограничение на продажу спиртных напитков на время военных действий³. Обыкновенный бюджет* в связи с этим недополучал примерно 28% ожидаемых поступлений (более 900 млн руб.).

Кроме этого, поступления в бюджет резко сокращались за счет уменьшения коммерческого движения на железных дорогах, которые переориентировались на поставки фронту, а также за счет сокращения таможенных доходов по причине прекращения внешней торговли. Сократилось и поступление доходов в прифронтовых территориях, прежде всего в Царстве Польском⁴.

Министерству финансов пришлось срочно в связи с этим решать проблему заполнения образовавшейся «лакуны». Валютные мероприятия

¹ Приостановка размена кредитных билетов на золото// Русские ведомости. 1914. № 171. 26 июля.

² Всеподданнейший отчет о деятельности Государственного совета за сессии 1913-1914 гг. СПб., 1914. С. 2-3.

³ О продлении воспрещения продажи спирта, вина и водочных изделий для местного потребления в Империи до окончания военного времени. 22 августа 1914 г. // Важнейшие законы, указы и распоряжения военного времени: в 2 т. Пг., 1915–1916. Т. 1. С. 170-171.

* С началом войны государственный бюджет Российской империи был разделен на две части: обыкновенный бюджет, включавший доходы и расходы в объеме мирного времени, и военный бюджет. Все кредитные суммы, выделяемые на военные цели, объединялись в «военный фонд».

⁴ См.: Сидоров А. Л. Финансовое положение России в годы первой мировой войны. М., 1960. С. 112.

правительства первоначально ограничились запрещением вывоза золота за границу (14 сентября 1914 г.) и его накоплением в Государственном банке, чему должно было и способствовать прекращение золотого размена.

Однако министерство не ограничилось только банковскими и кредитными операциями. Уже 22 августа 1914 г. открылось совещание под председательством П. Л. Барка при участии чиновников Министерства финансов, а также некоторых членов Государственного Совета и Государственной Думы, которое рассматривало вопрос о повышении ставок некоторых видов существующих обложений и о введении новых налогов¹.

Так, было предложено повышение налога с городского недвижимого имущества, от которого ожидалось поступление в бюджет дополнительно 10 млн руб., повышение кибиточной подати (1 млн руб.), квартирного налога (5 млн руб.), государственного промыслового налога: основного (20,2 млн руб.) и дополнительного (37 млн руб.), гербового сбора (21,6 млн руб.), крепостных пошлин (95 млн руб.), пошлин с имуществ переходящих безвозмездно (5 млн руб.), с застрахованных от огня имуществ (2,8 млн руб.), военного налога (13 млн руб.). Всего предполагалось поступлений в бюджет по перечисленным новым налогам и увеличенным прежним 121,5 млн руб. Кроме этого были разработаны проекты военного налога, дополнительного обложения грузов (200 млн руб.), увеличения почтовых и телеграфных сборов и пр.²

«Мысль министерства обратиться к налоговым ресурсам мы считаем совершенно правильной, — отмечал А. А. Соколов в уже упоминавшейся статье и добавлял. — «При этом не стоит забывать, что в России и без того $\frac{3}{4}$ налогового бюджета покрывается за счет косвенных налогов, и что всякое дальнейшее увеличение их поведет лишь к новому обременению низших

¹ Совещание об увеличении обложения // Новое время. 1914. № 13810. 23 августа.

² РГИА. Ф. 150. Оп. 1. Д. 342. Петербургское общество заводчиков и фабрикантов. Материалы по обсуждению проекта Министерства финансов о повышении существующего обложения и введения новых налогов. 27 августа 1914 – 1 декабря 1915 г. Л. 7.

классов населения»¹. Предложения автора сводились к введению «подходного и, может быть, если не в качестве постоянной, то в качестве временной меры, – поимущественного налога в ближайшую же комиссию законодательных учреждений»².

Согласно воспоминаний самого П. Л. Барка, он как раз планировал «воспользоваться первым возобновлением законодательной сессии, чтобы провести подходный налог, <...> который должен был служить краеугольным камнем новой налоговой системы»³. Для него было важным, чтобы во время управления Министерством финансов, благодаря ему, в законодательные учреждения был впервые внесен «трезвый бюджет» на смену «пьяному бюджету», а также подходный налог⁴.

Ход заседаний весьма активно комментировался в прессе. На страницах периодической печати самых разных направлений стали появляться материалы, посвященные изысканию дополнительных средств в бюджет. При этом большинство авторов расценивало введение ограничений на продажу алкогольных напитков исключительно положительно.

«Наша финансовая сторона вошла в такую полосу, в которой несколько млн руб. не могут играть роли...»⁵ – утверждал известный публицист, председатель Комитета журналистов при Государственном совете Л. Львов (настоящее имя – Л. М. Клячко) в газете «Речь». В другой статье он объяснял свой оптимизм положительными прогнозами в отношении послевоенного состояния российских экономики и финансов: «...вероятность существенного после войны сокращения военных расходов, расцвет экономических сил страны и возможность основанного на нем увеличения обложения – заставляют думать, что и с финансовой точки зрения для категорически

¹ Соколов А. Война и финансовые ресурсы России // Русские ведомости. 1914. № 171. 26 июля.

² Там же.

³ Барк П. Л. Воспоминания последнего министра финансов Российской империи. 1914-1917: в 2 т. М., 2017. Т. 1. С. 292.

⁴ Там же.

⁵ Львов Л. «Трезвый бюджет» // Речь. 1914. № 219. 17 августа.

отрицательного отношения к поднятому вопросу, нет достаточного основания»¹.

Другие авторы не ограничивались положительной реакцией на мероприятия верховной власти, а предлагали свое понимание решения проблем. Конструктивный и профессиональный подход в видении ситуации продемонстрировали авторы «Русских ведомостей». Видный деятель кадетской партии, экономист и публицист Н. Н. Кутлер считал, что «без всякого затруднения могли быть повышены государственный поземельный налог и налог с денежных капиталов»². Не видел он препятствий и к введению подоходного налога, указывая, что законопроект о подоходном налоге не только подготовлен правительством, но уже был рассмотрен финансовыми комиссиями III и IV Думы*. «Обсуждение этого проекта в законодательных учреждениях, если бы они были созваны, могло бы быть закончено в течение месяца, много – двух, и с нового года налог мог бы быть введен в жизнь»³. При этом он выражал сомнение, что повышение акцизов «со спичек, с гильз и папиросной бумаги и в особенности пива <...> вполне оправдало бы расчеты на повышение дохода»⁴.

Профессор, общественный деятель, член партии кадетов А. В. Васильев в статье «Две задачи современного финансового положения» также настаивал на необходимости введения подоходного налога, задавая риторический вопрос: «не правильнее ли вообще взамен многих проектируемых налогов и рядом с другими приступить тотчас же к введению подоходного налога, воспользовавшись уже внесенным в Государственную Думу <...> проектом,

¹ Львов Л. «Трезвый бюджет» // Речь. 1914. № 223. 21 августа.

² Кутлер Н. Об увеличении государственных доходов // Русские ведомости. 1914. №196. 27 августа.

* Проект введения подоходного налога был внесен в 1907 г. во II Государственную Думу министром финансов В. Н. Коковцовым.

³ Кутлер Н. Об увеличении государственных доходов // Русские ведомости. 1914. №196. 27 августа.

⁴ Там же.

повысив ставки для лиц, освобожденных от воинской повинности, и, напротив, понизив их для лиц, призванных к военной службе?»¹

Однако повышение налоговых ставок и даже введение прогрессивного подоходного налога, по мнению еще одного общественного и политического деятеля, члена партии кадетов и специалиста в области государственного хозяйства и бюджета А. И. Шингарева, которое он сформулировал на страницах «Русских ведомостей», «будет недостаточно для бюджетного равновесия». Поэтому он предлагал реформу по установлению прямого обложения сочетать с введением государственной монополии еще на ряд предметов массового потребления. Недопустимым, на взгляд А.И. Шингарева, было бы «усиление косвенного обложения на такие, например, предметы первой необходимости, как: сахар, чай, дрожжи или введения обложения соли, хлеба, или повышения ряда ставок таможенного тарифа. Введение же спичечной, табачной и нефтяной монополии (по типу винной, т. е. без экспроприации частного производства и только с организацией государственной продажи продуктов) с некоторым повышением цен продуктов, не будет столь тяжелым и может дать значительный доход казне»².

Впрочем, в редакционной статье той же газеты были обозначены другие пути решения проблемы. Относясь отрицательно к косвенным налогам на предметы массового потребления, редакция указывала, что «не менее нерациональным шагом было бы введение в настоящей момент новых монополий». В частности, монополия сахарной продажи была бы нежелательна потому, что «теперь чай и сахар должны будут заменить для народа водку», а «табачную монополию очень трудно осуществить, и на первых порах от нее вряд ли можно будет получить больше, чем сколько будет получено от произведенного недавно повышения табачного акциза». Наконец,

¹ *Васильев А.* Две задачи современного финансового положения // Русские ведомости. 1914. №199. 30 августа.

² *Шингарев А.И.* Водка и государственные финансы // Русские ведомости. 1914. № 188. 17 августа.

относительно спичечной монополии, в газете указывалось, то «она не может иметь сколько-нибудь серьезное фискальное значение»¹.

В тех же «Русских Ведомостях» профессор М. И. Фридман предложил «вместо повышения почти всех прямых и косвенных налогов <...> устроить единовременный чрезвычайный налог преимущественно подоходного типа, в том роде, как это сделано было в Германии перед войной». «Один большой налог», с его точки зрения, имел ряд преимуществ, так как «он не затронет хозяйственной жизни в стадии производства и обмена благ, а будет иметь дело с результатами на крупном имуществе и получаемом чистом доходе. Во-вторых, при этом сборе мы имеем возможность освободить неимущий класс от нового бремени, которое, несомненно, сулят нам такие налоги, как на спички, на почтово-телеграфные отправления, на дрожжи, на керосин, на сахар и т. д.»²

Тема единовременного налога достаточно часто появлялась на страницах либеральной прессы. Так, один из крупнейших представителей российской финансовой науки В. Н. Твердохлебов предлагал единовременный «поимущественный налог и налог на прирост ценности имущества», начав «с невысокой ставки, – «например, 1/4% при ценности имущества в 1000-2000 руб., поднимая до 1/2% с имущества в 10 тыс. руб. и до 1% с млн и выше»³. Он также справедливо утверждал, что: «Когда сотни тысяч сограждан идут на смерть, когда ставится на карту честь и могущество России, отказ от усиленного обложения имущих слоев населения был бы совершенно недопустим»⁴.

Обозреватель газеты «День» И. Бикерман считал, что специальный военный налог мог бы дать значительные суммы, но при этом оговаривал, что

¹ Русские ведомости. 1914. № 188. 17 августа.

² Русские ведомости. 1914. № 218. 23 сентября.

³ Твердохлебов В. Единовременный поимущественный налог// Русские ведомости. 1914. № 218. 23 сентября.

⁴ Там же.

«он, разумеется, не должен касаться широких масс населения, жертвы которых и без того очень велики»¹.

За специальный военный налог высказывалось и «Новое время», считая, что военный налог может обеспечить значительные поступления в бюджет государства. При этом автор статьи С. Антонов, полагал, что он должен носить подоходный характер, «лечь на все население, лично не участвующее в обороне страны. <...> Имущие классы обязаны теперь много дать государству, которое жертвует миллионами жизней для защиты населения и его достояния»².

Большинство авторов также ссылались на необходимость введения подоходного налога, и для проведения других финансовых реформ созыва законодательных учреждений³. «Не допускаю возможности и не вижу ни необходимости, ни целесообразности поспешного проведения всех этих налоговых мер в экстренном порядке 87-й ст. Если прохождение этих законопроектов через законодательные учреждения нужно с точки зрения правильного функционирования народного представительства и правительства и правильных взаимоотношений между парламентом и правительством, то необходимо оно и с точки зрения моральной»⁴, – высказал свою точку зрения предприниматель, один из учредителей банка Рябушинских и Русского акционерного льнопромышленного общества А. Н. Коновалов в беседе с корреспондентом «Русских ведомостей».

Несколько выбился из достаточно конструктивного диалога, развернувшегося на страницах газет, пессимистичный прогноз, который высказал на страницах «Русских ведомостей» известный представитель банковского мира, не пожелавший назвать своего имени. Он считал, что все меры, предпринимаемые для «внезапного пополнения истраченных

¹ Бикерман И. Война и бумажные деньги // День. 1914. № 219. 15 августа.

² Антонов С. Изыскивайте средства // Новое время. 1914. № 13809. 22 августа.

³ Васильев А. Две задачи современного финансового обложения // Русские ведомости. 1914. № 199. 30 августа.

⁴ О подоходном налоге // Русские ведомости. 1914. № 202. 3 сентября.

миллиардов», не имеют достаточно серьезного характера, а выпуск серий на несколько сот миллионов – лишь паллиатив. «Истраченные пять млрд на войну придется разложить на несколько поколений. По окончании войны придется заключить не только внутренние, но и внешние долгосрочные займы»¹.

В своих воспоминаниях П. Л. Барк отмечал, что он испытывал «большое разочарование» после нескольких заседаний совещания о налогах. Он считал, что необходимо было экстренно изыскать новые источники налоговых поступлений, а между тем «большинство членов произносили длинные рефераты на тему, что вся наша налоговая система совершенно неудовлетворительна, необходимо, прежде всего, разработать подробный план для введения совершенно новой системы налогов и после рассмотрения этого нового плана вводить отдельные налоги, причем, в первую голову следует провести подоходный налог»².

На фоне развернувшихся дебатов 13 сентября 1914 г. была создана Особая комиссия под председательством государственного контролера П. А. Харитонов в составе министров финансов, путей сообщения, торговли и промышленности, главноуправляющего землеустройством и земледелием для предварительного обсуждения условий сведения государственной росписи доходов и расходов на 1915 г.³ В комиссию вошли также С. Ю. Витте, член Совета министра финансов П. П. Мигулин и специалист по налоговым вопросам, член Государственного совета Н. Н. Покровский. «В виду спешности дела заседания проходили несколько раз в неделю, по вечерам, на квартире П. А. Харитонova, – вспоминал П. Л. Барк, – и вследствие привычки всех участников совещания к продуктивной работе совещание быстро рассмотрело и одобрило предположения Министерства финансов о новых

¹ Внутренний заем // Русские ведомости. 1914. № 207. 10 сентября.

² Барк П. Л. Указ. соч. С. 291.

³ Особые журналы Совета министров Российской империи 1909–1917 гг. 1914 год. М., 2006. С. 365.

налогах, которые вносились мною отдельными записками, изготовлявшимися к каждому заседанию»¹.

Объяснял он и проведение новых налогов по ст. 87 вне предварительного обсуждения в законодательных учреждениях: «...заняться в начале войны разработкой нового плана налоговой реформы и проведением ее через все инстанции означало бы отсрочку получения необходимых для Государственного казначейства средств на многие годы»².

Что касается подоходного налога, то по сведениям, проникшим в печать, несмотря на многочисленных сторонников, его введение было отложено, так как сумма, «которую он обещал дать была незначительна в сравнении с другими проектами. <...> К тому же введение налога требовало "правильного учета объекта обложения, а именно дохода", что требовало большой подготовительной работы, сложно реализуемой в военное время»³.

Еще одним из способов покрытия потенциальных колоссальных расходов на войну рассматривался внутренний заем. Необходимо отметить, что, например, один из постоянных обозревателей по экономическим и финансовым вопросам «Нового времени» М. Хохлов (настоящее имя – М. П. Петров) крайне отрицательно относился к введению новых налогов для покрытия военных расходов. По его мнению, «они омертвляют промышленность, торговлю и сельское хозяйство, финансируя войну взвинченными налогами, мы под самый конец войны окажемся в таком положении, которое будет доставлять радость нашим врагам»⁴. По его убеждению, для большой войны, прежде всего, были нужны большие займы. Впрочем, другой автор этой же газеты считал, что в военное время необходимо использовать для пополнения казны как налогообложение, так и различные формы внутренних займов.

¹ Барк П. Л. Указ. соч. С. 279-280.

² Там же. С. 291.

³ РГИА. Ф. 150. Оп. 1. Д. 342. Л. 7-8.

⁴ Хохлов М. Война и деньги // Новое время. 1914. №13825. 7 сентября.

Автор газеты «День», выступая против «чрезмерной фабрикации бумажных денег», также приветствовал реализацию внутреннего займа. «Война приостановила многие отрасли промышленности и торговли; биржа не действует, и денежная публика ищет, куда поместить свои сбережения»¹. Он также высказывал уверенность в том, что «разместить теперь в публике хорошо оплачиваемую государственную бумагу не представляло бы трудностей»².

Тема «займа трезвости» стала появляться на страницах газет уже с введением закона о запрете продажи алкогольных напитков. Однако Комитет финансов, обсудив этот вопрос на своем заседании 25 августа 1914 г. пришел к заключению, что выпуск такого чрезвычайного займа, в основе которого лежали причины не финансового характера, пока не представлялись необходимыми. «Казна располагает в достаточном количестве источниками для привлечения средств, не обращаясь к таким чрезвычайным средствам и мерам»³.

В банковских кругах возможность внутреннего займа вызвала волну возражений, что также нашло отражение на страницах периодической печати. Так, директор международного банка А. И. Вышнеградский считал, что время для займа еще не наступило, так как капиталы, которые государство затратило на мобилизацию, на содержание и обмундирование армии еще не вернулись в хозяйственный экономический оборот. Более того, по его мнению, заем невозможно будет реализовать в условиях, когда «банкам негде будет разместить его, – теперь вообще нет покупателей на бумаги, да и биржи нет»⁴. А. И. Вышнеградский видел выход из ситуации в увеличении выпуска кредитных билетов.

Председатель правления Волжского банка А. О. Мухин также выступил категорически против возможности заключения в это время внутреннего займа, опять-таки указывая на закрытие биржи, когда «вообще нет

¹ Бикерман И. Война и бумажные деньги // День. 1914. № 219. 15 августа.

² Там же.

³ Заседание комитета финансов // Русские ведомости. 1914. 25 августа. Экстренное приложение к № 194.

⁴ Внутренний заем // Русские ведомости. 1914. № 206. 7 сентября.

возможности расценивать какие-либо бумаги и производить с ними операции и никто никаких бумаг не покупает и не продает»¹.

Председатель правления частного коммерческого банка А. А. Давыдов считал, что заключение внутреннего займа на тот момент невозможно, поскольку Государственный банк еще не использовал в полной мере своих эмиссионных прав. Он также отмечал, что за границей кредитные деньги обеспечены даже в мирное время на 50% золотом. По его расчетам «при 1,300 млн нашей золотой наличности можно было довести выпуск кредитных билетов до 2½ млрд»².

Тем не менее, в конце сентября 1914 г. по инициативе министра финансов П. Л. Барка на заседании того же Комитета финансов было принято решение о выпуске первого военного займа на сумму в 500 млн рублей. Он был рассчитан на погашение тиражами в течение 49 лет, начиная с 1916 г., имел фиксированный доход в 5 процентов годовых и выпускной курс 94 рубля за 100 номинальных, реализовывался по публичной подписке³. Указ был подписан императором 3 октября 1914 г.

Пространная статья в «Новом времени» излагала аргументы, объясняющие, «что наступил момент выпуска долгосрочных военных займов и, конечно, прежде всего, внутренних, так как внешний денежный рынок <...> почти совершенно закрыт для крупных эмиссионных операций»⁴. Прежде всего, указывалось на то, что российское население, которое в начале войны стало массово забирать вклады в кредитных учреждениях, стало возвращать их обратно. Так, в сберегательных кассах в первые три недели после объявления военных действий было забрано вкладов на 38 млн руб., а к 1 октября, по данным газеты, вернулось уже 32 млн руб. Похожая тенденция

¹ Внутренний заем // Русские ведомости. 1914. № 206. 7 сентября.

² Внутренний заем // Русские ведомости. 1914. № 207. 10 сентября.

³ *Страхов В. В.* К вопросу о финансовой политике царского правительства в годы Первой мировой войны // Вестник Рязанского государственного педагогического университета им. С. А. Есенина. 2001. № 1(6). С. 70.

⁴ Военные займы // Новое время. 1914. № 13856. 8 октября.

наблюдалась с вкладами в частных банках. Так как учетно-ссудная деятельность частных банков в связи с уменьшением торгово-промышленного оборота подвергалась сокращению, у них имелись значительные свободные средства, отмечалось в газете. Тем более, что фондовые биржи оставались закрытыми и размещение свободных средств в торгово-промышленный оборот представляло большие затруднения. Вот эти свободные средства, остававшиеся в стране и не находившие по обстоятельствам военного времени выгодного помещения в торгово-промышленный оборот и являлись, по мнению газеты, необходимым материалом для реализации внутреннего государственного займа¹. Отмечалась также и еще одна причина популярности займа: наличие дешевых купюр в 50 руб., что первый раз в истории внутренних и внешних займов давало возможность принять участие в их реализации представителям широких масс².

Именной высочайший указ министру финансов о начале выпуска внутреннего займа появился в газетах 19 октября 1914 г., а двухдневная подписка на него планировалась через неделю – 24 октября. В некоторых банках были вывешены плакаты с условиями предоставления займа. Причем об исключительности займа «Новая газета» стала распространять информацию еще до начала официальной подписки, утверждая, что некоторыми банками внесены в Государственный банк крупные суммы для оплаты приобретаемых партий нового займа³. Накануне официального открытия подписки в банках наблюдался большой наплыв публики, отмечала газета «День», причем займом, по наблюдению газеты, «интересуется широкая публика среднего достатка, в том числе много лиц интеллигентных профессий»⁴.

Газета «Утро России» подчеркивала удачный момент, выбранный для объявления займа: «Во-первых, текущие счета и вклады в банках

¹ Военные займы // Новое время. 1914. № 13856. 8 октября.

² Подписка на новый заем // День. 1914. № 290. 25 октября.

³ Успехи займа // Утро России. 1914. № 255. 19 октября.

⁴ Подписка на новый заем // День. 1914. № 289. 24 октября.

систематически растут, и не находя себе продуктивного применения в такой же степени, как до начала войны, свободнее превратятся в заем. Во-вторых, биржа закрыта, и это обстоятельство сыграет также положительную роль...»¹ Во всех столичных банках отмечался значительный наплыв публики, которая в своем большинстве состояла из «средних капиталистов, желающих поместить свои сбережения в новый заем»². Результаты прошедшего займа расценивались как весьма успешные, о чем было заявлено, например, на совещании представителей петроградских и московских банков, доли части займов которых были покрыты с излишком. Указывалось при этом, что заем явился «первым по количеству подписчиков»³.

Подводя итоги, необходимо констатировать, что российская печать с началом военного конфликта достаточно активно освещала экономическую и финансовую политику правительства, отмечая необходимость незамедлительного решения сиюминутных проблем, а также преодоления возможных сложностей, которые могли возникнуть в некоторой временной перспективе. При этом периодические издания, демонстрировавшие в довоенное время критический настрой по отношению к правительственным мероприятиям, с началом Первой мировой войны по большей части положительно оценивали готовность властных структур к решению проблем, возникавших в экономических и финансовых сферах. Сравнивая возможности российского государственного аппарата в контроле над финансами с потенциалом вражеских стран и государств-союзников, периодические издания давали на своих страницах оптимистические прогнозы в отношении устойчивости российского экономического хозяйства.

¹ К выпуску нового займа // Утро России. 1914. № 255. 19 октября.

² Новый заем // Утро России. 1914. № 260. 24 октября.

³ Реализация займа // Русские ведомости. № 249. 1914. 29 октября.

ГЛАВА II

ПЕРВЫЕ АНТИКРИЗИСНЫЕ ФИНАНСОВО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ МЕРОПРИЯТИЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА КАК ОБЪЕКТ КРИТИКИ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ. 1915 г.

2.1. Проблема мобилизации российской промышленности в оценках отечественной периодической печати

Воевавшие страны имели в сравнении друг с другом массу экономических отличий, к числу которых относилась быстрота приспособления к новым условиям, степень организованности и формы регулирования промышленного производства. Общей для всех была «мобилизация промышленности», отражавшаяся на темпах наладки выпуска всего необходимого для ведения войны. Причина перехода к такому варианту ведения хозяйства заключалась в том, что «никогда ещё не выступала так наглядно связь между успехом на поле битв и промышленно-техническим развитием»¹. Газета «Новое время» уточняла: «Судьбу сражений при нынешних условиях решают снаряды и ружья и побеждает тот, кто обладает ими в бóльшем количестве, чем противник»².

Для России почти полное прекращение торговых отношений с Западной Европой не только обозначило экономическую зависимость от европейской промышленности, но и выдвинуло на первый план вопрос о развитии собственного производства значительного количества продукции. Более того, помимо проблемы импорта, вскоре после начала войны на состояние российской промышленности оказала влияние изоляция Польского и Прибалтийского промышленных районов, оказавшихся в непосредственной близости от театра военных действий. По данным Л. Б. Кафенгауза,

¹ Русские ведомости. 1915. № 119. 26 мая.

² Оборона и промышленность // Новое время. 1915. № 14202. 23 сентября.

находившиеся там предприятия накануне войны выпускали 17,4% от всей промышленной продукции Российской империи¹.

Рудольф Клаус, ссылаясь в своей монографии на данные российского Министерства торговли и промышленности, приводил следующие цифры на 1 октября 1914 г. «Из 8550-ти более крупных предприятий без Польши, с 1,6 млн рабочих, 502 предприятия с 46500 рабочими совершенно прекратили производство, 1034 предприятия сократили его (319000 вместо 435000 рабочих) 125 предприятий расширили производство и увеличили число рабочих с 88000 до 105000»². Схожие данные привел в своей работе И. В. Маевский: «В одном только Варшавском округе насчитывалось 4189 предприятий с количеством рабочих 353,4 тыс. человек, из которых лишь незначительная часть была эвакуирована в глубь страны, а большая часть осталась на месте и работала на неприятеля»³. В качестве главных причин сокращения производства уже в первые месяцы войны назывались недостаток сырья, уменьшение количества рабочих и топлива, расстройство железнодорожного транспорта и финансовые затруднения. Однако при этом особое влияние среди этих факторов занимал рабочий вопрос и эвакуация предприятий.

Все эти обстоятельства предопределили повышенный интерес к промышленности и в первые месяцы с начала военных событий государством уже было принято несколько законодательных актов, регулировавших хозяйственную жизнь в интересах обороны. Однако в наскоро принятых решениях еще «не было никакой системы, никакой подготовленности», наоборот, в этих первых актах проглядывались очевидные попытки «сохранить в неприкосновенности весь бюрократический аппарат, который,

¹ Кафенгауз Л. Б. Эволюция промышленного производства в России. М., 1994. С. 172.

² Клаус Р. Война и народное хозяйство России (1914 – 1917 гг.). М. ; Л.: Государственное военное издательство, 1926. С. 41.

³ Маевский И. В. Экономика русской промышленности в условиях Первой мировой войны. М., 1957. С. 57.

как предполагалось, вполне справится со ставшими на очередь задачами»¹.

Первый орган регулирования, созданный в связи с начавшейся войной, касался поставок топлива. Катастрофы в снабжении углем не произошло, но потеря Домбровского бассейна на юге Царства Польского, дававшего 10% всей его добычи в стране и прекращение привоза иностранного угля, составлявшего около 17% угольного снабжения, сказались на топливном бюджете страны². Совет министров 23 июля 1914 г постановил образовать при Министерстве торговли и промышленности Междуведомственное совещание по вопросу об обеспечении города Петербурга углём. Таким образом, созданный Центральный комитет по снабжению топливом, председателем которого являлся министр торговли и промышленности, на первых порах ограничил свою деятельность пределами угольного снабжения столицы. Впрочем уже 6 августа 1914 г. была дана оптимистическая оценка положения, основанная на том, что в связи с военными действиями произошло сокращение деятельности промышленных предприятий, а, следовательно, должна снизиться и потребность в топливе³.

Однако оценки значения тыла для обороны страны, вопросы, связанные со способами мобилизации промышленности и «милитаризацией самих рабочих» постепенно вышли за рамки кабинетных решений и стали предметом активного обсуждения в обществе, а значит – и в печати. К 1915 г. началось размещение военных заказов на заводах, услуги которых первоначально отклонялись⁴. В частности, производство снарядов перебазировалось на неспециализированные заводы металлообрабатывающей промышленности. «Война застала нашу промышленность почти неподготовленной, –

¹ Букипан Я. М. Военно-хозяйственная политика. Формы и органы регулирования народного хозяйства за время мировой войны 1914 – 1918 г. М. ; Л.: Государственное издательство, 1929. С. 253.

² Там же. С. 256-257.

³ Там же. С. 257.

⁴ Караваева И. В. Российское промышленное производство в годы Первой мировой войны // Военная экономика России в первой половине XX столетия. М.: Институт экономики РАН, 2006. С. 68.

констатировало «Новое время». – Частная предприимчивость в сравнении с тем, как она поставлена на Западе, была ничтожна...»¹ Даже правые российские издания признавали отставание отечественной промышленности от требований войны. «Московские ведомости» формулировали это следующим образом: «До сих пор преимуществом Германии являлось широкое развитие её промышленности, всецело приспособленной к удовлетворению разнообразных потребностей её армии»². Однако снарядное производство, ранее почти неизвестное частной промышленности, получило значительное развитие. «В центральном районе кульминационным месяцем был ноябрь 1916 г. – в нём было исполнено трёхдюймовых снарядов ... на 40% больше, чем за весь 1915 г. ... Некоторые заводы изготовившие за японскую войну 30.000 шт. снарядов выпускали свыше 1 миллиона штук в год»³.

На начальном этапе войны также наметилась тенденция к необходимости определенного ограничения привычных потребностей хозяйства, нужд тыла ради лучшего обеспечения возникавших экономических запросов, связанных с ведением войны, снабжения сырьем оборонных предприятий. Однако довольно скоро стало очевидным, что это может привести к ненужному нерациональному использованию предприятий, и в газете «Вечернее время» в беседе с товарищем министра торговли и промышленности С. П. Веслаго были даны некоторые разъяснения: «Я понимаю, когда говорят о снарядах, – отмечал чиновник. – Да, снаряды следует изготавливать непрерывно, но в отношении других предметов промышленность может быть использована на прежних основаниях, причём, конечно, предполагается более интенсивная её деятельность»⁴. Обозначенная интенсивность предусматривала особые способы построения такой мобилизованной промышленности через осуществление государственного

¹ Оборона и промышленность // Новое время. 1915. № 14202. 23 сентября.

² Московские ведомости. 1915. № 128. 5 июня.

³ Караваева И. В. Указ. соч. С. 81.

⁴ Вечернее время. 1915. 27 мая. № 1129.

контроля, расширение принудительных мер, повышение роли предприятий, принадлежавших государству, а, следовательно, ограничения частной инициативы. Более того, формирование мобилизационной экономики в экстремальных условиях обязательно осуществляется за счёт снижения уровня потребления товаров и продуктов населением, а значит – требовало высокой степени его сознательности, отношения с пониманием к чрезвычайности ситуации.

Идея мобилизации промышленности в России была оглашена в конце мая 1915 г. В отличие от характерных со стороны власти обращений, направленных в начале войны на организацию хозяйства в тылу, на поддержание нормального функционирования экономики в условиях нарушения товарообмена, мобилизация промышленности предусматривала не сохранение обычных экономических функций мирного времени, а решение новой задачи, связанной с адаптацией производства к очевидным многочисленным требованиям, вызванным войной. Говоря современным языком, мобилизационный тип развития – «развитие, ориентированное на достижение чрезвычайных целей, с использованием чрезвычайных средств и чрезвычайных организационных форм»¹.

Начиная с апреля 1915 г. проводились совещания и осуществлялось формирование комитетов, предназначенных для решения многочисленных проблем, вызванных войной: по распределению топлива, хлопка, по продовольственному вопросу. В 20-х числах мая было учреждено «Особое совещание под председательством военного министра для объединения мероприятий по обеспечению действующей армии принадлежностями боевого и материального снаряжений».

Идея мобилизации промышленности была сформулирована в московской газете П. П. Рябушинского «Утро России»: «Надо, не медля ни одной минуты, мобилизовать всю промышленность и приспособить все

¹ *Фоотов А. Г.* Россия от мобилизационного общества к инновационному. М., 1993. С. 88.

фабрики и заводы только к нуждам войны. Требования рынка и частного обихода должны быть поставлены на задний план, и каждое предприятие, которое нужно для войны, должно быть усилено станками и машинами с тех фабрик, где нет работы для обороны. Все рабочие должны быть мобилизованы, переведены на военное положение и прикомандированы на предприятия, где они нужны, так как в такое время работа у станка или при машине так же ответственна и нужна, как часовой на передовых позициях»¹.

Внутренняя мотивация этой кампании не лежит на поверхности из-за восторженной риторики, характерной для начального этапа войны, но вполне просматривается при анализе мероприятий, проводимых государством в области промышленного производства. В монографии профессора Манчестерского университета П. Гатрелла, посвященной социально-экономическому положению России в годы Первой мировой войны, отмечается, что представители частного сектора экономики, которые были причастны к этим мероприятиям, исходили из того, что такая мобилизация промышленности является слишком сложным и важным делом и его нельзя безоглядно доверять одной лишь бюрократии. Кроме того: «Организованная кампания по повышению роли предприятий, принадлежавших государству, угрожала ослабить позиции частного сектора»².

В деле мобилизации промышленности вполне объяснимы инициативы, исходившие от московских владельцев предприятий, находившихся на периферии с точки зрения принимаемых в Петрограде бюрократических решений. По словам автора статьи в «Новом времени»: «Москва даёт свои идеи, своих людей»³, а Петроград является более удобным для совместной

¹ Юс. Мобилизация промышленности // Утро России. 1915. № 140. 23 мая.

² *Gatrell Peter. Russia's First World War: A Social and Economic History. Harlow, England: Longman, 2005. P. 109.*

³ Известные представители московской промышленности: Морозовы, Рябушинские, Крестовниковы, Четвериковы и др. Председателем Центрального военно-промышленного комитета стал также москвич – А. И. Гучков.

работы Центрального военно-промышленного комитета с разными ведомствами и учреждениями»¹.

Окончательное утверждение мнения о необходимости мобилизации промышленности произошло на проходившем 26-29 мая 1915 г. в Петрограде IX очередном ежегодном съезде представителей промышленности и торговли. Московский промышленник П. П. Рябушинский «только что вернувшийся с фронта, дрогнувшего под ударом галицийского наступления Макензена, произнес историческую и истерическую речь о необходимости немедленной мобилизации всех сил промышленности для снабжения и снаряжения армии всем необходимым»². «Биржевые Ведомости» описали выступление П. П. Рябушинского следующими словами: «Странная и своеобразная фигура – этот московский миллионер. Нечто среднее между старообрядческим начётчиком и английским дельцом. Строгое лицо, сухой, жёсткий голос. На кафедре этот голос порой поднимается до крика, то падает до шёпота, страстного, почти зловещего и есть в нём что-то властное ... во всех этих гневных нотах слышались подлинная боль, подлинная горечь»³.

После обсуждения на съезде доклада «Промышленность и война» и после смелого выступления П. П. Рябушинского «была вынесена резолюция, в которой русская промышленность призывалась к объединению и дружной работе для обслуживания всех нужд войны»⁴. В ней также заявлялось: «Только объединение по примеру наших союзников, всех промышленных и торговых сил страны может дать нашей армии всё необходимое и вовремя»⁵. По определению газеты «Новое время», «немцы начали войну, опираясь на организованную промышленность, а у нас только в конце первого года (и то

¹ Война и промышленность // Новое время. 1915. № 14146. 29 июля.

² Букишпан Я.М. Указ. соч. С. 297.

³ Биржевые ведомости. Утренний выпуск. 1915. № 14869. 28 мая.

⁴ Поливанов А. А. Из дневников и воспоминаний по должности военного министра и его помощника. 1907-1916 г. т. 1 М.: Высший военный редакционный совет, 1924. Т. 1. С. 205.

⁵ Промышленность и торговля. 1915. № 13. С. 542.

благодаря Л. Джорджу)¹ при Совете съездов представителей промышленности и торговли появилось что-то похожее на нечто под названием "Центральный военно-промышленный комитет"»². Этот орган был создан в Петрограде для координации работы с правительственными учреждениями, а также с целью привлечения научно-технических сил, представителей от отдельных торгово-промышленных организаций, от управления железных дорог и пароходств, от Всероссийских союзов земств и городов.

По поводу необходимости планомерного развития вопросов, связанных с работой промышленности в новых условиях, высказалась газета «Речь», отметившая, что не следует скрывать от себя, что решение задачи организации промышленности в новых военных условиях является очень сложной, поскольку владельцы российских предприятий не обладают той предприимчивостью, энергией, способностью к совместным действиям, необходимыми для этого. «Если в стране, с такой старой, с такой великолепно развитой индустрией, как Англия, военно-промышленная техника оказалась не вполне соответствующей предъявляемым к ней необходимым требованиям, если Ллойд Джордж в своей последней речи счёл патриотическим долгом открыто, на всю страну признать в этом отношении превосходство Германии, то уже один этот факт достаточно говорит о том в высокой степени серьёзном значении, какое в настоящий момент приобретает спешная и планомерная мобилизация промышленности для снабжения армии»³.

Газета «День» также была склонна критически оценить позицию отечественных владельцев предприятий и отмечала, что на протяжении десяти месяцев «все выступления представителей промышленности и торговли не

¹ Слова Ллойд Джорджа из его последней на тот момент речи стали популярными в России в связи с его призывом к мобилизации промышленности у себя в стране, как об одном из главных факторов военных успехов.

² Война и промышленность // Новое время. 1915. № 14146. 29 июля.

³ Речь. 1915. № 142. 26 мая.

заклучали в себе ни одного шага навстречу необходимой строжайшей мобилизации не только финансовых, но и промышленных ресурсов страны»¹.

На проходившем съезде отмечалось, что, «хотя в настоящее время правительством уже сделаны первые шаги в этом направлении, как, например, Комитет по топливу, Продовольственный комитет, высочайше утверждённая Комиссия по снабжению армии, – съезд, признавая таковые попытки ещё недостаточными, высказывает пожелания, дабы к участию в действиях новых учреждений привлекались широкие круги: представители Земского и Городского союза, промышленных и торговых организаций, учёные силы. При этом крайне важно, чтобы центральные учреждения озаботились созданием на местах соответственных органов с привлечением местных общественных сил»².

Оценивая факт создания Центрального военно-промышленного комитета, газета «Петроградский курьер» в свою очередь отмечала, что в его составе были объединены представители правительственных кругов, высших законодательных учреждений и промышленности, но это лишь первый шаг «и шаг этот не должен быть единственным, данный комитет должен явиться центром, от которого расходятся радиусы во все стороны»³. Для этой цели съезд поручал всем торгово-промышленным организациям образовать районные комитеты, объединявшие местную промышленность и торговлю, для выяснения возможности приспособления существовавших предприятий к изготовлению всего необходимого для армии и флота и согласования общей деятельности фабрик и заводов.

«Поскольку буржуазия официальным мотивом создания военно-промышленных комитетов выдвинула общественную помощь предпринимателей правительству, организация комитетов приветствовалась и официальными правительственными кругами, и черносотенно-реакционной

¹ Задачи промышленного съезда // День. 1915. № 142. 26 мая.

² Промышленность и торговля. 1915. № 13. С. 542.

³ Петроградский курьер. 1915. № 479. 26 мая.

печатью»¹. Газета «Московские ведомости», например, отмечала: «Благоприятные результаты может дать организация местных военно-промышленных комитетов, ... хорошо знающих силы и средства промышленных предприятий данного района. Местные военно-промышленный комитеты окажут громадную услугу своими указаниями, какое предприятие к чему может быть приспособлено, как велика его производительность, какие могут быть поставлены технические задачи и т.п.»².

Положение о Центральном военно-промышленном комитете было утверждено Советом министров 4 августа 1915 г., после чего началось формирование его местных органов даже на тех территориях, где отсутствовали промышленные предприятия способные развернуть производство в пользу обороны страны. Основные средства местных военно-промышленных комитетов формировались за счет правительственных субсидий, отчислений от суммы заказов, передаваемых через комитет (до 1%), а также из добровольных взносов участников организации. В результате, наряду с крупной промышленностью при посредстве всероссийских союзов земств и городов началась мобилизация мелких и средних предприятий.

Значительное увеличение выпуска оборонной продукции, помимо поддержки армии и решения главной проблемы – достижения перелома в войне, имело и свою привлекательную сторону для частной промышленности. Однако газета «Русские ведомости» критически оценивала доклады, прозвучавшие на съезде, отмечая, что от позиций предыдущих лет их отличали лишь «повышенный тон и бóльшая уверенность». По мнению периодического издания, как обычно вопросы экономического развития разрешались

¹ Погребинский А. П. Военно-промышленные комитеты. // Первая мировая война: влияние на экономику России и мира: Коллективная монография. М.: Экономический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова. ТЕИС, 2016. С. 60.

² Московские ведомости. 1915. № 128. 5 июня.

промышленниками только в той мере, в какой это совпадало с интересами крупных предприятий.

Между тем, газета «День», ссылаясь на подготовленный в одной из воевавших стран проект, предусматривавший специальное повышенное обложение доходов предприятий, полученных благодаря военной конъюнктуре, намекала на необходимость таких мер для отечественной частной промышленности, поскольку «экономическая политика нашего торгово-промышленного класса в течение прошедших десяти месяцев не свидетельствует ни о его культурности, ни о его гражданственности»¹. Газета «Русские ведомости» также усматривала в действиях промышленных кругов стремление извлечь из происходившего как можно больше выгод, в том числе и на дальнюю перспективу. По мнению автора статьи в газете, они надеялись на промышленный подъём после войны и на хорошую деловую конъюнктуру, а в связи с этим «требуют создания такой обстановки, которая облегчила бы условия такого подъёма, реформы устарелого законодательства, отмены всяческих ограничений»². В публикации «Биржевых ведомостей» звучала обобщенная оценка сказанного, и газета констатировала, что вопросы мобилизации промышленности заключались в первую очередь не в технических условиях, а в общественно-государственных³.

Правительство выплачивало огромные авансы и предоставляло займы российским предпринимателям, которые на полученные дополнительные финансовые ресурсы закупали сырье и новое оборудование, а также использовали дополнительную рабочую силу. При этом непрерывно возраставшие расходы перекладывались на казну, а произведенная продукция имела гарантированный сбыт. Результатом явилась возможность модернизировать частные предприятия в некоторых отраслях

¹ Задачи промышленного съезда // День. 1915. № 142. 26 мая.

² Русские ведомости. 1915. № 119. 26 мая.

³ Лукиан. В антрактах промышленного съезда // Биржевые ведомости. Утренний выпуск. 1915. № 14869. 28 мая.

промышленности за счет государства. Однако при этом в деле организации промышленности появились дополнительные конкурентные структуры в лице создаваемых торгово-промышленных комитетов, распределявших заказы между частными и государственными предприятиями, угрожая ослабить притязания частного сектора. Распределение военных заказов при этом затрагивало главным образом средние и мелкие предприятия, а погоня за правительственными заданиями зачастую приводила к невозможности их выполнения со стороны предприятий, которые их принимали, но не могли реализовать из-за отсутствия необходимых мощностей. Крупные же заводы и фабрики напрямую контактировали с правительством и получали средства непосредственно из казны.

Организованные в условиях военного времени, местные военно-промышленные комитеты не имели перед собой строго определённых конкретных заданий, поскольку не представлялось возможным определить на перспективу их хозяйственную роль в деле снабжения, а в связи с этим установить финансовый план их деятельности. Основные задачи инициаторов организации военно-промышленных комитетов сводились к созданию условий, при которых военные заказы могут распределяться целесообразно, исполняться быстро и доброкачественно, а необходимые на этот предмет средства употребляться бережливо¹.

Очевидно, что большинство из поставленных задач реализовать в условиях войны было непросто. Военно-промышленный комитеты ставили своей целью стать главными распределительными инстанциями, но на практике им удалось получить совершенно незначительное число заказов, главным образом в первый год своего существования². К тому же они во многом были поставлены в прямую конкуренцию с предприимчивостью, поскольку частные предприятия оказались под дополнительным контролем со

¹ Горбачёв И. А. Хозяйство и финансы военно-промышленных комитетов. М.: Типография товарищества Рябушинских, 1919. С. 3.

² Погребинский А. П. Указ. соч. С. 70.

стороны созданных комитетов, которые не были ограничены в возможностях расширения своей деятельности.

Мобилизация промышленности с использованием административных начал, конечно, имела определенные плюсы. В таких условиях было больше возможностей в создании единого плана государственных заданий и срочности их исполнения, максимального использования имевшихся ресурсов.

В статье в газете «Речь», написанной известным земским политическим деятелем А. И. Шингаревым, были рассмотрены различные варианты промышленной мобилизации, уже осуществлявшейся в других воевавших странах. В частности, он ссылаясь на опыт Германии, в которой уже спустя шесть дней после объявления мобилизации было введено регулирование работы всех предприятий. Там полагалось распределение правительственными органами рабочих и специалистов по предприятиям, их перевод при необходимости с одного на другое и так далее.

В Англии было предусмотрено сотрудничество официальных структур с частным сектором в экономике, но при этом уже в самом начале войны правительству были предоставлены широкие полномочия по контролю за производством, осуществлявшем военные заказы. Упомянутое выступление Ллойд Джорджа 25 февраля 1915 г. было связано с внесением им законопроекта, в котором предусматривалось расширение прав исполнительной власти в отношении не только предприятий, изготавливавших продукцию для армии, но и на те, которые могут быть приспособлены к такой деятельности¹.

В России императором было утверждено положение Совета министров об учреждении 13 мая 1915 г. Особого совещания под председательством военного министра, с предоставлением ему некоторых прав по принятию

¹ Шингарев А. Обязательная или добровольная мобилизация промышленности // Речь. 1915. № 184. 7 июля.

исполнению заказов на частных предприятиях¹. Однако анализ журналов заседаний показывает, что основная проблема, которая на них рассматривалась, – это поставки вооружения и снаряжения из-за границы².

А. И. Шингарев констатировал: «Но если теоретически принудительная регулятивная система может быть признана наиболее продуктивной, то всё же нельзя признать её наиболее целесообразной практически. Практика должна считаться с условиями действительности, с общественными привычками, с существующей системой управления, с административными навыками»³. По его мнению, опыт Германии не обязательно был применим к Англии и России. «Теоретическая прямолинейность и ясность обязательности может не преодолеть сопротивления практической среды, или, что ещё хуже, будет извращена в произвол, злоупотребления и непоправимые неурядицы»⁴. В то же время автор статьи в газете «Речь» признавал, что «в свободном творчестве всегда больше энергии и продуктивности, чем в механическом исполнении, в условиях нашей русской действительности это сугубо важно»⁵. Однако А. И. Шингарев допускал, что частные интересы могут преобладать над государственными, поэтому решение, принятое в Англии, является попыткой сочетания системы свободной организации производства при контроле и возможном вмешательстве власти. На его взгляд, этот опыт являлся более подходящим для формировавшейся в России системы отношений в области военного производства.

Ряд российских периодических изданий в этот период высказывали точку зрения, близкую к позиции А. И. Шингарева. Газета «Петроградский

¹ Журналы Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства (Особое совещание по обороне государства). 1915–1918: в 3 т. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2013. Т. 1. С. 37.

² Синиченко В. В. Особое совещание как институт чрезвычайного управления Российской империей в годы Первой мировой войны // Сибирский юридический вестник. 2021. № 4 (95). С. 34.

³ Шингарев А. Обязательная или добровольная мобилизация промышленности // Речь. 1915. № 184. 7 июля.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

курьер» отмечала, что подъем производства возможен «лишь при неперменном условии – наличности доверия – доверия как к промышленности, так и к обществу. Доверие – стимул самостоятельности и объединения, столь необходимых в данный момент. И показать, к скольким ненормальностям привело и приводит отсутствие доверия, и какие неисчерпаемые возможности открывает наличность его, – в этом состоит ответственная и почётная задача Всероссийского промышленного съезда¹. Газета «Новое время» высказывала озабоченность по поводу очевидного стремления военного ведомства делать упор на поддержку государственных предприятий: «Казённое хозяйство хорошо, но оно не всегда в состоянии развиться до тех исключительных размеров и требований, какие предъявила современная война»². Автор статьи в газете проявлял уверенность в том, что необходимо широко поставить вопрос о развитии частной промышленности ради государственных интересов. «Почему, если за границей на почве частной инициативы и предприимчивости развились такие колоссы, как Крупп, Крезо, Веккерс, Армстронг, Ремингтон, Винчестер, Шихау, Флосс и др., почему и нам не иметь своего Круппа и Винчестера?»³

На протяжении месяца после окончания съезда проходила активная работа по организации мобилизованной промышленности. Внутри созданных комитетов стали складываться отделы, секции, комиссии и т. д. Так, при Центральном военно-промышленном комитете за короткий промежуток времени были сформированы 12 отделов: 1. Механический; 2. Metallургический; 3. Химический; 4. Перевозочный; 5. Продовольственный; 6. Отдел по обеспечению рабочим составом; 7. Вещевой; 8. Отдел по снабжению топливом; 9. Финансовый; 10. Врачебно-санитарный; 11. Отдел изобретений; 12. Юридический. Позднее был образован еще и 13-й – авиационный отдел, который был связан с возникшей в результате войны

¹ Петроградский курьер. 1915. № 479. 26 мая.

² Оборона и промышленность // Новое время. 1915. № 14202. 23 сентября.

³ Там же.

новой, наряду с производством электротехники, отраслью в экономике¹.

Каждый из названных отделов состоял из нескольких секций и комиссий. Например, вещевой отдел включал в себя семь комиссий: хлопчатобумажную, льняную и джутовую, шерстяную и аммунично-кожевенную, шелковую, обмундировочную и аммунично-текстильную, обозную. Отдел по снабжению топливом включал в себя четыре секции, отражавшие виды топливной продукции: нефтяной, каменноугольный, торфяной и дровяной. Врачебно-санитарный отдел был разбит на пять подотделов: консультационно-информационный, перевязочный, технический, химический и материальный².

Вслед за оформлением структуры Центрального военно-промышленного комитета началась работа по организации промышленных комитетов на местах. Был установлен приблизительно одинаковый порядок создания этой структуры. Существовавшие в городе торговые организации или городские, земские управы созывали организационные собрания с участием местных общественных деятелей, фабрикантов, торговцев, технических и научных сил. Например, в Кременчуге в целях организации военно-промышленного комитета объединились земское и городское управления, биржевой комитет, кредитные учреждения и промышленные предприятия³. На собрании избирался военно-промышленный комитет и вырабатывались основы его деятельности. О своем образовании он сообщал местным властям, а также Центральному военно-промышленному комитету.

Однако с самого начала стали возникать и определенные трудности, связанные с организационными проблемами. Газета «Новое время» два месяца спустя после начала кампании опубликовала сообщение собственного корреспондента в Екатеринославе под названием «Комитетские разговоры».

¹ Марголин С. Мобилизация промышленности // Ежегодник газеты «Речь» на 1915 год. Пг.: Издание редакции газеты «Речь», 1915. С. 474.

² Там же.

³ Новое время. 1915. № 14111. 24 июня.

Речь шла о том, что в то время как другие комитеты принялись уже за работу, здесь только проходили совещания. Например, в связи с вопросом об обеспечении предприятий рабочими было принято постановление: «возбудить ходатайство перед особым совещанием о предоставлении права работать евреям – рабочим и служащим, занятым на заводах и фабриках, независимо от их права жительства»¹.

В той же заметке говорилось о заседании Земского комитета, который постановил «возбудить ходатайство о создании Министерства снабжения армии, для объединения и направления деятельности существующих организаций по снабжению армий»². По истечении нескольких месяцев вопрос обсуждался в земском исполнительном и военно-промышленном комитетах с вариантом возможности объединения деятельности по снабжению армии. За объединение высказалась и третья местная организация – Союз городов. В итоге, на совместном заседании был избран представителем на съезд военно-промышленных комитетов профессор П. Г. Рубин, «который, конечно, прочтёт там свой доклад, а по возвращении тоже сделает своё сообщение... И всё слова, слова, слова, а когда же дело?»³

Относительно дел газета также высказала свою точку зрения, отметив, что в мастерских Екатерининской железной дороги уже на тот момент производились снаряды для фронта, в отличие от комитетов, которые занимались «принципиальными вопросами». Однако, несмотря на возникавшие организационные проблемы, к 1916 г. было создано 220 местных комитетов, объединенных в 33 областных комитета⁴, деятельность которых распространилась практически на всей территории страны и во всех отраслях экономики⁵. В то же время неразбериха с распределением военных заказов,

¹ *Гофштеттер В.* Комитетские разговоры // Новое время. 1915. № 14144. 27 июля.

² Там же.

³ Там же.

⁴ *Гапоненко Л. С.* Рабочий класс России в 1917 году. Ин-т истории СССР. М.: Наука, 1970. С. 92.

⁵ *Кюнз П. А.* Мобилизация экономики и частный бизнес в России в годы Первой мировой войны. М., 2012. С. 16.

отсутствие необходимого оборудования, сырья и квалифицированной рабочей силы привели к тому, что большая часть военно-промышленных комитетов не справлялась с выполнением взятых на себя заказов. Так, Московский военно-промышленный комитет, из полученных на 1 апреля 1916 г. заказов на сумму 93,8 млн руб. выполнил заказов только на 56,1 млн руб., т.е. чуть более 50%¹ и это был далеко не единичный случай.

На состоявшемся 5-го июня 1915 г. съезде уполномоченных Всероссийского земского союза также было признано необходимым объединения всех сил страны в деле удовлетворения нужд обороны и широкое участие земской России в снабжении армии. С этой целью были созданы областные съезды представителей отдельных земств для выяснения возможности их участия в деле обороны и для согласования деятельности. По их инициативе в целом ряде городов, были также устроены совещания по вопросам снабжения армии, в которых принимали участие представители кооперативов, кустари, владельцы мелких мастерских, а также земские агрономы, техники и инструкторы. На этих совещаниях выяснялась возможность заготовки силами кустарей многих предметов снаряжения армии. Список этих предметов был представлен военному министру.

Союз возбудил также ходатайство перед министерством об отпуске общественным организациям из средств Государственного казначейства авансов для закупки сырья, топлива и т. п. Ходатайство Союза было удовлетворено, и общественным организациям на первоначальные работы было отпущено 5 млн рублей. Однако в земских общественных кругах, которые должны были поддерживать постоянную связь центральных органов власти с местными общественными организациями, идея мобилизации промышленности была воспринята главным образом в виде принудительности милитаризации промышленности.

Так, эта мысль о необходимости введения принудительной мобилизации

¹ Известия Московского военно-промышленного комитета. 1916. № 23-24. С. 175.

промышленности впервые была высказана на московском губернском земском собрании, созванном 2-го июня 1915 г. Предлагалось проведение в законодательном порядке мероприятий, которые обеспечили бы возможность широкого вмешательства государственных структур в дело приспособления промышленности к нуждам обороны. Идея распространялась не только на техническую и экономическую организацию самого производства, но и на определение условий труда. В общественных и в промышленных кругах эта мысль вызвала отрицательную реакцию.

Во всеподданнейшей телеграмме Харьковского губернского земства, которая была передана на обсуждение Совету министров, говорилось: «В виду глубоко государственного характера мобилизации всероссийской промышленности и крайне важного значения ее для одержания конечной победы, Харьковское губернское земство дерзает всеподданнейше просить Ваше Императорское Величество соизволить повелеть объявить общегосударственную обязательную мобилизацию промышленности в целях полного снабжения армии»¹. Однако подобная инициатива не нашла поддержки в периодических изданиях, например, в московской газете «Утро России», скептически оценивавших возможности исключительно административного участия в деле мобилизации промышленности для помощи армии. Сама эта инициатива была связана с очевидной невозможностью государственных структур единолично справиться с задачей успешной обороны государства².

В тех случаях, когда создание промышленных комитетов на местах проходило более успешно, представители военного, а также при необходимости и морского ведомств назначались в них в качестве руководства, после чего начиналась деятельность созданной организации. Обычно на первом этапе выяснялось количество промышленных

¹ *Марголин С.* Мобилизация промышленности // Ежегодник газеты «Речь» на 1915 год. Пг.: Издание редакции газеты «Речь», 1915. С. 477.

² *Утро России.* 1915. № 150. 2 июня.

предприятий, находившихся в этом районе определялись объемы сырья, наличие рабочих рук и т. д. Поскольку единого плана снабжения армии в военном ведомстве не существовало, то с его стороны предоставлялись разрозненные заказы, а Центральный военно-промышленный комитет распределял их далее на места.

С самого начала деятельности выявилась основная проблема, заключавшаяся в отсутствии качественного оборудования на старых заводах. До начала войны станки привозились главным образом из-за границы, а в новых условиях такие поставки имели серьезные ограничения. Между тем такое оборудование было необходимо как для расширения производства на старых заводах, так и для переоснащения и устройства новых предприятий. В результате, производство мелких снарядов было распределено по всей территории России через привлечение к нему мастерских с их несовершенными механическими средствами, а машиностроительные заводы занимались изготовлением станков, приспособленных к изготовлению снарядов.

Другой важной проблемой, требовавшей немедленного разрешения, являлось отсутствие необходимого количества квалифицированной рабочей силы. Призыв в армию привел к увольнению с предприятий обрабатывающей промышленности значительного числа рабочих, на смену которым пришли неквалифицированные работники. Выступая на собрании московских промышленников в июне 1915 г., владелец Московского металлического завода Ю. П. Гужон высказал точку зрения большинства, имевших отношение к проблеме развития промышленности в условиях войны. Эти его слова можно встретить в различных изданиях, посвященных этой проблеме: «По вопросу о рабочих я скажу, что это самый первый вопрос: их необходимо изъять из армии. Если не будет решено возвращение с фронта рабочих, то нам не стоит покупать станки и централизоваться; ничего не выйдет из наших усилий»¹.

¹ Гапоненко Л. С. Указ. соч. С. 76.

Решительность владельца московского предприятия вполне объяснима кадровыми потерями, которые понес Московский металлический завод в результате призывов на войну. Так, на 1 июля 1914 г. на нем насчитывалось около 4 тыс. рабочих. «В первую мобилизацию, проведенную в августе 1914 г., завод сразу лишился 700 рабочих (17,5%), в очередные мобилизации (осенью 1914 и весной 1915 г.) с завода было призвано еще свыше 400 человек»¹. В целом же в Петрограде пользовались отсрочкой от призыва 51% рабочих, по Московскому промышленному району – около 40%, в других районах этот процент был ещё ниже².

В середине июля 1915 г. Министерством торговли и промышленности, по соглашению с Центральным военно-промышленным комитетом, были командированы в города Прибалтийского и Северо-Западного края представителя Комитета по делам, связанным с переводом рабочих из Риги и Варшавы, устройством пунктов для регистрации безработных среди беженцев Привислянского и Прибалтийского края и для направления их во внутренние губернии России³. В условиях дефицита рабочей силы наблюдался также процесс перехода квалифицированных рабочих на предприятия, которые предлагали более высокий уровень материальной поддержки и это также превратилось в фактор, влиявший на развитие промышленности. Только в 1916 г. освобождение от призыва стало более распространенным явлением, и Военное министерство создало комитет, в состав которого входили работодатели и комитеты военной промышленности для решения подобного рода вопросов⁴.

В конце июля 1915 г. настрой ведущих периодических изданий в отношении правительства, отвечавшего за мобилизацию промышленности,

¹ Гапоненко Л. С. Указ. соч. С. 75-76.

² Лейберов И. П., Шкаратан О. И. К вопросу о составе петроградских промышленных рабочих в 1917 году // Вопросы истории. 1961. № 1. С. 52.

³ Командировка представителей Комитета в Прибалтийский и Северо-Западный край // Новое время. 1915. № 14131. 14 июля.

⁴ Букишпан Я. М. Указ. соч. С. 241.

обрел ярко выраженные критические черты. Общее настроение такой печати в отношении правительственных органов можно определить следующим положением: в обычных условиях страна страдала из-за отсутствия рационально организованного порядка, теперь же, в критических военных условиях недостатки организации проявляются еще в большей степени и сказываются гораздо острее. Властные структуры также осознавали справедливость такой критики, поскольку регулярно пытались найти оптимальный вариант усовершенствования системы управления, но сталкивались с новыми критическими заявлениями печати.

«Новое время» заявляло: «Одной мобилизации промышленности достигнуто будет очень мало, если она не получит правильной организации и систематизации, обеспечивающих её трудовую и финансовую производительность»¹. Газета рассуждала о том, что основные усилия по-прежнему были направлены лишь на административные усилия: учреждены Центральный комитет военной промышленности и совещания при военном Министерстве, идут разговоры о создании Министерства военных заготовок или Министерства труда. «Чем, в представлении приверженцев новых министерств эти последние будут ведать? – задавался справедливым вопросом автор статьи. – Если существующими уже торгово-промышленными предприятиями, то ведь для этого у нас имеется Министерство торговли и промышленности, только что получившее нового руководителя. Если же имеющих возникнуть новыми предприятиями, – то для этого достаточно увеличить состав старого Министерства, введя в него контингент лиц, сведущих в потребностях военного ведомства»².

Предметом критики на протяжении не только 1914-1915 гг., но и в 1916 г. являлось отношение самих предприятий к стоящим перед ними задачами в сфере мобилизации промышленности. Так, «Новое время» рассуждало о существовавших тормозах в этом процессе: «С первых дней войны обществу

¹ Новое время. 1915. № 14139. 22 июля.

² Там же.

стало известно, что некоторые заводы и фабрики, работающие на нужды армии, несмотря на избыток заказов, сокращают своё производство, работают лениво, просрочивают спешные заказы военного ведомства, одним словом, является тормозом к своевременному питанию армии»¹. Как оказалось, в наше горячее время как система, так и постановка работ в обследованных предприятиях Московского промышленного района, «не соответствует жгучим потребностям военного времени». Действительно, почти все московские предприятия, обслуживающие нужды армии, работают только в одну дневную смену, причём и эта последняя использована не полностью, а на 30% менее надлежащего положения дел. Если наш противник достиг таких поразительных результатов, так это потому, что в Германии *все заводы* мобилизованы для нужд армии, что работа на них происходит круглые сутки, и продуктивность их работ равняется 100%, а не 70% дневной работы, как у нас.

Иную картину нарисовала газета для своих читателей, опубликовав в начале марта 1916 г. статью своего корреспондента, посетившего в феврале этого года два военных завода в Англии, изготавливавших заряды со взрывчатыми веществами. Главное наблюдение свелось к следующему: работа шла неукротимо и безостановочно, смены менялись каждые 12 часов, с начала войны произошло строительство новых цехов и было нанято дополнительное число рабочих. В результате до войны завод изготавливал 7000 зарядов в месяц, теперь же – 25 млн в неделю, а планировалось в перспективе поставлять 75 млн зарядов в неделю. Гарантеей намеченных планов являлось то, что все станки на предприятиях были новые и усовершенствованные.

Корреспондент также отмечал, что, конечно, осмотренные заводы были образцовыми, «и нельзя ожидать чтобы все остальные стояли совершенно на их высоте». Однако если предположить, что они стремятся к тем же целям и

¹ Тормозы мобилизованной промышленности // Новое время. 1915. № 14157. 9 августа.

проникнуты тем же духом, «то какую колоссальную сумму мощи для Англии и её союзников представляют эти заводы военных снарядов»¹.

Таким образом, на протяжении первого года войны происходил процесс постепенного приспособления российской промышленности к нуждам военного времени. Поскольку осуществляемая работа в этом направлении носила запоздалый характер и увязывалась с попытками решения проблем главным образом административным путем, периодическая печать сопровождала эти действия критическими выступлениями. Однако до весенних неудач 1915 г. на фронте публикации прессы носили исключительно умеренный характер, постепенно изменяясь в сторону резко осуждающих оценок.

Процесс мобилизации промышленности сопровождал приспособление экономики к условиям войны во всех воевавших странах, но в Германии он начался под контролем государства уже в первые дни войны, а в России призыв к нему прозвучал на волне военных неудач в мае 1915 г. Развернувшаяся в это время дискуссия проходила при активном участии периодической печати, материалы которой позволяют восстановить особенности выработки конкретных мер, связанных с решением реорганизации промышленного производства на новых началах.

С самого начала объявления кампании, связанной с мобилизацией промышленности, периодические издания стали отстаивать частную инициативу, приветствовали идею создания на местах военно-промышленных предприятий, одновременно критикуя темпы и результаты этого процесса. Вскоре после выявления основных острых проблем, связанных с отсутствием качественного оборудования для расширения производства и необходимого количества квалифицированных кадров, газеты приступили к обсуждению этих вопросов. При этом продолжалась критика правительства в связи с его попытками разрешения ситуации за счет создания новых административных

¹ Посещение заводов по снабжению войск Англии и союзников // Новое время. 1916. № 14367. 7 марта.

структур, которые должны были заняться поиском оптимальных решений.

В ходе обсуждений удалось отказаться от упрощенного понимания идеи «мобилизации промышленности» и признать, что «все для войны» не значит «ничего для тыла», что организованный тыл представляет такую же существенную необходимость в деле обороны страны, как и выпуск снаряжения для непосредственных нужд войны.

Процесс создания военно-промышленных комитетов и требования представителей частного капитала о расширении их сферы деятельности способствовали росту противоречий между властными структурами и обществом. Проявленная настойчивость со стороны созданных военно-промышленных комитетов, поддержка, оказанная им со стороны периодической печати не только либерального, но и консервативно-правого направления, способствовали росту производительности не только частных, но казенных предприятий.

2.2. Введение такс и твердых цен в России как средство борьбы с дороговизной на страницах периодической печати

Начавшаяся мировая война нарушила привычное течение экономической жизни во всех государствах-участниках, неблагоприятно сказавшись как на сокращении производства некоторых товаров, так и на функционировании потребительского рынка. В России затруднение в перевозке грузов, недостаток рабочих рук и ряд других объективных и субъективных причин вызвали повышение розничных цен на продукты первой необходимости, потребовав вмешательства правительственных кругов, обратив на эту проблему особое внимание периодической печати.

На наш взгляд, убедительным выглядит вывод, прозвучавший в одном из современных исследований, посвященных решению продовольственного вопроса в условиях Первой мировой войны: «Научное осмысление состояния тыла в период военного лихолетья приобретает большую значимость именно потому, что там формировались условия, которые привели впоследствии к изменению государственного строя»¹. Государственная политика, касавшаяся обеспечения продовольствием населения страны в условиях войны, получила в советской и российской историографии обозначение в качестве сложной, исторически значимой части общенационального кризиса, сложившегося в стране на переломном моменте ее существования. При неоднозначных оценках, основанных в том числе на классовом подходе, общим являлось признание многоплановости и принципиальности вопросов, связанных со снабжением продовольствием армии и населения. Особая роль в освещении этих проблем принадлежала периодической печати, поскольку они затрагивали интересы миллионов людей, слабо разбиравшихся в новых

¹ *Паняшин А. А., Петровичева Е. М.* Решение продовольственного вопроса в годы Первой мировой войны в период с августа 1914 по февраль 1917 г. // Вестник Костромского государственного университета. 2025. Т. 31. № 1. С. 133.

реалиях и искавших ответы на постоянно возникавшие вопросы, вызванные военной обстановкой.

Для самих периодических изданий многое из происходившего в экономической сфере также представлялось непонятным. Еще при подведении экономических итогов за 1915 г. Совет съездов представителей биржевой торговли и сельского хозяйства пришел к выводу, что в России «имеется вполне достаточное количество сельскохозяйственных продуктов не только для покрытия самых широких потребностей обороны и населения страны, но и для вывоза за границу»¹.

В научных исследованиях, написанных после окончания мировой войны, этот вывод также во многом находил подтверждение. Так, в обобщающем труде по экономике России времен войны, относящемся к середине 1950-х гг., отмечалось: «Россия единственная из воевавших стран переживала продовольственный кризис при наличии внутри страны избытков хлеба»². В начале 1970-х гг. в общем выводе о регулирующих правительственных мероприятиях и введении твердых цен фиксировалась неудача этих действий для снабжения армии и страны в целом³. В 1980-х гг. были высказаны суждения о том, что в условиях войны требовались иные подходы к проблемам снабжения и прежний способ регулирования рыночных отношений представлялся абсолютно неприемлемым⁴. В фундаментальном исследовании М. В. Оськина, относящемся ко второй половине 2010-х гг., констатировалось: «Резко прогрессирующая в сторону своего роста дороговизна на предметы первой необходимости, отчётливо обозначившийся рост цен на продовольствие, напрямую не вызываемый производственной

¹ Совет съездов представителей биржевой торговли и сельского хозяйства. Отчет Совета съездов о его деятельности за 1915 г. Пг., 1916. С. 16.

² Шигалин Г. И. Военная экономика в Первую мировую войну (1914–1918 гг.). М.: Воениздат, 1956. С. 199.

³ Сидоров А. Л. Экономическое положение России в годы Первой мировой войны. М.: Наука, 1973. С. 487.

⁴ Китанина Т. М. Война, хлеб и революция: (Продовольственный в России. 1914 – октябрь 1917 г.). Л.: Наука, 1985. С. 159. 384 с.

базой и рыночной конъюнктурой, стали повседневным фактом для фронта и особенно тыла»¹.

К сказанному можно добавить, что анализ публикаций периодической печати в значительной мере может расширить представления о проблемах снабжения, с которыми столкнулась страна в условиях начавшейся войны, детализировать особенности господствовавших общественных настроений в отношении этого не только экономического, но и политического вопроса.

С момента возникновения первых признаков роста цен внимание правительственных кругов и общества было обращено на проблему этого явления. Исходя из опыта прежних довоенных лет, причина была найдена быстро: во всем обвинялись торговцы, которые из-за стремления к наживе завышали цены на продукты. Ответом со стороны правительства явилась попытка вмешаться в рыночную стихию, но полученный результат принес только разочарование, а главное заключалось в том, что дороговизна, против которой такса выставлялась как самое действенное средство, никуда не исчезла².

В большинстве изданий, посвященных экономическому положению страны на начальном этапе войны, упоминается циркуляр Министерства внутренних дел об установлении таксированных цен на ряд продуктов питания. Он датируется уже 31 июля 1914 г. и в этот день (и даже накануне) городскими думами, губернаторами и смешанными комиссиями были определены твердые цены на продукты. Исходя из городского положения, выработка такс на продовольствие было предоставлено городским думам с последующим утверждением начальником губернии. После этого о них

¹ *Оськин М. В.* Хлеб для фронта: продовольственное и фуражное снабжение русской армии в период Первой мировой войны и революции (1914 – октябрь 1917). Тула: ООО Аквариус, 2018.

² Совет съездов представителей биржевой торговли и сельского хозяйства. Отчет Совета съездов о его деятельности за 1915 г. Пг., 1916. С. 234.

сообщалось в местных губернских ведомостях и со дня напечатания они считались вошедшими в законную силу¹.

Так, в Москве по городу и в пригородах, подчинённых московскому градоначальнику, обязательное постановление было принято еще 29 июля 1914 г., т.е. спустя 10 дней после объявления войны Германией, и оно опиралось на Высочайше утверждённое 14 августа 1881 г. «Положение о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия»². Принятый на тот момент более 30-ти лет назад, «документ регламентировал режим исключительного (чрезвычайного) положения и служил для ускоренного в случае необходимости его введения. Санкт-Петербург и Москва находились под его непрерывным действием вплоть до 1917 года»³.

Газета «День» отмечала, что в противодействии росту дороговизны «в большинстве случаев инициатива исходит от административных или военных властей, органы же местного самоуправления проявляют пока мало энергии»⁴. В обязательном постановлении московского градоначальника, относящемся к 1914 г., было сказано следующее: «Воспрещается впредь до особого объявления торговцам из торговых помещений и на рынках повышать цены на все вообще предметы продовольствия без исключения, а равно и на фураж, т.е. овёс, сено, солому и т.п. и на топливо, против справочных цен, издаваемых городской управой еженедельно и публикуемых в "Ведомостях Московского градоначальства"»⁵. Обязательные постановления к 1 августа 1914 г. были изданы в Вятке, Курске, Костроме, Витебске, Аккермане, Одессе⁶.

¹ Причины дороговизны // Новое время. 1916. № 14553. 10 сентября.

² ПСЗРИ. Собр. 3-е (1881). Т. 1. № 350. С. 261-266.

³ См. подробнее: *Алферова И. В., Блохин В. Ф.* «Пределы возможного»: практики административных взысканий в отношении российской периодической печати в начале XX века // Научный диалог. 2023. Т. 12. № 10. С. 254.

⁴ Борьба с дороговизной // День. 1914. № 205. 1 августа.

⁵ Русское слово. 1914. № 175. 31 июля.

⁶ Борьба с дороговизной // День. 1914. № 205. 1 августа.

Лица, которые оказывались виновными в неисполнении или нарушении этого обязательного постановления должны были подвергаться в административном порядке заключению в тюрьме или крепости на 3 месяца или аресту на тот же срок, или денежному штрафу до 3000 руб. В газете «Русское слово» были представлены «справочные цены», изданные Московской городской управой. Они касались зерна, круп, мяса, хлеба, макарон, свежей и солёной рыбы, грибов, сахара, кофе, чая, уксуса, растительного масла, лимонов, различных овощей и даже лаврового листа, а также свежей зелени¹.

Известный экономист Н. Д. Кондратьев в своей работе, впервые изданной в 1922 г., рассуждал о нормировании цен на примере регулирования хлебного рынка в период Первой мировой войны. По его мнению, оно проявлялось в двух основных формах: «во-первых, в форме воздействия на рыночное соотношение спроса-предложения <...> путем выбрасывания на рынок государственных или муниципальных запасов их, во-вторых, и главным образом, в форме установления указных цен взамен цен вольных»².

«Указные цены», по его определению, разделялись на твердые (предельные) цены и на таксы. Первые устанавливались в районах заготовки продуктов, вторые – в местах их реализации. «Таксы необходимо различать местные, когда они устанавливаются местной властью, и общеимперские, когда они устанавливаются центральной властью; по другому признаку, в зависимости от того, взамен каких вольных цен устанавливаются таксы, необходимо различать таксы оптовые и розничные»³. В одних губерниях таксировались только хлеб и мясо, в других – большинство предметов потребления. «Согласованности в розничных и оптовых ценах не было: подвергались таксировке цены то розничные, то оптовые»⁴.

¹ Русское слово. 1914. № 175. 31 июля.

² Кондратьев Н. Д. «Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции». М.: «Наука», 1991. С. 234.

³ Кондратьев Н. Д. Указ. соч. С. 234.

⁴ Шигалин Г. И. Указ. соч. С. 200.

Разъяснение относительно цен общеимперских можно извлечь из газетной статьи в «Русских ведомостях», написанной ученым-экономистом Л. Б. Кафенгаузом: «В крайнем случае, когда острый недостаток продуктов обнаруживается не только в отдельных центрах, но и во всей стране, необходима общеимперская нормировка или установление в той или иной форме правительственной или общественной монополии в связи с общеимперской карточной системой»¹. Такого рода вмешательства несли в себе потенциальную возможность удовлетворительного разрешения того или иного местного кризиса.

Постепенно сфера нормирования расширялась и «общеимперская нормировка» затронула, например, установление таксы на квартиры во всей империи. По этому поводу в течение двух дней, 13 и 17 октября 1915 г. в Главном управлении по делам местного хозяйства и промышленности проходило Особое совещание. На нем были рассмотрены обязательные постановления о квартирных ценах, изданные в различных губерниях. Оказалось, что меры, предпринятые на местах, далеко неполно разрешают квартирный вопрос. По сведениям газеты «День», например, в большинстве городов вовсе не были подчинены каким-либо нормам цены на номера в гостиницах и меблированных домах: «В результате огромная масса беженцев и учащихся подвергаются беспощадной эксплуатации»².

Обсуждалось три варианта решения проблемы: местной администрации должно быть дано для руководства определенное положение, проведенное законодательным путем; руководящее положение для губернаторов следует издать в инструкционном порядке Министерством внутренних дел, тогда оно будет отличаться большей гибкостью и приспособлено к местным условиям, по сравнению с общегосударственным законом; урегулирование квартирного вопроса должно быть предоставлено органам городского самоуправления.

¹ Кафенгауз Л. Нормировка потребления // Русские ведомости. 1915. № 273. 28 ноября.

² Совещание о квартирных таксах // День. 1915. № 283. 14 октября.

В итоге были приняты решения: 1) в основание предельных цен должны быть положены цены, державшиеся на 1 января 1915 года; 2) к предельным ценам могут устанавливаться надбавки, основанием для которых должно служить вздорожание топлива за время с 1 января 1915 года; 3) не могут служить основанием для надбавок: вздорожание услуг, увеличение налогов, размеры квартирной повинности, сокращение домостроительства и превышение спроса над предложением на квартиры¹.

В отношении цен на другие услуги и товары сложилась ситуация, при которой их дефицит был настолько велик, что урегулировать его без ограничения объемов потребления было просто невозможно. В таком положении в условиях войны оказалось большинство российских городов в деле снабжения их топливом (например, каменным углем). В этом случае вводилась так называемая «карточная система». На каждого жителя, члена семьи или в целом на квартиру устанавливалась минимальная норма потребления, на основе которой осуществлялась продажа по талонам, выдаваемым городской управой как из городских, так и из кооперативных и частных лавок².

В условиях войны общие принципы организации выработки такс на продовольствие подвергались конкретизации и корректировке и на них, как и на всю экономику в целом, влияла убыль рабочих, призванных по мобилизациям на военную службу, плохая работа железнодорожного транспорта, движение товарных цен, общие затруднения внутреннего товарооборота и кредита. Влияло на цены и закрытие для внешней экспортной и импортной торговли (например, на консервы, сгущенное молоко и др.) приграничных территорий, Балтийского и Черного морей. В течение всего военного периода иностранные товары ввозились, главным образом, через Архангельск и Владивосток: но так как пропускная способность железных дорог, соединявших эти открытые гавани с внутренними центрами страны,

¹ Совещание о квартирных таксах // День. 1915. № 287. 18 октября.

² Кафенгауз Л. Нормировка потребления // Русские ведомости. 1915. № 273. 28 ноября.

была весьма ограничена, то снабжение страны иностранными товарами резко сократилось¹. Практически почти с полным прекращением экспорта можно было ожидать переполнения внутреннего рынка продуктами сельского хозяйства, которые являлись основным предметом экспорта. (например, в Германию до войны отправлялись миллионы штук куриных яиц, а вообще общий объем вывоза продуктов питания в эту страну исчислялся суммой 275,3 млн руб., вывоз продовольствия во Францию в 1914 г. уменьшился на сумму в 211,927 млн франков)²

Действительно, эти процессы вызвали понижение цен на продовольствие, но подобное явление наблюдалось очень короткое время и в ограниченном числе производящих регионов, притом только для некоторых продуктов³. На большинстве территорий цены на продовольствие стали возрастать тотчас же после объявления войны, только в некоторых местах с конца 1914 г., причем с начала 1915 г. интенсивность возрастания цен с каждым месяцем увеличивалась.

В условиях войны снабжение населения отличалось неравномерностью и в том числе зависело от приближенности к фронту. Сложившаяся военно-окружная система предусматривала подчинение военному начальству больших территорий с целью бесперебойного снабжения армии. По сведениям, приведенным в газете «Новое время», в Петрограде распоряжением главного начальника Петроградского военного округа рассмотрение вопросов, связанных с установлением таксы на мясо, было возложено на Особый котировочный комитет, во главе с руководителем Военного ведомства. В его состав также входили представители администрации, городского общественного управления, мясной биржи. Установленная такса сообщалась градоначальнику для публикации к

¹ Кафенгауз Л. Б. Указ. соч. С. 172.

² Речь. 1915. № 64. 7 марта.

³ Гойхбарг А. Война и договоры поставки // Известия Центрального военно-промышленного комитета. 1916. № 117. 7 июля. С. 1.

всеобщему сведению¹. Таким образом, для всего округа, несмотря на экономические различия входящих в него территорий, были установлены одинаковые цены. А за введением такс в отдельных губерниях и уездах логически должны были последовать всероссийские².

В связи с трудностями продовольственного снабжения армии указом от 17 февраля 1915 г., принятым Советом министров и утвержденным императором, командующим военными округами было предоставлено право вводить запрещение на вывоз продовольственных продуктов из производящих районов, утверждать обязательные цены на эти продукты и производить реквизиции в случае отказа выполнять распоряжение³.

Совет съездов представителей биржевой торговли и сельского хозяйства 6 марта 1915 г. высказался за пересмотр этого закона. В специально подготовленной записке Совет указал, что предоставление права запрещать вывоз припасов из указанных властью районов уже получило распространение. Этим правом воспользовались командующие войсками ряда военных округов и, несмотря на то, что эти решения принимались с согласия губернаторов и местных уполномоченных районов, в торговый оборот данных территорий было внесено значительное расстройство⁴. В особо тяжёлом положении оказались владельцы продовольствия, имевшие на железнодорожных станциях грузы, которые были подготовлены к отправке ещё до запрещения вывоза продовольственных припасов. В большинстве случаев расчёты между сторонами по этим поставкам были уже закончены.

Московская газета «Русские ведомости» отмечала в своей публикации: «Очевидно, что начинается та путаница, которую и необходимо было ожидать. <...> Ведь для регулирования цен, для запрещения или разрешения вывоза

¹ Новое время. 1915. № 14027. 31 марта.

² Кузовков Д. Основные моменты распада и восстановление денежной системы. М: Издательство Коммунистической академии, 1925. С. 53.

³ Шигалин Г. Указ. соч. С. 200.

⁴ Совет съездов представителей биржевой торговли и сельского хозяйства. Отчет Совета съездов о его деятельности за 1915 г. Пг., 1916. С. 10.

товаров нужно точно знать их запасы с одной стороны, потребность в них для местных нужд, условия перевозки – с другой не только в своей местности, не только в соседних, но во всей стране»¹. Газета предсказывала, что более осторожные представители власти запретят вывоз из более урожайной, более обеспеченной запасами местности, а менее осторожные – разрешат вывезти последние ресурсы. В одних губерниях будут установлены одни цены, в соседних – «резко отличные и изобретательность торговца откроет для него пути для блестящей, невиданной ранее спекуляции»².

Действительно, результатом применения этого указа явилось расстройство торгового оборота не только в конкретной местности, но еще большее сокращение доставки продуктов из производящих в потребляющие районы для населения крупных городов. В первую очередь это касалось жителей обеих столиц, а также ряда губерний, не имевших в достаточном количестве собственных продовольственных припасов. Здесь цены повысились, усилилась спекуляция и в результате Министерство торговли и промышленности после обсуждения этих проблем с командующими войсками Московского, Казанского и Омского военных округов, достигло в середине апреля 1915 г. соглашение о сохранении ограничений вывоза только в отношении овса, ячменя и крупы³.

В данном случае участие Совета съездов представителей биржевой торговли и сельского хозяйства помогло на время и частично согласовать с военным ведомством вопросы снабжения продовольствием. Однако уже спустя месяц, 22 мая 1915 г., Советом была представлена в Министерство торговли и промышленности докладная записка по вопросу «о нормировке цен путем обязательных постановлений». В ней констатировалось нарушение в стране правильного течения экономической жизни и возникновение неблагоприятных явлений: «Например, сокращение или прекращение

¹ К вопросу о борьбе с дороговизной // Русские ведомости. 1915. № 54. 7 марта.

² Там же.

³ Совет съездов представителей биржевой торговли и сельского хозяйства... С. 10.

производства некоторых продуктов (масла в Сибири, муки в отдельных районах и т. д.), затруднение в перевозке грузов, недостаток рабочих рук, падение курса рубля и т. д.»¹ Нехватка работников вызвала во многих районах страны сокращение посевных площадей, но проблема заключалась не только в размерах собранного урожая. Отсутствие рабочих рук содействовало «повсеместному и всё растущему сокращению заготовок дров, торфа, добычи руд и каменного угля, которое в свою очередь неизбежно вызывает сокращение производства»².

В записке также отмечалось, что неожиданный рост цен вначале объяснялся, «главным образом, нездоровой спекуляцией торговцев», для борьбы с которой было использовано нормирование цен через обязательные постановления. «Опыт установления такс ясно показал, что главную причину дороговизны нужно искать гораздо глубже – в поколебленных основах торговой жизни страны»³.

Наглядный пример особенностей хозяйственной дезорганизации, на наш взгляд, содержится в публикации газеты «Биржевые ведомости» в статье под названием «Очередная задача»: «Если таксируют цены на хлеб, а цены на муку остаются не таксированными, то очевидно, что хлебопекарни могут быть при известном возвышении цен на муку лишены возможности выпекать хлеб. Установление таксы на муку также не может помочь горю, пока нет таксы на зерно и т. д. Когда такса на мясо в Петрограде оказалась не соответствующей ценам на мясо в Москве и стоимости живого скота на местах, скот перестали возить в Петроград. Таким образом, местная такса, не согласованная с общим состоянием рынка и производительных сил страны, только усиливает в конце концов хозяйственную неурядицу и неразбериху»⁴.

¹ Совет съездов представителей биржевой торговли и сельского хозяйства... С. 16.

² Кафенгауз Л. Нормировка потребления // Русские ведомости. 1915. № 273. 28 ноября.

³ Совет съездов представителей биржевой торговли и сельского хозяйства... С. 17.

⁴ Лукиан. Очередная задача // Биржевые ведомости. Утренний выпуск. 1915. № 14865. 26 мая.

На самом деле ситуация, приведенная «Биржевыми ведомостями» в отношении таксы на хлеб, была еще более сложной. Так, установленная 2 июля 1915 г. в Саратове такса на муку и хлеб встретила критику как со стороны пекарей, так и со стороны мукомолов. Пекари, заявляя о невозможности продавать хлеб по ней, на совещании 9 июля представили в городскую продовольственную комиссию расчет себестоимости хлеба, по которому выходило, что им совершенно невозможно продавать без убытка белый хлеб по 5,5 коп. за фунт. Список их расходов включал муку, дрожжи, сахар, работу пекаря и его подручных, дрова, освещение, содержание помещения, доставку. Таким образом, 1 фунт хлеба обходился в 5,9 коп., т.е. на 0,4 коп. дороже таксы. Однако это еще была не окончательная цена, поскольку также высказывали свои претензии мукомолы. Стоимость зерна оказалась в реальном отражении выше заявленной городской думой, а попытка ее снижения грозила уменьшением его подвоза в город, поскольку в другие места поставлять зерно было выгоднее¹. В результате председатель Саратовского биржевого комитета заявил, что первым условием для понижения цены на хлеб является отмена таксы, т.к. тогда будет устранено препятствие к поступлению зерна на местный рынок².

О последствиях нормирования цен в столице рассуждала в сентябре 1916 г. газета «Новое время». В публикации газеты отмечалось, что на момент введения в городе такс на продовольствие положение уезда и пригородов, а это около 800 тыс. человек, в сравнении с самим Петроградом, было «очень скверным». Торговцы не находили для себя выгодным отправлять продукты за черту города. Однако потом с каждым месяцем продовольствие столицы всё более и более ухудшалось, а продовольствие уезда улучшалось. Объяснение сводилось к следующему: «Хотя здесь были установлены таксы на все продукты, но фактически они не применялись, а со вчерашнего дня (с 9 сентября 1916 г. – Ж. С.) последовало и официальная отмена действий всех

¹ Известия Саратовской городской думы. 1915. № 4 июль-сентябрь. С. 67.

² Там же. С. 68.

такс (*кроме сахара и соли. – Ж. С.*)»¹. Таксы в уезде были заменены на так называемые «соразмеренные» цены, которые выводились после расчётов по закупке, перевозке и доставке товаров на место, т.е. они в гораздо большей степени отвечали реальному состоянию ценообразования.

Петроградская земская уездная управа являлась при этом единоличным распорядителем всех продуктов, поступавших в уезд, она сама закупала, и сама же распределяла все продукты. Товары, получаемые управой, размещались в девятнадцати уездных складах, находившихся в различных пунктах, а оттуда распределялись среди населения через местные сельскохозяйственные общества и кооперативы².

Оценивая эту ситуацию, следует отметить, что Петроградский уезд все же находился в более благоприятных условиях, по сравнению с многими другими российскими территориями. Приближенность к столице, более простой, по сравнению с ней, ассортимент продуктов и, вероятно, главное – хорошие коммуникации. Иначе обстояло дело с территориями, которые по разным причинам оказывались фактически изолированными из-за невозможности подвоза продуктов. Здесь спрос превышал предложение, что гарантировало стремительный и высокий уровень подъема цен на продукты потребления. В этом случае применение нормирования цен в качестве средства, ограничивавшего желание продавцов к получению как можно более высокой прибыли, являлось если ни необходимой, то по крайней мере полезной. Однако такса в такой ситуации являлась лишь одним, а не единственным способом борьбы с дороговизной. По мнению Съезда представителей биржевой торговли и сельского хозяйства, ограниченность снабжения рынка продовольствием являлось главнейшей причиной сильного поднятия цен, «поэтому самой радикальной мерой устранения дороговизны было бы обеспечение достаточным количеством продукта»³.

¹ Без таксы // Новое время. 1916. № 1453. 10 сентября.

² Там же.

³ Совет съездов представителей биржевой торговли и сельского хозяйства... С. 17-18.

Требование соблюдения большой осторожности при установлении такс, с необходимостью учета состояния условий рынка в местах их действия, очень часто не выдерживалось. Отсюда отмечались не те результаты, которые от них ожидалось. Так, с 15 июня 1916 г. из-за дефицита кожаной обуви «механического и ручного производства» в масштабе страны были введены предельные цены для ее розничной продажи. В газетах было опубликовано подробное описание мужской, женской и детской обуви с соответствующими расценками, а также указывалось, что продажи каких бы то ни было ее сортов, хотя бы не упомянутых в приведённой таблице, по ценам вышеозначенных не допускается. Предписывалось, чтобы «настоящая расценочная таблица должна быть вывешена на видном месте в каждом магазине, производящем торговлю обувью; лица, виновные в продаже какой бы то ни было обуви по ценам выше установленных, равно как и лица, вступившие в соглашения, направленные к обходу этого постановления, подвергались «в порядке статьи 6 закона 19 октября 1915 г. заключению в тюрьме на время не свыше одного года и четырёх месяцев»¹.

Спустя менее месяца после этого газета «Новое время» рассказывала о торговле обувью: «В одних магазинах стараются придерживаться министерской таксы, насколько это вообще допустимо для торговца, в других магазинах совершенно отказываются признавать таксу, в-третьих обувь совершенно исчезла из продажи. Одно из двух – или такса ставит торговца в невозможность торговать без убытка – тогда её не следовало издавать: или же торговцы упорствует из чисто грабительских соображений – тогда необходимо принять меры к тому, чтобы такса не била по обывателю»². О мерах карательного характера регулярно сообщалось на страницах газет.

Так, распоряжением петроградского градоначальника за продажу кожевенного товара по цене выше установленной таксы «три владельца лавок были подвергнуты штрафу по 300 руб., с заменой арестом на 2 месяца, аресту

¹ Новое время. 1916. № 14466. 15 июня.

² Новое время. 1916. № 14491. 10 июля.

при тюрьме на 3 месяца были подвергнуты: владелец сенной лавки за продажу овса по цене выше установленной таксы и владелец дровяного двора за продажу дров по цене выше таксы»¹. Московская газета «Утро России» сообщала о штрафе в размере 1500 руб. за отказ в продаже дров, наложенном на содержателя дровяного склада на Нижней Масловке². Трое «содержателей квартир» в Москве были подвергнуты штрафу каждый по 500 руб. «за повышение платы за сдаваемые в аренду комнаты»³.

«Маленькая газета» сообщала, что для «обуздания булочников» в Петрограде предложено издать обязательное постановление, воспрещающее им перепродавать муку и устанавливающее нормальный вес выпекаемых булок. «Уличённые в нарушении обязательного постановления будут подвергаться суровой каре, а рабочие булочных обязываются предупреждать хозяев о своём уходе за 7 дней»⁴.

Газета «Новое время» скептически оценивала кампанию газет, направленную на обличение спекулянтов, не видя в ней возможность кардинально изменить существовавшую ситуацию. Автор статьи в газете высказывал убеждение в том, что штрафами и арестами невозможно было запугать людей, слишком уж убеждённых «в правоте заповеди "не зевай"». «"Твёрдая власть" (на этот раз действительно твёрдая) то тут, то там извлекает на Божий свет дельцов, которые "не зевают", а печать оглашает имена этих "патриотов" самоновейшего типа – к полному удовлетворению, конечно, обывателей-потребителей. Достаточно ли только этого?», – задавал вопрос автор статьи⁵.

В газетах содержались также описания связанных с этим курьезных ситуаций. То же «Новое время», например, ссылаясь на «Пятигорское эхо» сообщило о том, что Владикавказской городской управой были установлены

¹ Новое время. 1915. № 14016. 19 марта.

² См.: За отказ продажи дров // Утро России. 1915. № 286. 18 октября.

³ См.: Утро России. 1915. № 286. 18 октября.

⁴ См.: Маленькая газета. 1915. № 287. 18 октября.

⁵ Спекулянты и обыватели // Новое время. 1915. № 14300. 31 декабря.

новые цены на предметы первой необходимости. В списке значились: соль столовая Бахмутская за пуд 80 коп., Петровская – 65 коп. Между тем на городском складе, принадлежавшем управе, соль продавалась по 1 руб. 20 коп. за пуд. «Спрашивается, как же должны относиться к таксе частные торговцы? Или, быть может, владикавказское городское самоуправление возбудит ходатайство об оштрафовании себя самого?»¹

События, о которых идет речь, относятся в данном случае к 1916 г., когда, казалось бы, уже должны были определены ошибки, допускавшиеся на начальном этапе введения регулирования цен. Однако непреложные законы рынка продолжали опровергать административные усилия чиновников на всех этапах войны и на территориях как приближенных к фронту, так и удаленных от него. Между тем, общие рекомендации к проблеме государственного регулирования цен уже были найдены: «Формы торгово-промышленной регламентации должны изменяться в зависимости от степени того недостатка, который страна или данная местность испытывает в известном продукте, не следует создавать излишних стеснений для частной торгово-промышленной деятельности. Степень вмешательства должна углубляться и усиливаться вместе с ростом интенсивности того недостатка, который обнаруживается в том или ином товаре»².

В июле 1916 г. газета «Известия Центрального военно-промышленного комитета» сообщила о том, что министр юстиции внес в Совет министров законопроект об уголовной ответственности торговцев и промышленников за повышение или понижение цен «на предметы продовольствия или необходимой потребности». В представленной по этому поводу записке между тем отмечалось, что «обследование торгово-промышленных предприятий представляет собой вторжение в сферу торгово-промышленной деятельности, могущее при недостаточно осмотрительном применении

¹ Город и такса // Новое время. 1916. № 14429. 9 мая.

² Кафенгауз Л. Нормировка потребления // Русские ведомости. 1915. № 273. 28 ноября.

неблагоприятно отразиться на последней»¹. В этой связи утверждалось, что «мера эта должна быть предпринимаема с совершенно исключительной осторожностью и лишь в случаях несомненной необходимости»², а поэтому «право производства обследований должно быть предоставлено исключительно министру торговли и промышленности (т.е. лицам им назначаемым. – Ж. С.)»³.

Свою роль в этом процессе играла и периодическая печать, которая занимала устойчивую позицию на желательность введения такс на заранее определенное, более продолжительное время в интересах населения. Примером может служить характерная статья «Такса на молоко» в «Новом времени». В ней говорилось об изменении цен на те или иные продукты в столице. При этом отмечалось, что «то яичники, то колбасники, то мясники требуют повышения таксы». Первые предложения последовали в мае 1916 г., в чём им было отказано, но только на месяц. «Теперь биржевой комитет яичной и масляной биржи написал прошение петроградскому градоначальнику, в коем отказывается от своего первого заключения и ходатайствует, согласно пожеланию молочной группы, об изменении таксы на стерилизованное молоко»⁴.

Комитет заявил, что самим производителям молоко обходится около 14 коп., следовательно, оптовые фирмы, развозившие молоко, не могли продавать его дешевле 16 коп. за бутылку. Наряду с этим биржевой комитет отмечал, что и розничные торговцы считают правильным установить розничные цены на стерилизованное молоко при продаже не ниже 19 коп. за бутылку, поскольку установленная прежними приказами разница между оптовой и розничной ценой в 2 коп. является ныне недостаточной; бой посуды

¹ Уголовная ответственность торговцев и промышленников за повышение цен // Известия центрального военно-промышленного комитета. 1916. № 117. 7 июля. С. 2.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Такса на молоко // Новое время. 1916. № 14477. 26 июня.

требует накинуть копейку¹. Газета высказывала надежду на то, что это «домогательство» не будет иметь успеха, но цены на продукты, за исключением зерна, продолжали расти быстрыми темпами и в 1914 г. они в целом выросли примерно на 27%, в 1915 г. – ещё на 20%, в 1916 г. цены поднялись на 94%, а в первой половине 1917 г. увеличились ещё на 125%.

Однако при установлении таксы в данном районе без учета действительной себестоимости продукта, власти сталкивались с неминуемым его дефицитом. Как уже отмечалось, не окупавшая поставки такса грозила уменьшением снабжения тем или иным продуктом. В устранении подобных отрицательных последствий были заинтересованы как производители, так и потребители продуктов. Поэтому в Петрограде вопросами установления такс в том числе занимались представители бирж, знавшие условия рынка и могущие, поэтому, устранить отрицательные последствия таксы. Однако большое количество сопровождавших рыночные отношения проблем делали эти усилия тщетными.

Формальный подход к решению этих вопросов оборачивался неожиданными результатами. Так, газета «Новое время» подробно рассказала о механизме действия нормирования цен в Орловской губернии. В июле 1916 г. Елецкая² городская дума определила изменение таксы на керосин и на разные сорта ржаного и пшеничного печёного хлеба. Журнал заседания был отправлен начальнику губернии, тот переслал его в губернское продовольственное совещание, которому были переданы все таксы. Его председателем был назначен уполномоченный Министерства землеустройства и земледелия по хлебным закупкам для армии, а членами совещания – представители практически всех существовавших в губернии административных и общественных организаций.

Однако на состоявшемся заседании, которое по статуту должно было быть многочленным, присутствовало всего три человека: орловский городской

¹ Такса на молоко // Новое время. 1916. № 14477. 26 июня.

² На тот момент Елецкий уезд входил в состав Орловской губернии.

голова, начальник отделения казённой палаты и представитель от биржевого комитета. «Формальность была выполнена, и все дела покончены в 5 минут, да иначе и быть не могло, ибо никто из нас не был в курсе рассматриваемого нами дела», – сообщил в газету «Новое время» один из участников собрания¹. Вероятно, результативность деятельности подобных собраний зависела не только от числа участников и это был еще не самый худший из вариантов утверждения таксы.

Так, Ливенская городская дума той же Орловской губернии просила о повышении таксы на подсолнечное масло с 20 до 30 коп. за фунт. Севская городская управа ходатайствовала о повышении таксы на ржаную муку с 1 руб. 60 коп. до 1 руб. 80 коп. за пуд. «Ходатайства были возбуждены полтора месяца тому назад. Масло успело с 20 шагнуть в Ливнах до 45 коп., мука в Севске с 1 руб. 60 коп. до 2 руб. 20 коп. за пуд, а своей инициативы собрание проявлять не могло»². Такого рода ситуации имели устойчивый характер, поскольку отмечались в обобщенной оценке проблем, связанных с введением такс на Съезде представителей биржевой торговли и сельского хозяйства: «Самая процедура установления такс должна быть упрощена в смысле сокращения времени, необходимого для их утверждения подлежащим начальством; в противном случае, может случиться, что утвержденная такса не будет соответствовать действительной конъюнктуре рынка»³.

Другое собрание в той же Орловской губернии было не в пример предыдущему многолюдным и проходило в зале губернского присутствия под председательством вице-губернатора. На него явились городские головы всех уездных городов губернии, а также представители местных административных учреждений и рассматривался вопрос о продовольственном положении губернии, о дороговизне и о борьбе с ней. В ходе обсуждения была нарисована удивительная картина.

¹ Причины дороговизны // Новое время. 1916. № 14553. 10 сентября.

² Там же.

³ Совет съездов представителей биржевой торговли и сельского хозяйства... С. 20.

Губерния по своему экономическому положению разделялась на две неравные половины. Западные уезды, в том числе и Брянский, – лесные и жили преимущественно на привозном хлебе, юго-восточные – чернозёмные уезды занимались выращиванием хлеба и продуктов его переработки. «Насколько серьёзна здесь хлебная промышленность, можно судить хотя бы потому, что Елецкий и Ливенский уезды только одному уполномоченному Министерства земледелия и землеустройства из прошлого урожая дали 4 млн пудов ржи и овса. Урожай и ныне не хуже прошлого года, между тем в губернии обнаружился недостаток хлеба в общем, а в западных уездах что-то похожее на голодовку»¹. Таксированные товары исчезали из района таксировки и появлялись в местах более высоких цен. При отсутствии единой системы их регулирования, при несогласованности действий властей система таксировки принесла лишь отрицательные результаты.

Происходило также постоянное территориальное перемещение продуктов при помощи железнодорожного и гужевого транспорта, что также сказывалось на политике цен. При установлении низкой таксы, не окупавшей доставки продукта на рынок, подвоз сокращался или вовсе прекращался. При установлении же слишком высоких цен на рынке потребления – немедленно повышалась цена на местах, из которых продукты доставлялись на этот рынок².

Поскольку важным фактором, влиявшим на снабжение крупных городов, являлись железнодорожные перевозки, то предпринимались попытки введения общественного контроля над вагонами, подлежащими к отправке, грузами, прибывавшими по железным дорогам. Преимущественное право определялось на перевозку грузов по распоряжению тех органов, которые ведали снабжением данного города или региона тем или иным продуктом³. Однако и эта практика не всегда приносила ожидаемые результаты.

¹ Причины дороговизны // Новое время. 1916. № 14553. 10 сентября.

² Совет съездов представителей биржевой торговли и сельского хозяйства... С. 19.

³ Кафенгауз Л. Нормировка потребления // Русские ведомости. 1915. № 273. 28 ноября.

Так, 9 апреля 1916 г. петроградский градоначальник генерал-майор А. Н. Оболенский опубликовал специальное письмо в столичных газетах. В нем он объяснял причину дефицита куриных яиц в первые дни Страстной недели. В периодической печати, по его словам, высказывались мнения о якобы преднамеренном сокрытии яичных грузов торговцами, а также о невыполнении самим Оболенским обязательств, а железная дорога будто бы приняла все меры к своевременному доставлению яиц в Петроград.

«На основании фактических данных я могу засвидетельствовать, что именно в тот период времени, когда было крайне необходимо усиленное поступление яичных грузов, в действительности таковых поступало ограниченное количество. Так: 31 марта – 2 вагона, 1 апреля – 9 вагонов, 2 апреля – 3 вагона, 3 апреля – 5 вагонов, 4 апреля – 21 вагон, 5 апреля – 15 вагонов. Вполне понятно, что в общей сложности это количество вагонов далеко не такое, чтобы за счёт его можно было бы создать насыщенность яичного рынка, в особенности, если принять во внимание, что за весь март месяц вместо 300 вагонов, как это установлено месячной нормой потребления для населения Петрограда, прибыл всего 101 вагон»¹.

Обращение градоначальника отчасти было связано с тем, что в Петрограде в 1915 г. уже возникала проблема при установлении таксы на куриное яйцо, не вполне соответствующей его рыночной цене, т.е. убыточной. Торговцы тогда возмещали свои финансовые потери ухудшением качества товара и куриные яйца второго и третьего сорта совершенно исчезли из продажи, а остался лишь один якобы первый сорт². «"Неправильная такса" на муку привела к тому, что к ней торговцы стали примешивать картофель. Другим нежелательным последствием неправильной таксировки тех или иных продуктов может быть полное прекращение какого-либо производства, ставшего убыточным. Подобное явление наблюдалось в Петрограде, когда произошла остановка работы мельниц, перемалывавших рожь. Тогда

¹ Новое время. 1916. № 14400. 9 апреля.

² Совет съездов представителей биржевой торговли и сельского хозяйства... С. 19.

установленная такой цена на ржаную муку не окупала расходов по перемолу зерна»¹.

Возвращаясь к проблеме работы железнодорожного транспорта, о которой сообщал в своей публикации в газете петроградский градоначальник, можно сослаться на авторитет бывшего помощника управляющего делами Совета министров А. Яхонтова: «По установленному на случай войны расписанию, армии отдавалось определённое количество паровозов, вагонов и кондукторских бригад. Это расписание должно было поддерживаться посредством регулярного обмена. Однако в военной обстановке такой обмен точно не соблюдался и множество поездов задерживалось на фронте сверх срока для дополнительных войсковых перемещений, для раненых, под снарядами и снаряжением и т.д. В свою очередь, это обстоятельство не могло не спутывать все расчёты и не создавать подчас неодолимых осложнений не только в тыловых, но и в фронтовых сообщениях»².

Например, при вывозе грузов, застрявших в Архангельском порту, оставался единственный способ – гужевые перевозки. Однако «такса, установленная местными извозопромышленниками: 2 руб. 50 коп. с пуда до Вологды, при оплате прокорма на обратном пути, и 3 руб. 50 коп. до Петрограда, с условием предоставить груз и на обратный путь для доставки в Архангельск»³, не способствовала снижению цен. Возложить на поставщика продуктов обязанность приобрести товары по повышенной цене, а продать дешевле его закупочной стоимости являлось сложным делом. Пока рыночная цена существует, нельзя говорить о закрытии рынка для данного товара.

Газеты утверждали, что наряду с мобилизацией промышленности для усиления средств обороны нужна мобилизация муниципальных сил для

¹ Совет съездов представителей биржевой торговли и сельского хозяйства... С. 19.

² *Яхонтов Арк.* Первый год войны (июль 1914 – июль 1915 г.). Записи, заметки, материалы и воспоминания бывшего помощника управляющего делами Совета министров. Водная статья и комментарии Р. Ш. Ганелина и М. Ф. Флоринского // Русское прошлое. Историко-документальный альманах. Книга 7. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 1996. С. 276.

³ Архангельский порт и Северная Двина // Новое время. 1914. № 13913. 4 декабря.

организации тыла, для укрепления всей страны. «Далее действовать вразброд совершенно невозможно»¹. Действительно, в сложившихся условиях относительно лучшим результатом решения проблемы снабжения являлась организация закупок городскими самоуправлениями. Однако на этом пути также присутствовало множество неблагоприятных условий, среди которых на первом месте стояла ограниченность бюджетов городов. Большинство городских самоуправлений не имело свободных средств для муниципальных закупок. Однако городская торговля все же получила довольно широкое распространение. Города начали торговать хлебом, мясом, дровами и каменному углём, сахаром. По сведениям периодической печати, к концу сентября 1915 г. городская торговля была открыта приблизительно в 80 городах Российской империи².

Газета «Русское слово» 1 июля 1915 г. сообщила о том, что министр торговли и промышленности князь В. Н. Шаховской вышел в Совет министров с предложением о необходимости утверждения выработанного Главным продовольственным комитетом порядка выдачи ссуд городам на производственные мероприятия. Были установлены следующие правила: 1) ссуды выдаются городским управлениям в течение времени военных действий для закупки следующих предметов широкой необходимости: зерно, мука, отруби, мясо, скот, масло, соль, сахар, чай, рыба, керосин, топливо; 2) выданные в виде ссуды суммы и вырученные от операции за счёт деньги хранятся, в виде общего правила, в конторах или отделениях государственного банка или в казначействе; 3) за пользование ссудой начисляется 6% годовых. Срок возврата ссуды предполагался не более полугода после окончания войны, то есть после высочайшего повеления о демобилизации³.

¹ Лукиан. Очередная задача // Биржевые ведомости. Утренний выпуск. 1915. № 14865. 26 мая.

² Известия Саратовской городской думы. 1915. № 4. июль-сентябрь. С. 80.

³ Продовольственные ссуды городам // Русское слово. 1915 № 150. 1 июля.

Совет министров обсудил эти правила 13 октября 1915 г. и посчитал «справедливым понизить установленный в проекте для тех же ссуд процент с шести до пяти годовых»¹. После этого 16 и 18 ноября 1915 г. состоялось обсуждение проекта в особых совещаниях по продовольствию и топливу. Комиссия при Особом совещании по продовольственному делу признала, что выдача ссуд городам на покупку предметов первой необходимости во избежание чрезмерного отягощения государственного казначейства должна осуществляться частными банками, а правительство будет принимать на себя гарантию по этим ссудам². Наконец, министр юстиции только уже 5 декабря 1915 г. предложил Правительствующему сенату для публикации правила о предоставлении гарантии Государственного казначейства по городским и земским займам³.

Представители Петроградского городского управления констатировали, что «городу иногда приходится закупать продукты для перепродажи населению при условиях, на которые не пойдет ни один торговец»⁴. Городские закупочные операции ставили своей целью не получение прибыли, а борьбу с дороговизной путем снабжения населения предметами массового питания, поэтому при покупке по высокой цене и продаже по низкой существовал постоянный риск убытков, который никем не компенсировался.

Таким образом, проблема дороговизны, а вслед за ней и повсеместное установление такс на различные товары вызвала большой отклик на страницах центральной и провинциальной печати, которая выходила в своих рассуждениях за пределы местных вопросов.

¹ Особые журналы Совета министров Российской империи, 1909 – 1917 гг. 1915 год. / Отв. сост. Б. Д. Гальперина. М.: РОССПЭН, 2008. С. 438.

² Известия Саратовской городской думы. 1915. № 4 июль-сентябрь. С. 81.

³ Об утверждении правил предоставления гарантии Государственного Казначейства по городским земским займам в частных кредитных учреждениях для операций по снабжению населения продовольствием и топливом и выдачи городам и земствам ссуд из казны на тот же предмет // Собрание узаконений и распоряжений Правительства, издаваемое при Правительствующем Сенате. Отдел Первый. 22 декабря 1915. № 367. Ст. 2755.

⁴ Кузовков Д. Указ соч. С. 58.

На начальном этапе войны речь главным образом шла об обличении многочисленных случаев спекуляции, принявшей внушительные размеры и проявлявшейся в сохранении запасов товаров, в искусственном ограничении поступления их на рынок с целью поддержания впечатления об их остром дефиците. Страницы газет пестрели такого рода фактами, постепенно создавая полную противоречий картину между громадными возможностями, которыми обладала страна и безрадостной действительностью.

Циркуляр министра внутренних дел в конце июля 1914 г. предписывал губернаторам воспользоваться изданием обязательных постановлений, регулировавших цены на предметы первой необходимости. В результате введение такс было представлено в виде могущественного средства борьбы с повышением цен. Уступая требованиям администрации, города устанавливали таксы даже в тех случаях, когда сами отчетливо представляли их бесперспективность в борьбе с дороговизной. Многочисленные таксы, введенные отдельными городами, вскоре стали сливаться в губернские, затем – в общероссийские, получившие название «твердых цен». «Первой ласточкой была твердая цена на сахар»¹, о проблемах с которым будет сказано в следующей главе диссертации.

Не располагая объективными данными о наличии продуктовых и товарных запасов, размерах потребления, администрации различных уровней при установлении такс ориентировались главным образом на данные, предоставленные самими торговцами. Самостоятельность принятых решений по отдельным городам и регионам, отсутствие согласованности между территориями даже одной губернии приводило к тому, что таксы неизбежно вносили диспропорцию в торговый оборот. Эти различия в обязательных ценах отрицательным образом отражались на снабжении городов, так как товары направлялись туда, где таксы были выше. Все эти экономические

¹ Кузовков Д. Указ соч. 62.

особенности военных условий явились предметом обсуждения на страницах газет.

Несмотря на учреждение 17 августа 1915 г. «Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по продовольственному делу», осуществить общее руководство процессом заготовки, хранения, перевозки и распределения продовольствия, регулированием цен на него, организацией местных органов по продовольствию и контролем за их деятельностью было очень сложно. Этими вопросами занимались земства, городские самоуправления, губернаторы, губернские уполномоченные, интендантство, Министерство внутренних дел, Министерство земледелия, Министерство торговли и промышленности, а также Ставка верховного главнокомандующего. Периодическая печать в данном случае выступала своеобразным координатором этого процесса.

Во многом стихийный, несмотря на создание специальных государственных структур для борьбы с дороговизной, процесс борьбы против роста цен в печати ставил один за другим вопросы о реорганизации самой системы управления в стране. «Экономика повелительно заставила подумать о *политике* и никогда до сих пор политическая экономия страны не сталкивалась так с чистой политикой. Старые формы государственной жизни, старые навыки государственного режима, все его тайные силы столкнулись с новыми требованиями и запросами государства»¹.

¹ Шингарев. А. Финансы, экономика и политика // Речь. 1917. № 3743. 1 января.

2.3. Государственный бюджет в годы войны в оценках периодических изданий

В предыдущей главе исследования отмечалось, что периодическая печать с началом войны в целом положительно оценивала мероприятия правительства, его готовность взять на себя полный контроль за обеспечением устойчивости российской экономики и финансовой сферы в новых военных условиях. Однако к концу первого года войны оценки относительно их состояния и возможностей адаптации к вызовам военного времени, которые появлялись на страницах печати, становились все более сдержанными.

Газета «Современное слово» утверждала, что «назрела необходимость заменить старую и устаревшую российскую налоговую систему и меры должны иметь наклон в сторону прогрессивно-подходящего налога»¹. «При наблюдающемся в последнее время интенсивном вздорожании товаров, какую бы долю влияния ни приписывать злоупотреблениям со стороны торговцев и новым налогам, особенно желательно воздержание новых выпусков кредитных билетов в настоящий момент»², – высказывало свое мнение газета «День». «Современное слово» разделяло эту позицию: «Выпуск излишнего количества бумажных денег удорожает продукты и является, таким образом, скрытым налогом на потребление»³.

На трёхдневном заседании съезда финансистов в ходе подведения итогов финансовой деятельности за прошедший 1914 г. и за первый этап начавшейся войны был сделан вовсе неутешительный вывод: «...система российских налогов до крайности устарела, до невозможности малоэластична, чрезвычайно неравномерна и не отвечает элементарным требованиям справедливости»⁴.

¹ Экономическая жизнь // Современное слово. 1915. № 2503. 1 января.

² Загорский О. Финансовые итоги и перспективы // День. 1915. № 3. 4 января.

³ Современное слово. 1915. № 2515. 14 января.

⁴ Кольцов Н. П. Финансовая реформа и общество имени А. И. Чупрова // Утро России. 1914. № 327. 31 декабря.

Тем не менее в объяснительной записке министра финансов П. Л. Барка «Народное хозяйство во время войны», которая сопровождала проект государственного бюджета на 1915 г., и которая была размещена на страницах петроградских и московских газет в конце декабря 1914 г., излагались по большей части положительные оценки состояния экономики и финансов за первые пять месяцев военных действий и давались оптимистические прогнозы на ее последующие развитие.

Так, согласно записке министра, «железодельная промышленность» страны испытала незначительные трудности из-за прекращения деятельности заводов в губерниях Царства Польского, а также в результате призыва рабочих на военную службу на юге России. Возросшая потребность в угле на железной дороге, сообщалось в ней, создала «затруднение в снабжении доменных заводов коксом, отчего ряд южнорусских доменных печей пришлось временно потушить»¹. В документе утверждалось, что сложившаяся ситуация не вызвала в металлургии серьёзных потрясений и «едва ли может угрожать недостатком железа в России, так как *потребление металла сократилось (курсив мой. – Ж. С.)*»². В отношении других металлов: меди, цинка, никеля, олова и свинца, было заявлено довольно неопределенно: «По-видимому, доставку этих металлов через Архангельск с целью облегчения ввоза их из-за границы значительно понизил тариф на перевозку их из Владивостока»³.

Однако известно, что с началом войны во всех воевавших европейских странах произошел спад производства в металлургической промышленности, в частности – в черной металлургии, которая являлась базовой для развития военной индустрии. Основная причина спада заключалась в уменьшении добычи железной руды, а также в возникших проблемах по доставке на металлургические заводы необходимого минерального топлива. Кроме этого, с прошедшими мобилизациями, которые коснулись и рабочих

¹ Народное хозяйство во время войны // Русские ведомости. 1914. № 300. 31 декабря.

² Там же.

³ Там же.

металлургических предприятий, не имевших на начальном этапе войны отсрочки от призыва, произошло снижение квалификации работавших, что сказалось на производительности труда. Усугубляло проблемы в российской металлургии и то, что Царство Польское, цинковая промышленность которого давала 74% производства по стране, и Кавказ (1/3 производства меди) оказались в зоне военных действий. Поставки союзников из порта Архангельска и с Дальнего Востока сопровождались значительными транспортными трудностями.

Вышеперечисленные факторы, а также недостатки в стратегическом военном планировании привели к известному факту: «Уже в ноябре 1914 г. в результате нескольких крупных сражений русская армия полностью израсходовала свои мобилизационные запасы – 5,6 млн снарядов»¹. Начался систематический «снарядный голод», который проявлялся на протяжении всего 1915 г.

Тем не менее, в записке П. Л. Барка оценки в отношении промышленного производства в целом были положительны, что объяснялось им и своевременной заменой мужских рук на производствах женскими и ростом производительности труда рабочих, которое произошло благодаря прекращению продажи спиртных напитков. «С утвердившейся в народе трезвостью прогул рабочих сильно сократился, а продуктивность их работы сильно увеличилась, – в некоторых отраслях труда до 30 и даже до 50%», – приводил данные министр финансов².

В вопросах сельскохозяйственного производства министром также усматривались главным образом положительные тенденции. Обширная закупка хлеба, которая была предпринята военным ведомством, оказала, по оценке Министерства финансов, существенную услугу внутреннему хлебному рынку. Негативное влияние войны на производство сахара сказалось только в

¹ Сидоров А. Л. Экономическое положение России в годы Первой мировой войны. М., 1973. С. 20.

² Народное хозяйство во время войны // Русские ведомости. 1914. № 300. 31 декабря.

Привислинском крае. Прекращение экспортной торговли создала для русских льноводов сложности в продаже излишков льна и льняных семян. Однако цены на лён уже стали повышаться «под влиянием обилия свободных денег в стране», а также потому, что сокращение производства хлопчатобумажных тканей и их удорожание «за ограниченной наличностью хлопка», естественно, должно было вызвать увеличение производства льняных изделий. При этом присутствовавшая в записке некоторая озабоченность в связи с «ограниченной наличностью хлопка» была снята утверждением: «Недостатка хлопка нельзя ждать отчасти благодаря хорошему урожаю хлопка в Средней Азии, а отчасти в виду возможного подвоза тем или иным путём иностранного хлопка»¹.

В отношении кожевенной промышленности в записке присутствовала лишь одна фраза: «На кожевенной промышленности влияние войны отразилось незначительно»². Между тем, в течение 1915 г. цены на кожу в пределах, например, Минского военного округа выросли с 25-30 руб. за пуд до 150 руб., т. е. в 5-6 раз. «Примечательно, что рост цен нельзя объяснить близостью этой территории к районам военных действий, – отмечается в одном из современных исследований, – поскольку в той же Москве, которая упоминалась в качестве одного из крупнейших центров производства кожи, пуд её в розничной продаже стоил 120-130 руб.»³

В записке министра финансов совершенно справедливо указывалось, что начало военных действий является серьезным испытанием для устойчивости денежного рынка. Россия, с его слов, «выдержала это испытание успешно: внезапно наступившие чрезвычайные события были встречены довольно спокойно, спрос на деньги нашел быстрое удовлетворение, и уже через несколько недель после начала войны экономические обороты страны

¹ Народное хозяйство во время войны // Русские ведомости. 1914. № 300. 31 декабря.

² Там же.

³ Блохин В. Ф. «Мануфактурная свистопляска»: проблемы снабжения армии и населения обувью в Минском военном округе периода Первой мировой войны // Россия в эпоху политических и культурных трансформаций. Сб. научных статей. Выпуск 3. Брянск: Издательство «Курсив», 2017. С. 83.

начали вновь налаживаться»¹. В подтверждение приводились следующие цифры: в сберегательных кассах с начала войны прирост достигал 45 млн руб., а за 11 месяцев, с 1-го января 1914 г., – 84 млн руб.

Свидетельствовали о «непоколебимости» российского денежного обращения и следующие цифры, присутствовавшие в записке: выпуск кредитных билетов к 1 декабря (за исключением билетов, находившихся в кассах банков) составил 2.846 млн руб., золотое же обеспечение этих билетов – 1.768 млн руб. (с учетом золота, размещенного за границей) или 62%; по вексельному портфелю и краткосрочным коммерческим кредитам – 1.162 млн руб., т. е. на 41% произведенного выпуска кредитов².

«Обыкновенные доходы» в публикуемом проекте росписи государственного бюджета на 1915 г. в сравнении с доходами в 1914 г. представлялись в следующем виде:

- прямые налоги должны были обеспечить поступление в бюджет 342.465 млн руб. по сравнению с 276.007 млн в 1914 г., то есть прирост составил 24,1%;

- косвенные налоги соответственно давали 694.184 млн руб. в 1915 г. по сравнению с 731.442 млн руб. в 1914 г. (– 5,1%);

- пошлины: 508.913 млн руб. в 1915 г. по сравнению с 237.937 млн руб. в 1914 г. (+ 113,9%);

- правительственные регалии*, в состав которых входила и винная монополия: 324.172 млн руб. в 1915 г. по сравнению с 1.070.223 млн руб. в 1914 г. (– 69,7%);

- казённое имущество и капиталы: 1.068.236 млн руб. в 1915 г. по сравнению с 1.119.890 в 1914 г. (– 4,6%);

¹ Народное хозяйство во время войны // Русские ведомости. 1914. № 300. 31 декабря.

² Там же.

* Правительственные регалии – исключительные права государства на определённые виды деятельности или ресурсы, которые используются как источник доходов казны.

– отчуждение государственных имуществ: 1.827 млн руб. в 1915 г. по сравнению с 1.925 млн руб. в 1914 г. (– 5,1%);

– выкупные платежи: 1.865 млн руб. в 1915 г. по сравнению с 945 млн руб. в 1914 г. (+ 97,4%);

– возмещение расходов государственного казначейства: 123.33 млн руб. в 1915 г. по сравнению с 118.449 млн руб. в 1914 г. (+ 4,1%);

– доходы разного рода: 15.113 млн руб. на 1915 г. по сравнению с 15.351 млн руб. в 1914 г. (– 1,6%).

Всего на 1914 г. планировался доход 3.572,169 млн руб. а на 1915 г. – 3.080,108 млн руб., т. е. на 13,8% меньше¹.

Из-за сокращения операций, связанных с введением ограничений по продаже алкогольных напитков, а также за счет увеличения налогов, в проекте на 1915 г. изменилось относительное значение разных видов доходных поступлений, а также их процентное соотношение.

Так, по косвенным налогам доходность увеличилась с 20,5% до 22,6% (то есть на 10,2%), по пошлинам с 6,7% до 16,5% (на 146,3%) и по прямым налогам с 7,7% до 11,1% (на 44,2%). Таким образом, государственные налоги – прямые, косвенные и пошлины, составляя по бюджету 1914 г. 1.245,4 млн руб. (34,9% бюджета), по проекту росписи на 1915 г. составили 1.545,6 млн руб. (50,2% бюджета)².

Государственные контролёр П. А. Харитонов, который выступил 12 января 1915 г в бюджетной комиссии в Государственной Думе на первом заседании по рассмотрению бюджета, также представил картину относительного улучшения благосостояния Российской империи с началом войны. Он заявил, «что экономическое положение страны испытало некоторое потрясение, но, во всяком случае, сильного ущерба население не понесло, что

¹ Проект государственной росписи доходов и расходов на 1915 год с объяснительной запиской министра финансов. Пг., 1914. С. 34-36.

² Там же.

объясняется все тем же уничтожением казенной винной монополии»¹. В доказательство он представил цифры, демонстрировавшие увеличение сумм вкладов населения в государственные кассы. Так, в декабре 1913 г. они насчитывали 700 тыс. руб., а в декабре 1914 г. – 29.100,000 руб.

Частные совещания находившихся в Петрограде членов бюджетной комиссии Государственной Думы начались уже в начале января 1915 г. На них было решено закончить рассмотрение бюджета к 1 февраля, и начать его обсуждение не с расходной части, как это обыкновенно делалось, а с доходной, так как члены комиссии посчитали наиболее важным изыскание дополнительных средств для дальнейшего продолжения военных действий.

При этом тональность проходивших обсуждений видоизменилась, что отразилось уже в стенах Думы в выступлениях депутатов, непосредственно в рамках заседания комиссии. Государственная Дума в лице бюджетной комиссии по-прежнему выказывала полную поддержку российскому правительству. Так, в своем выступлении член бюджетной комиссии И. В. Титов отметил, что «важнейшая задача момента – поддержание моральной и экономической стойкости страны»². В то же время он добавил, что «в сфере политической необходимо воздержаться от всяких новых мер, которые могут раздражать какую-либо часть населения, если это не требуется стратегическими соображениями, и, по возможности, смягчать острые углы правительственной политики»³.

Депутат А. И. Шингарев, который также являлся членом бюджетной комиссии Думы, в своем выступлении уже представил детальную критику деятельности российского правительства в финансовой сфере, в том числе и относительно составления государственной росписи. «Цифры доходов, внесенные в роспись, крайне гадательны», – заявил А. И. Шингарев. Он по-прежнему настаивал на необходимости введения подоходного налога, без

¹ Общие прения по бюджету // Биржевые ведомости. 1915. № 14608. 13 января.

² Там же.

³ Там же.

которого «не могут быть справедливо осуществлены налоги военный и поимущественный»¹. Критика не была надуманной, Россия на тот момент являлась единственной из всех крупных государств, принимавших участие в мировой войне, где так и не был введен подоходный налог. Подоходный налог являлся не просто естественным дополнением в податной системе, он обеспечивал более пропорциональное распределение налогового бремени в зависимости от состоятельности населения. Кроме того, его введение отчасти ослабляло бремя косвенных налогов, особенно накладных для менее состоятельных плательщиков. Не случайно этот налог чаще всего вводился во время тяжёлых финансовых кризисов².

В своем выступлении А. И. Шингарев также указывал на ошибки в реализации финансовых мероприятий, которые были проведены без обсуждения в законодательных органах, например, в увеличении тарифа на грузоперевозки.

Действительно, проблемы с взиманием вновь введенных или увеличенных тарифов и налогов на пассажирские и грузовые перевозки, неоднократно становились предметом обсуждения на страницах периодической печати. Временный налог с проезжающих по железным дорогам пассажиров всех четырёх классов, а также с багажа и груза был подкреплён положениями Совета министров от 27 сентября и 3 ноября 1914 г. и введён после высочайшего утверждения с ноября 1914 г.

На основании правил взимания этого налога железные дороги обязаны были его вносить в доход казны не позже конца второго после отчётного месяца, поэтому в 1915 г. должны были поступить суммы налога за ноябрь-декабрь 1914 г. и за 10 месяцев 1915 г. На основании сделанных расчётов по пассажирскому движению за ноябрь-декабрь 1914 г. должно было поступить 9,5 млн руб. и за январь-июнь 1915 г. – 30,2 млн руб., а по грузовому движению

¹ Общие прения по бюджету // Биржевые ведомости. 1915. № 14608. 13 января.

² Покровский Н. Н. О подоходном налоге. Пг., 1915. С. 132-133.

за эти периоды соответственно в 1914 г. – 40 млн руб. и за январь-июнь 1915 г. – 126 млн руб.¹

Между тем уже с самого начала вытеснения коммерческих перевозок бесплатными, военными, налоговые поступления от железных дорог стали снижаться. Возникла опасность, что военная необходимость в совокупности с «новым налогом» вытеснит коммерческие грузы на гужевые тракты, что уменьшит мобильность передвижения товаров и затронет интересы различных слоев населения².

Сложности отмечались и с реализацией налога на военные нужды с пассажиров железных дорог, который был введен в размере 25% с проездной платы с 26 ноября 1914 г. Газета «Вечернее время» отмечала странный вариант взыскания этого налога: пассажиры, которые приобрели годовой билет (например, с 25 ноября) от него полностью освобождались, а те, кто купил такие же проездные билеты в рассрочку, должны были уплатить дополнительные 25%. Таким образом, «состоятельные освобождались от налогов, а беднота должна платить»³.

Газета считала, что правильнее было бы и с пассажиров, внесших полную плату, взыскать дополнительно налог, исчислив его с 26 ноября по день окончания абонементов. Еще одной проблемой выступало освобождение от налога лиц, которые пользовались бесплатными проездными билетами: «...пользующихся этими билетами на всех дорогах». Их было такое количество, что сумма налога с них могла достичь весьма крупных цифр⁴. Помимо всего, налоги были введены в виде исключения только на один год, хотя было очевидным, что в следующем году отказаться от этих доходов будет невозможно.

¹ Проект государственной росписи доходов и расходов на 1915 год с объяснительной запиской министра финансов. Пг., 1914. С. 65.

² Вечернее время. 1915. № 997. 13 января.

³ Недочёты военного налога // Вечернее время. 1915. № 987. 3 января.

⁴ Там же.

Возвращаясь к заседанию бюджетной комиссии, необходимо отметить, что, критика ее членов была направлена и на чрезмерный выпуск бумажных денег, поскольку «в будущем может произойти большой вред, так как бумажные деньги могут обесцениться и продукты удорожатся»¹. Критиковалась и тенденция сокращения расходов на культурные потребности при увеличении расходов на административные нужды, заявлялось о необходимости пересмотра грузового налога. Поднимался вопрос и о приобретении дома для председателя Совета министров за 860 тыс. руб., а также о 36 тыс. руб., запланированных в бюджете на его годовое обслуживание и пр.²

Профессор А. С. Посников, подчеркивал при этом, что «критика финансовых мероприятий правительства, против которых некоторые возражают, полезна. Критикуя, мы вовсе не умаляем мощи России, но лишь даём возможность составить себе ясное представление о том, как получился дефицит в 150 млн руб. (*разница между доходами и расходами в проекте бюджета. – Ж. С.*)»³.

Более определенно высказался в своей речи член бюджетной комиссии, трудовик А. Ф. Керенский, указав, что весь бюджет построен на усилении косвенного обложения. Падение покупательной цены рубля всей тяжестью падает также на неимущие классы. И вы, господа, – патетически восклицал он, – должны подумать, прежде чем присоединиться к таким взглядам правительства»⁴.

Сам министр финансов, оценивая настроения, царившие на заседании уже непосредственно Государственной Думы, созванной с целью утверждения государственного бюджета, пришел к следующему заключению: «...когда Государственная дума была созвана в начале 1915 г. для утверждения

¹ Общие прения по бюджету // Биржевые ведомости. 1915. № 14608. 13 января.

² В Таврическом дворце. Бюджетная комиссия // Новое время. 1915. № 13954. 16 января.

³ Общие прения по бюджету // Биржевые ведомости. Утренний выпуск. 1915. № 14610. 14 января.

⁴ Там же.

бюджета, стал опять обозначаться пустивший глубокие корни в русскую жизнь антагонизм между правительством и так называемой общественностью, то есть главным образом интеллигенцией, к коей принадлежало большинство членов Государственной Думы»¹.

Однако, например, по мнению газеты «Современное слово»: «Общие прения по бюджету носят характер общих принципиальных выступлений, в которых находят себе выражение настроения и чаяния различных слоёв и классов русского народа»². В газетах содержался ответ и на вопрос о причинах возникновения дефицита бюджета: «Он образовался лишь вследствие того, что до сих пор остаются совершенно не затронутыми те источники, которых было бы совершенно достаточно, чтобы покрыть все наши расходы»³.

Вслед за высказанным с трибуны бюджетной комиссии предложением на страницах печати стал активно обсуждаться вопрос о необходимости заключения внешнего займа. «Не следует упускать из виду, что теперь самый благоприятный момент для заключения внешнего займа, ибо в стране наблюдается избыток средств и вклады в банках и сберегательных кассах неудержимо растут. Заем этот послужил бы и к поддержанию валюты, и к уменьшению всегда представляющего опасность количества бумажных денег»⁴, – цитировала выступление депутата газета «Вечернее время». «Современное слово» также высказывало свое мнение на этот счет: «Внешний заем нам нужен для поддержания валюты и уменьшения количества бумажных денег, <...> внешний заем нужен также для урегулирования валюты, дабы не возродилась опасная игра на рубль»⁵.

На наш взгляд, характеристика обсуждения бюджета в стенах Государственного совета, данная «Новым временем», вполне соответствует духу прений в обоих законодательных учреждениях на тот момент: «Война и

¹ Барк П. Л. Указ. соч. С.432.

² Современное слово. 1915. № 2515. 14 января.

³ Вечернее время. 1915. № 997. 13 января.

⁴ Там же.

⁵ Современное слово. 1915. № 2515. 14 января.

отношения к враждебным державам полностью поглотили другие интересы. Все пожелания и речи имели целью наметить те пути, по которым должна идти обновленная после войны Россия, те меры, которые освободят Россию от экономического гнета внутренних и внешних германцев»¹. «Новое время» выражало надежду, что «исполнение первой трезвой росписи по доходному бюджету превзойдет ожидания»².

Показательна в этом смысле и заключительная речь А. И. Шингарева, произнесенная им от фракции кадетов при закрытии Государственной Думы 29 января 1915 г.: «В настоящий момент наш долг повелевает нам, не взирая на политические и технические особенности бюджета 1915 года, дать в руки государственной власти все средства, необходимые ей для успешного окончания великого национального дела. Фракция народной свободы голосует за бюджет»³. При этом речь сопровождали оглушительные аплодисменты слева, в центре и с правой стороны зала заседания Таврического дворца.

Проблема новых источников дохода с новой силой обозначилась летом 1915 г. Если военные расходы в 1914 г. составили в среднем 10 млн руб. ежедневно, то в 1915 г. к середине июля он достигал 15,7 млн^{*4}. Более того, опубликованные на 1 апреля данные по первым кассовым сведениям за 1915 г. показали, что ожидания Министерства финансов пополнить бюджет за счет новых налогов не оправдались. За первые три месяца 1915 г. доходов, учитывая 79 млн руб. добавившихся от введенных новых налогов и повышения существующих, поступило меньше по сравнению с предшествующим годом на 31%⁵. «Доходы с папиросных гильз и бумаги и сахарный доход хотя и дали незначительное увеличение по сравнению с

¹ В Государственном Совете // Новое время. 1915. № 13966. 28 января.

² Бюджет 1915 г. // Новое время. 1915. № 13968. 30 января.

³ В Государственной Думе. Обсуждение бюджета // Новое время. 1915. № 13967. 29 января.

^{*} В 1916 г. расходы на военные нужды составили до 50 млн, в первую половину 1917 г. – 66,6 млн руб. ежедневно.

⁴ Шаров П. Влияние экономики на исход мировой войны. 1914 – 1918. М.; Л.: Государственное издательство, отдел военной литературы, 1928. С. 32.

⁵ Русские ведомости. 1915. № 166. 20 июля.

поступлением за первые три месяца 1914 г., по своим размерам не сулят той суммы, какая исчислена в росписи 1915 г.», – сообщала газета «День»¹.

«Так, первый доход предположен в размере 10,8 млн руб., до сих пор дал всего лишь 1,2 млн руб., сахарный доход предположен в размере 177,6 млн руб., а за первые три месяца дал 5,3 млн руб. Нефтяной и спичечный доходы дали уже и теперь значительное уменьшение. Военный налог на грузооборот и пассажиров исчислен на год в размере 286 млн руб., а за первую четверть года дал всего лишь 27,6 млн руб.»².

На расширенном совещании у министра финансов 11 июля 1915 г., на которое были приглашены члены совета старейшин Государственной Думы, министерство представило проект о расширении эмиссионного права Государственного банка, который предполагалось принять на предстоящей сессии Думы и за счет которого планировалось пополнить бюджет.

Расширение эмиссионного права должно было стать уже третьим с начала войны после закона 27 июля 1914 г. и положения Совета министров 17 марта 1915 г., по которому максимальный выпуск кредитных билетов, необеспеченных золотом, был доведен до 2,5 млрд. Предполагалось расширить эмиссионное право еще на 1 млрд. В связи с этим на страницах периодической печати стали появляться материалы, в которых высказывались опасения, что «бумажно-денежный ресурс как будто грозит вытеснить у нас другие источники экстраординарных доходов»³.

«Русские ведомости» указывали на несколько причин такого положения в сфере российских финансов: «В нем несомненно сыграли роль и общие дефекты нашего финансового управления за время войны. Проекты подоходного налога не получили движения, и налоговые источники при всей своей бессистемности не покрыли даже дефицита по бюджету. Не вполне удачные условия и порядок выпуска внутренних займов не дали им такого

¹ Загорский С. Подоходный налог // День. 1915. № 202. 25 июля.

² Там же.

³ Русские ведомости. 1915. № 160. 12 июля.

распространения, которое они должны были иметь...»¹ Кроме этого, указывалась и дороговизна, которая сказывалась и на военных расходах. «Желательно было поставить на очередь разработку общего плана финансовой политики»², – заключалось в редакционной статье газеты.

Непосредственно на самом совещании, как отмечалось, в последующих после доклада министра финансов прениях некоторые присутствующие указали на отрицательные стороны расширения эмиссионного права и высказали пожелания об использовании и других источников для усиления государственных доходов. Опять на повестке дня оказался вопрос о введении подоходного налога. На его необходимости настаивал присутствовавший кадет А. И. Шингарев. Кроме этого, он высказывался за более широкое использование внутреннего и внешних денежных рынков для заключения займов. За введение подоходного налога выступали и профессора А. С. Посников и П. П. Мигулин. Последний высказывался также и за внутренние займы³.

Выступая уже на открытии Государственной Думы, П. Л. Барк вынужден был признать, что «произведенное сокращение бюджета в росписях 1914 г. и предыдущих лет, равно как возможно бережное исчисление расходов по росписи 1915 г., было все же недостаточно для того, чтобы свести предусматривающиеся расходы мирного времени государственной росписи* без дефицита»⁴. Проект преобразования податной системы, как следовало из доклада, был в приоритете у правительства, однако, чтобы его провести в жизнь, необходимо было «чтобы законодательные учреждения высказали свое отношение по подоходному налогу»⁵. Причем к обсуждаемому Думой проекту подоходного налога П. Л. Барком были внесены два дополнения. Министр

¹ Русские ведомости. 1915. № 160. 12 июля.

² Там же.

³ Совещание министра финансов с членами Государственной думы // Русские ведомости. 1915. № 160. 12 июля.

* То есть по обыкновенному бюджету.

⁴ Русские ведомости. 1915. № 167. 21 июля.

⁵ Там же.

финансов полагал необходимым привлечь к обложению подоходным налогом и низшие классы, так как «в настоящий момент с них снято огромное бремя косвенного обложения», уплачиваемого ими «путем потребления водки»¹. В связи с этим он предлагал установить минимальный ценз для обложения подоходным налогом в 700 руб. Второе предложение касалось шкалы подоходного налога. Вместо прежнего колебания от 1 до 5%, П. Л. Барк предлагал установить 1-6%.

Что касается военных расходов, которые по подсчетам Министерства финансов должны были в 1915 г. вылиться в сумму 7.242 млн руб., а с начала войны – в 9.500 с лишним млн руб., их предполагалось покрыть за счет кредитных операций. В связи с этим в Государственную Думу помимо других был внесен законопроект об увеличении эмиссионного права Государственного банка.

Задаваясь вопросом, можно ли рассчитывать, что внутри страны найдется достаточно средств для кредитных операций и не истощены ли в значительной степени эти средства, министр приводил цифры, свидетельствующие, что общий итог сбережений увеличился в кредитных учреждениях страны почти на 1.800 млн руб. и «можно спокойно рассчитывать, что вся страна направит свои сбережения по тому руслу, которое дает государству средства для совершения необходимых на военные нужды кредитных операций»².

По этому поводу необходимо отметить, что однозначных данных по поводу действительной подписки на военные займы не имеется (всего их за годы Первой мировой войны было семь). Российское правительство каждый раз объявляло, что заем полностью размещен, но исследователи считают, что население относилось к ним с опаской, а большую часть подписки при известном давлении со стороны правительственных кругов должны были

¹ Дополнения к законопроекту о подоходном налоге // Биржевые ведомости. Утренний выпуск. 1915. № 14983. 24 июля.

² Биржевые ведомости. Утренний выпуск. 1915. № 14975. 20 июля.

принимать на себя государственные и частные банки, сберегательные кассы и т. п.¹

Этот проект, также как проект введения подоходного налога, вызвал наибольшие число обсуждений на страницах печати.

Из депутатов Государственной Думы только правые выступали против введения подоходного налога. Член этой фракции В. Снежков, входивший в состав финансовой комиссии, в приложенном к подготовленному докладу о проекте особом мнении, заявил, что он основан «на социалистических принципах, что даже самый его заголовок ("о введении государственного подоходного налога") не соответствует его содержанию и потому он не признает возможным с ним согласиться»².

Большинство же авторов в периодической печати, поддерживая подоходный налог, дискутировали о нюансах его реализации. На страницах «Биржевых ведомостей» профессор М. И. Фридман, выступая за подоходное обложение, подчеркивал необходимость «всеми способами стремиться к распределению налоговых тягот в соответствии с платежеспособностью отдельных классов населения: кому много дано, с того пусть и спросится»³. Он же писал о необходимости экономии не только со стороны населения, но и правительства и Государственной Думы. «Особенно внимательно она должна присмотреться к условиям выдачи казенных заказов и к ценам на поставляемые казне заказы»⁴, – наставлял он.

«Эксперимент с кустарной финансовой политикой уже был произведен, – выражал надежду экономист С. О. Загорский на страницах газеты «День». – Остается произвести эксперимент серьезной податной реформы, основанной

¹ Клаус Рудольф. Война и народное хозяйство России (1914 – 1917 гг.). М.; Л, 1926. С. 13.

² Русские ведомости. 1915. № 184. 11 августа.

³ Фридман М.И. Организация финансов для победы // Биржевые ведомости. Утренний выпуск. 1915. № 14975. 20 июля.

⁴ Там же.

на введении подоходного налога, и нельзя сомневаться в том, что результаты будут совершенно иными»¹.

В статье, посвященной подоходному налогу в «Русских ведомостях», А. Соколов указывал на необходимость доведения прогрессии до 8-10%. «Наши владеющие классы не могут пожаловаться на нынешнего министра финансов, – отмечал он. – Более льготного податного режима, чем тот, под которым они находились в первый год войны, нельзя было и желать»². Податная реформа должна быть проведена, настаивал автор и объяснял, что речь не идет о том, чтобы покрыть все военные расходы. «Речь идет только о том, чтобы не печатать лишних бумажек, по крайней мере для покрытия наших обыкновенных расходов и платежей по военному государственному долгу»³.

В целом представители центра и левой части в Государственной Думе отнеслись отрицательно к дальнейшему расширению эмиссионного права и считали, что проект нуждается в дополнительных разъяснениях министерства и дальнейшей доработке⁴.

Автор, подписавшийся «С. И.» на страницах газеты «Утро России», настаивал на необходимости всеобъемлющей реформы в сфере финансов. Он указывал на «тесную зависимость бюджетного благополучия от экономического подъема страны». Гораздо более прочным даже в смысле бездефицитности может оказаться бюджет, построенный на активном содействии государства производительным силам страны, чем бюджет, заранее задавшийся целью быть бездефицитным и без разборчиво ищущий повсюду новых источников дохода⁵.

Дума была распущена высочайшим указом 3 сентября 1915 г. Как известно роспуск Думы был предопределен назревшим конфликтом между председателем Совета министров и вне фракционным Прогрессивным блоком,

¹ Загорский С. Подоходный налог // День. 1915. № 202. 25 июля.

² Соколов А. Подоходный налог // Русские ведомости. 1915. № 185. 12 августа.

³ Там же.

⁴ Расширение эмиссионного права // Утро России. 1915. № 208. 30 июля.

⁵ С. И. Русские финансы // Утро России. 1915. № 209. 31 июля.

который в свою программу внес требование формирования нового правительства из лиц, пользовавшихся доверием общества.

Тем не менее, за полтора месяца заседаний законодательного органа были рассмотрены серьезные финансовые вопросы. Так, 19 июля было принято решение о расширении эмиссионного права Государственного банка, об урегулировании валюты и о необходимости внешнего займа, рассмотрен в финансовой комиссии законопроект о подоходном налоге и утвержден в последней редакции Государственной Думой. В день закрытия 3 сентября Дума должна была заслушать законодательное предположение об установлении единовременного специального военного налога, который предполагалось взимать со всех лиц, имевших годовой доход свыше 500 руб.¹

Газета, «Биржевые ведомости» помимо перечисленного указывала на еще ряд достижений Думы в сфере российских финансовых интересов. Отмечалось, «что своим авторитетным словом она рассеяла много напрасных опасений среди широких слоев населения, как, например, призрак недостатка разменной монеты»². Кроме этого, «Государственная дума исполнила высокопатриотический долг. Она обратилась к населению с призывом нести золото в государственный банк, и этот призыв имел больший успех, чем официальные напоминания»³. Вместе с тем по причине неожиданного роспуска Государственной Думы многие намечавшиеся изменения в налоговом обложении застопорились на неопределенное время.

С перерывом сессии «государственный налог, — отмечали газеты, — остается висящим в воздухе, а специальный военный налог, предполагающий подоходный налог уже установленным и столь настоятельно необходимый, требуемый для покрытия военных издержек, гибнет в своем зародыше»⁴.

¹ Русские ведомости. 1915. № 207. 10 сентября.

² В. З. Экономическая неделя // Биржевые ведомости. Утренний выпуск. 1915 № 15073. 7 сентября.

³ Финансовое соглашение // Русские ведомости. 1915. № 221. 27 сентября.

⁴ Русские ведомости. 1915. № 207. 10 сентября.

В контексте обозначившегося внутривластного кризиса газеты рассматривали и возможность очередных соглашений с союзниками в сфере финансов. «Биржевые ведомости» высказывали опасение, что известия о роспуске Думы, осложнят задачу заключения союзного займа в Америке, т. к. «германские агенты не упустят случая использовать известие в свою пользу. Они получают новое оружие в борьбе против наших интересов в Америке»¹.

В 20-х числах сентября в газетах появились сведения о финансовом соглашении, которое было заключено между Россией и Англией в результате миссии П. Л. Барка. Основной целью поездки было получение финансовых возможностей для оплаты военных заказов. В целом положительно оценивая заключенное соглашение, «Русские ведомости» обращали внимание на условие со стороны Англии о надзоре за исполнением русских заказов. «При другой политической обстановке это требование Англии должно было бы вызвать серьезные возражения. Если бы в стране были осуществлены те начала единения власти с народом, о которых громко говорит вся Россия, у нашей союзницы, вероятно, и не явилась бы мысль о контроле наших заказов»². Редакция выражала надежду, что «когда теперешняя ситуация нашей внутренней политики изменится и кризис "доверия" разрешится, то и контроль наших заказов со стороны Англии станет излишним»³.

В начале октября 1915 г. в газетах появились материалы, в которых в общих чертах излагался план правительственной налоговой реформы. Причем в ряде изданий подчеркивалось, что проект разрабатывался в соответствии с пожеланиями Думы. «Русские ведомости» в редакционной статье по этому поводу высказались определенно: «...только настойчивые пожелания Государственной Думы заставили ведомство выйти, наконец, из того состояния покоя, в котором оно до сих пор прибывало»⁴.

¹ В. З. Экономическая неделя // Биржевые ведомости. Утренний выпуск. 1915 № 15073. 7 сентября.

² Финансовое соглашение // Русские ведомости. 1915. № 221. 27 сентября.

³ Там же.

⁴ Русские ведомости. 1915. № 235. 14 октября.

В объяснительной записке к проекту указывалось на необходимость преобразования податной системы и отмечалось, что «податные повышения за время войны оказались не только недостаточными для удовлетворения потребностей, вызванных обстоятельствами военного времени, но и не покрыли убыли от уничтожения казенной монополии»¹. Показательно, что в записке подчеркивалась необходимость внести в действующую систему «начала уравнительного обложения косвенным налогом таких предметов, которые употребляются главным образом средними и высшими классами и которые до сих пор или совсем не облагались, или были обложены слабо»². Речь шла об обложении потребления электричества и таких товаров как вино, папиросы, гильзы, табак высших сортов и пр., т. е. были внесены предложения, неоднократно обсуждавшиеся на страницах печати. Предлагался помимо этого пересмотр существовавших пошлин в сторону их повышения.

В области прямого обложения намечалось введение подоходного налога, был поставлен в очередной раз вопрос об усилении земельного обложения на окраинах и о пересмотре налога на наследство. В связи с военными условиями предполагалось сохранить повышение ставок акциза на спирт, табак, пиво, дрожжи, спички, гильзы, сахар, нефть и пр. и ввести новый акциз на вино, электрическую энергию и чай. В то же время предлагалось нормировать цены на товары, на которые быстро росли рыночные цены, например, на сахарный песок и рафинад и пр. Комментируя проект, «Русские ведомости», замечали, что «введение поимущественного налога, министерство во всяком случае, по-видимому не предполагает, а между тем, без введения поимущественного налога серьезную реформу государственных и местных финансов осуществить будет совершенно невозможно»³.

¹ План податной реформы // Русские ведомости. 1915. 5 октября. Экстренное приложение к № 227.

² Там же.

³ Русские ведомости. 1915. № 235. 14 октября.

Действительно, в плане налоговой реформы, включенном в роспись доходов и расходов на 1916 г., было прописано введение подоходного прогрессивного налога «не только как нового источника дохода, но и как лучшего орудия распределения налоговой тяготы»¹, преобразование наследственной пошлыны и поземельного налога, дальнейшая разработка вопроса об установлении единовременного военного налога и пр., но поимущественный налог не значился². По закону государственная роспись должна была быть внесена на рассмотрение в Государственную Думу к 1 октября предыдущего года. Однако в 1915 г. она была подписана министром финансов только 30 октября и на следующий день в сокращенном варианте была опубликована в газетах. Министр объяснял задержку тем, что «мы живем в необычное время, когда предположения относительно бюджета приходится подвергать изменениям»³.

Полный текст объяснительной записки содержал 132 печатных страницы и касался всех сторон бюджета, причем доходные и расходные статьи сметы составлялись уже с расчетом, что война продлится в течение всего 1916 г. Недобор доходов в 1915 г. по сравнению с планируемым по подсчетам должен был составить около 300 млн руб., т. е. 11%, из них причиной недобора 150 млн руб. был окончательный отказ от винной монополии, а остальных 200 млн – неточность в сметных расчетах, а также оккупация ряда территорий Российской империи.

Доходов обыкновенных предполагалось в 1916 г. 2.914,083,005 руб., чрезвычайных – 9 млн руб., всего – 2.923,083,005 руб. Расходов: обыкновенных – 3.174,124,191 руб., чрезвычайных – 76.791,106 руб., всего – 3.250,915,1917 руб. Недостаток, таким образом, составил – 327.832,1912 руб.⁴

¹ Государственная роспись доходов и расходов на 1916 год // Русские ведомости. 1915. № 250. 31 октября.

² Там же.

³ Русские ведомости. 1915. № 245. 25 октября.

⁴ Государственная роспись доходов и расходов на 1916 год // День. 1915. № 15181. 31 октября.

Помимо уменьшения поступлений от винной монополии министерство выделяло следующие особенности росписи на 1916 г. Значительное увеличение некоторых оборотных доходов за счет чрезвычайных военных ассигнований. Имелись в виду, во-первых, таможенные пошлины с товаров, получаемых из-за границы, во-вторых, доходы, получаемые казенными железными дорогами за военные перевозки. Всего предполагалось получить таких оборотных доходов 250 млн руб. Другой особенностью бюджета на 1916 г. составило значительное увеличение платежей по процентам государственных займов: с 404,3 млн руб. в 1915 г. до 542,8 млн руб. в 1916 г. При этом в росписи подчеркивалось, что «увеличение это представляет собой лишь первую и сравнительно небольшую часть тех новых ассигнований по смете системы государственного кредита, которые должны явиться неизбежным последствием войны»¹.

Что касается военных расходов, в росписи еще раз подчеркивалось, что «издержки же настоящей войны <...> не могут быть относимы на какие-либо постоянные бюджетные ресурсы и по необходимости должны удовлетворяться за счет кредитных операций»². К 1 октября 1915 г. военные расходы составили, по данным министерства, свыше 7,700 млн руб.

Общая оценка росписи, которая появилась на страницах периодической печати была достаточно критичной. Критике подвергались как отдельные положения, прежде всего относившиеся к финансовым преобразованиям, так и в целом подход министерства к пополнению бюджета.

Экономист С. О. Загорский в газете «День» указывал на то, что «и бюджет на 1916 г. составлялся Министерством финансов на прежних основаниях. <...> Налоговая политика за время войны шла по линии

¹ Государственная роспись доходов и расходов на 1916 год // День. 1915. № 15181. 31 октября.

² Там же.

наименьшего сопротивления: она основывалась на чрезвычайном усилении косвенного обложения»¹.

«Резкое расхождение сметных предположений с действительным поступлением должно быть поставлено на счет традиционного оптимизма, который считают своим долгом проявлять руководители наших финансов, с одной стороны, – замечалось в газете «Русское слово», – и насчет слишком односторонних и упрощенных приемов в изыскании новых источников доходов – с другой»². Опубликованные данные, по мнению редакции, подтверждали тот факт, что простое повышение налогов без реформирования всей системы финансового обложения не дало ожидаемого результата.

Так, введенный временный налог с пассажиров и грузов вместе с 15% государственным сбором дал поступлений в бюджет за полгода больше, чем в прошлом году на 81,5 млн руб., а предполагалось получить с него 255 млн руб. Увеличение поступлений с продажи спичек составило 637 тыс. руб., а по плану увеличение должно было составить за год 23 млн руб. Почтовый доход при повышении ставок на 40% увеличился на 2,8 млн руб., планировалось годовое поступление в 26,5 млн руб. и т. д. Только доход в бюджет от телеграфов и телефонов превзошел запланированные цифры: за полгода он увеличился на 11 млн руб., между тем как за полгода он должен был дать только 10 млн руб.³

«Утро России» указывало на то, что «здесь много неясного и неопределенного»: «Конечно, подходящий налог и прогрессивный налог на наследство лягут на более сильные плечи, но при относительной незначительности в России крупных доходов на этих доходах строить бюджет невозможно»⁴. Довольно странное впечатление производил, по мнению газеты, и перечень косвенных налогов: на электричество, ткани,

¹ Загорский С. Бюджет 1916 г. и наша финансовая политика // День. 1915. № 300. 3 ноября.

² Роспись // Русское слово. 1915. № 251. 1 ноября.

³ Там же.

⁴ Роспись на 1916 год // Утро России. 1915. № 300. 1 ноября.

картофельную патоку, порох: «Невольно хочется спросить, а почему не на чернослив и свеклу? До такой степени случайны намеченные объекты...»¹

Указывали газеты и на отсутствие бюджетного единства: «Как в японскую войну, так и теперь военные расходы ведутся совершенно отдельно. Вследствие этого, общая финансовая картина сказывается слишком неясной...»² Действительно, расходы на военные нужды проходили по бюджету особого военного фонда, который по закону не подлежал рассмотрению в законодательных палатах. Сметы представлялись отдельными министерствами в Министерство финансов и в Государственный контроль, а после проверки – в Совет министров, и уже после одобрения Совета на утверждение императору³. На практике зачастую военные расходы шли в рамках обыкновенного бюджета, и, наоборот, расходы гражданские проходили по военным статьям. Так, например, выплаты семьям солдат (пайки) и беженцам периодически проходили по обыкновенному бюджету, на что указывает в своем исследовании современный исследователь П. Гатрелл⁴, а ассигнования на улучшение железных дорог были перечислены в военный фонд. Таким образом, у общественности пытались создавать впечатление, что «обычный бюджет» находится под жестким контролем парламента. Тем не менее, как следует из газетных публикаций, ситуация «неясности» была очевидна и вызывала критическую реакцию у ряда авторов.

Воспользовавшись тем, что проект государственного бюджета на 1916 г. был представлен в комиссии Государственной Думы с опозданием, ее созыв в ноябре был отложен. Указ и рескрипты на имя председателя Государственного совета и Государственной Думы об отсрочке начала занятий «впредь до

¹ Роспись на 1916 год // Утро России. 1915. № 300. 1 ноября.

² Роспись // Русское слово. 1915. № 251. 1 ноября.

³ Барк П. Л. Указ. соч. Т. 2. С. 168.

⁴ Gatrell P. Russia's First World War a social and economic history. P. 135.

окончания подготовительных работ по утверждению государственных доходов и расходов» был подписан императором 23 ноября 1915 г.¹

Опубликованный 24 ноября 1915 г. акт был расценен периодическими изданиями как «решение чрезвычайной важности». Впервые за все время существования Государственной Думы срок ее открытия, уже назначенный указом императора, переносился на неопределенное время. Обеспокоенность, которая проявлялась в содержании материалов печати сводилась не только к необходимости скорейшего рассмотрения бюджета. «Перед нами стоит ряд неотложных задач, немедленное разрешение которых необходимо для нашего конечного успеха в великой международной борьбе», – резюмировали «Русские ведомости»². Речь шла о необходимости в целом реформы налогового обложения, прежде всего, введение подоходного налога. «Нам нужен ряд широких и решительных мер для борьбы с растущими экономическими осложнениями, – мер, целесообразность и авторитетность которых может быть обеспечена только прохождением их в законодательном порядке»³.

Как известно, заседания IV Государственной Думы возобновились только 9 февраля 1916 г., в том числе продолжилось и обсуждение Расписи государственных доходов и расходов на год. Государственный бюджет принял форму закона 8 апреля 1916 г. после утверждения Николаем II.

Таким образом, подводя итоги, необходимо отметить, что обзоры финансовой сферы, которые регулярно появлялись на страницах оппозиционных периодических изданий на протяжении 1915 г., фиксировали нараставшие проблемы. При этом отсутствовала констатация факта кризиса финансовой системы. Несмотря на критические замечания в отношении деятельности правительства, а также высказанные обвинения в имущественно

¹ Собрание узаконений и распоряжений правительства. 24 Ноября 1915 г. № 332. Ст. 2472. Об отдалении срока возобновления занятий Государственного Совета и Государственной Думы. Ст. 2472.

² Русские ведомости. 1915. № 270. 25 ноября.

³ Там же.

ориентированном направлении в налоговом обложении, авторы изданий по большей части конструктивно подходили к обсуждению вопросов государственной политики по решению финансово-экономических проблем, стремились находить оптимальные решения, критикуя, прежде всего непрофессиональный подход Министерства финансов в изыскании новых источников дохода, что и получило отражение на страницах периодической печати.

Точкой преткновения чаще всего становился подоходный налог, формы его реализации и сроки введения. Однако по мере нарастания политических разногласий между верховной властью и Прогрессивным блоком обсуждение финансовых вопросов приобретало форму политических дискуссий, что отражалось и в содержании газетных материалов. Не случайно, в преддверии начала заседания Думы, газета «Утро России» предупреждала: «Законопроект о бюджете на 1916 г. есть сам по себе настолько общеполитический акт, что один он даст полную возможность развить во всей широте общеполитические дебаты»¹.

¹ Предстоящая сессия // Утро России. 1915. 31 декабря. № 359.

ГЛАВА III

ПЕРИОДИЧЕСКАЯ ПЕЧАТЬ ОБ ИТОГАХ ПРЕОДОЛЕНИЯ ФИНАНСОВО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО КРИЗИСА НАКАНУНЕ ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ В РОССИИ

3.1. Правительственная борьба с дороговизной и проблема «сахарного голода» в российской периодической печати в годы Первой мировой войны

В условиях войны снабжение армии и населения продовольствием зависело от государственного решения трех глобальных проблем: финансирования его поставок, а также минимальных потерь при хранении и транспортировке. Наряду с ними уже с самого начала военных действий обнаружилась необходимость создания отлаженной системы, сочетавшей в себе элементы административного и рыночного механизмов для получения продовольствия у его производителей.

Постепенно эта задача стала занимать важное место в государственной экономической политике. Если проблемы, связанные с железнодорожным сообщением или с нехваткой рабочей силы, уменьшением посевных площадей, сокращением количества тягловых лошадей, а также технического оснащения сельскохозяйственного производства носили в своей основе объективный характер, то государственные решения в сфере снабжения армии и населения продовольствием зависели от созданной бюрократической системы и вызывали критику со стороны оппозиционной печати. На наш взгляд, ситуация в условиях войны со снабжением населения и армии сахаром является в этом плане показательной. В ней нашли отражение все перечисленные ранее проблемы.

Законодательство в области сахарной промышленности было установлено актами 1895 и 1903 гг. и в последующие более 10 лет не получило никаких изменений. При руководстве Министерством финансов С. Ю. Витте

20 ноября 1895 г. был принят закон «О некоторых мерах относительно сахарной промышленности»¹, дополненный 12 мая 1903 г. законом «Об изменении и дополнении действующих узаконений о сахарной промышленности»². По оценке советского и российского историка А. П. Корелина, «Внимание правительства к этой отрасли обуславливалось как особым покровительством в отношении "благородных" владельцев сахарных заводов (отрасль традиционно считалась дворянской), так и фискальной заинтересованностью – доходы от акциза с сахара занимали второе место (после питейных сборов) среди косвенных налогов»³.

Скрытой льготой, полученной производителями сахара от государства, была система взимания акциза, который уплачивался не при выпуске продукции, как в других отраслях, а спустя некоторое время после ее реализации. Производители сахара были вполне удовлетворены установленными нормами, а время от времени возникавшая их общественная критика не находила поддержки со стороны Министерства финансов и не приводила к изменению законодательной базы. С момента принятия законов о сахарном производстве вопрос о реформе сахаропромышленного законодательства поднимался только в исключительных случаях, связанных с определёнными потрясениями на сахарном рынке. Такая ситуация возникла в 1908 – 1909 и в 1909 – 1910 гг., но она была несопоставима с тем значением, который приобрел сахарный вопрос в период Первой мировой войны.

В фонде Редакции периодических изданий Министерства финансов Российской империи сохранилось дело с газетными вырезками, касавшихся сахарного производства в России. Поскольку вскоре после начала войны производство и продажа сахара стали предметом активного общественного обсуждения, по поручению министра чиновники отслеживали публикации,

¹ Полное собрание законов Российской империи (далее: ПСЗРИ). Собр. 3-е. Т. 15 (1895). № 12166. С. 623-625.

² ПСЗРИ. Собр. 3-е. Т. 23 (1903). № 22951. С. 511-513.

³ Корелин А. П. С. Ю. Витте и бюджетно-финансовые реформы // Отечественная история. 1999. № 3. С. 59.

касавшиеся проблем в этой отрасли. Сохраненные газетные материалы позволяют понять беспокоившие финансовое ведомство вопросы, возникшие в этой сфере¹.

Министерство финансов само являлось активным общественным информатором и через печать оповещало о причинах проблем, с которыми пришлось столкнуться стране уже вскоре после начала войны. Так, например, сообщалось о том, что число сахарных заводов, определявшееся до войны в 2907, несколько уменьшилось, поскольку на охваченных военными действиями территориях оказалось 32 предприятия. Однако существенным фактором, ослабившим кризис снабжения сахаром в первый период войны, явились хорошие урожаи технических культур в 1914 г. и 1915 г.² В результате общее поступление сахара на рынок, благодаря высокой урожайности свекловины в 1914 г., оказалось выше среднего. Примечательно, что и площади, засеянные сахарной свеклой, оставались неизменными до 1917 г., поскольку в нескольких районах страны были увеличены ее посевы.

«Общий контингент потребления сахара на "сахарный" год, с 1-го сентября 1914 по 1-е сентября 1915 г. был определён Министерством финансов в 86 миллионов; количество сахара, необходимого для зачисления в неприкосновенный запас был предположен в 9 миллионов»³. Таким образом, на внутренний рынок требовалось поставить 95 миллионов пудов сахара. «Выработано же было, несмотря на уменьшение количества функционировавших заводов, — 113 миллионов пудов, а вместе с прошлогодним остатком сахарный запас составлял на нынешний год 123 миллиона пудов»⁴. В итоге удалось практически полностью компенсировать потери производства, находившегося в непосредственной близости от фронта.

¹ Газетные вырезки о сахарной промышленности в России 1914–1916 гг. // РГИА. Ф. 564. Оп. 2. Д. 1845.

² См.: *Кафенгауз Л. Б.* Эволюция промышленного производства России. М.: Эпифания, 1994. С. 175

³ РГИА. Ф. 778. Оп. 2. Д. 227. Л. 1.

⁴ Там же.

Изготовление рафинированного сахара в это время фактически возросло до рекордного уровня в 1915 г., и, несмотря на снижение в следующем году, объём его оставался примерно на уровне 1914 г.¹

В сложившихся условиях вызывала недоумение ситуация с сахарным дефицитом. По сведениям, приведенным в газете «Новое время», до мая месяца 1915 г. никакого недостатка в сахаре не наблюдалось, и цены еще были вполне приемлемыми. На заводах и в складах Юго-Западного края оставалось значительное его количество, при этом большая половина года уже прошла (запасы были нужны только до осени, когда начиналась выработка нового продукта). Однако, несмотря на очевидные успехи в решении вызванных войной проблем, связанных с производством этого сладкого продукта, в стране возник «сахарный голод».

По сведениям, приведенным в газете «Новое время», до мая месяца 1915 г. никакого недостатка в сахаре не наблюдалось, и цены еще были вполне приемлемыми. Однако по примеру других промышленников, сахарозаводчики тоже решили использовать войну для поднятия цен. В Киеве, считавшейся «сахарной столицей», затем и во всей России наступил «сахарный голод». «Чтобы достать фунт сахара, обыватель должен был избегать десять магазинов; более фунта в одни руки не отпускалось, цена сразу повысилась на 20–25% и, кроме того, требовалась ещё особая премия: чтобы получить по повышенной цене фунт сахара, нужно было купить при этом чая или кофе, — иначе сахар не отпускался»².

Ответом на возникшую ситуацию послужила попытка введения административных мер и 15 мая 1915 г. под председательством управляющего канцелярией Министерства торговли и промышленности В.В. Прилежаева состоялось Особое совещание по вопросу о причинах вздорожания сахара и о мерах борьбы с ним. Кроме представителей ведомств присутствовали члены

¹ *Gatrell Peter. Russia's First World War: A Social and Economic History. Harlow, England: Longman, 2005. P. 159.*

² *Эльди. Сахарные манипуляции // Новое время. 1915. № 14108. 21 июня.*

Всероссийского общества сахарозаводчиков, чайной и фруктовой биржи и других торгово-промышленных организаций.

Первым обсуждался вопрос о желательности издания таксы на сахар как в местах потребления, так и в местах производства. Против этого предложения резко возражали представители сахарозаводчиков, которые доказывали, что причины вздорожания сахара лежат не в искусственной спекуляции, а также не в недостатке сахара, а исключительно в неурегулированности железнодорожного товарного движения. Что же касалось запасов сахара на заводах, то они, по их словам, достигают 35 млн пудов, в то время как в прошлом году их было не более 25 млн пудов. Издание таксы, по мнению производителей сахара, не только не улучшит дело, но может ещё и значительно ухудшить его, привести к тому, что Петроград временно останется без сахара. За введение таксы высказались представители чайной и фруктовой биржи, но соглашение не было достигнуто¹. Однако процесс установления принудительных цен уже начал осуществляться на местном уровне.

Помимо загруженности железных дорог, в основе версии Министерства финансов значились две причины сахарного кризиса: установление во многих местах принудительных токсировок цен на сахар и спекуляция со стороны торговцев. «Принудительная токсировка цен приводит к тому, что оптовики намеренно уклоняются от отправки сахара в те районы, где установлены более или менее низкие цены»². Для устранения этого искусственного препятствия, по мнению Министерства финансов, было необходимо принять меры к урегулированию цен на всей территории империи и приведения их к общему уровню³.

С министерскими выводами отчасти соглашалась и периодическая печать. В статье газеты «Биржевые ведомости», посвященной позиции

¹ Речь. 1915. № 132. 16 мая

² РГИА. Ф. 778. Оп. 2. Д. 227. Л. 1.

³ Там же.

Министерства финансов по сахарной проблеме, отмечалось, что важнейшей причиной ее возникновения во многих местностях империи, в частности в Петрограде, являлась загруженность железнодорожных линий и недостаток подвоза. «Но кроме этой главной причины, с которой, благодаря особенностям военного времени, очень трудно бороться, Министерством финансов усмотрен ряд других, вызванных отчасти местными условиями отдельных районов, отчасти спекулятивными действиями частных лиц, стремящихся использовать настоящий момент в целях быстрой наживы»¹. Газета «Южный край» приводила свои аргументы по этому вопросу: «Жалобы сахарных гигантов на отсутствие вагонов не являются оправданием повышения цен, поскольку и осенью, и зимой (1914 – 1915 гг. – Ж. С.) эти причины уже действовали, но цены были значительно ниже. Не понизились они и в местах производства сахара, несмотря на отсутствие необходимости там перевозок»².

Что касается торговых спекуляций, то определенный ответ по поводу этой версии содержался в одной из газет, которая еще в середине февраля 1915 г. на основе анализа писем, полученных редакцией от провинциальных торговцев, опубликовала статью под названием «По поводу алчности торговцев». В ней констатировалось, что предпринятый некоторой частью прессы поход против провинциальных продавцов сахара совершенно несправедлив. «Алчность действительно существует, но не у торговцев, а у крупных промышленников и оптовых фирм, и удорожание сахара, хлеба, чая и прочих предметов первой необходимости зависит не от перепродавцов мелких и средних, а от тех фирм, которые руководят, главным образом, распределением продуктов»³. В повышении сахарных цен обвинялся синдикат рафинеров, увеличение стоимости чая происходило из-за соглашения московских чайных фирм, а удорожание хлеба зависело от банков, располагавших его запасами.

¹ РГИА. Ф. 778. Оп. 2. Д. 227. Л. 1.

² Причины сахарного голода // Южный Край. 1915. 25 июнь.

³ По поводу алчности торговцев // Киевская мысль. 1915. 19 февраля.

Газета «Речь» в мае 1915 г. предоставила свой вариант оценки случившегося: «Даже такая могучая и давно протезируемая организация промышленности, как сахарная нормировка, оказалась бессильной, когда потребовалось не ущемление потребителя, а его защита. Эта организация не сумела и в наши тяжёлые и ответственные дни ни унять спекуляцию с сахаром, ни предупредить сахарный кризис, т.е. не сумела предотвратить искусственное искушение при естественном изобилии»¹.

Среди газетных вырезок, сохраненных в Министерстве финансов, имеется статья с примечательным названием «Нужды сахарной промышленности». На наш взгляд, тема, поднятая в ней, в некоторой степени раскрывает позицию государства в отношении сахарного вопроса. С началом войны российская экономика столкнулась с рядом серьезных проблем, часть из которых была связана с отсутствием необходимого оборудования для военного производства и сокращением валютных запасов. Решение этих вопросов невозможно было осуществить даже при успешной мобилизации промышленности и требовалось восполнение отсутствующих материалов за счет заграничной торговли.

Совет съездов представителей биржевой торговли и сельского хозяйства, созданный еще в 1905 г. для объединения различных предпринимательских организаций (биржевых обществ, горнопромышленников, стеклозаводчиков, мукомолов, акционерных коммерческих банков и страховых обществ), представил министру промышленности В.Н. Шаховскому обширную записку по вопросу о мерах к развитию внешней торговли в военных условиях. В этой записке отмечалось: «Происходящие в настоящее время военные события крайне неблагоприятным образом отразились на нашей вывозной торговле, сократив ее до минимальных размеров. Между тем, улучшение нашего финансового положения находится в прямой зависимости от создания для России

¹ Речь. 1915. № 142. 26 мая.

благоприятного расчетного баланса, который не может быть достигнут у нас без широкой экспортной торговли. Сокращение вывоза за границу отражается тем более неблагоприятно, что с этим связано сильное вздорожание иностранной валюты»¹. Совет отмечал необходимость создания в стране таких условий, которые подготовили бы благоприятную почву для будущего экспорта. В связи с этим было признано желательным: «Немедленное производство всестороннего обследования при широком участии представителей биржевых и других общественных организаций вопроса об имеющихся в стране свободных излишках продуктов, могущих быть допущенным к вывозу»².

Представленная записка датируется маем 1915 г., а еще в начале апреля 1914 г. в помещении Русского для внешней торговли банка в Петербурге состоялось первое заседание избранного на совещании правления образованного синдиката рафинеров. Оно состояло из восьми человек и должно было находиться в Киеве, собираясь ежемесячно в помещении Русского банка. Для осуществления всех мероприятий, намеченных правлением, была создана особая контора, аналогичная конторе Всероссийского общества сахарозаводчиков, с филиалами во многих городах России³. Петербургскую контору возглавил управляющий центральным отделением Всероссийского общества сахарозаводчиков М. Ю. Цехановский. Он являлся автором ряда публикаций по правовым аспектам сахарной промышленности, а также исторического обзора этого направления в развитии промышленности за 1800 – 1904 гг.

В сообщении о создании синдиката рафинеров отмечалось, что главные цели его заключались в нормировании выпуска сахара и упорядочения торговли рафинадом: «Кроме того предполагались крупные работы по собиранию статистических данных о производстве и о нашей внутренней и

¹ Новое время. 1915. № 14081. 25 мая.

² Там же.

³ РГИА. Ф. 564. Оп. 2. Д. 1845. Л. 5.

внешней торговле сахара»¹. Отмечалось, что под этим подразумевалось «приобретение новых рынков для распространения нашего рафинада»².

Возвращаясь к фигуре М. Ю. Цехановского следует подчеркнуть, что он являлся активным сторонником организации сахарного экспорта за границу. В своем обзоре истории развития в России свекло-сахарной промышленности, автор, сравнивая потребление сахара в России за 15 лет, констатировал его рост с 8,07 фунтов до 14 фунтов на душу населения. При этом М. Ю. Цехановский предсказывал, что в ближайшем будущем сахарная промышленность будет играть значительную роль в экономической и финансовой жизни России, и она может и должна принять участие в мировой торговле сахаром³. В условиях потерь, вызванных войной, цена на сахар на мировом рынке существенно выросла и предоставился шанс выгодного участия в мировой торговле этим продуктом.

Повышение спроса за границей на российский сахар после окончания военных действий связывался в первую очередь с ситуацией во Франции и в Бельгии, где от военных действий не только пострадали сахарные заводы, но и были уничтожены почти все свекловичные посевы. Таким образом, предполагалось, что снабжать сахаром Францию и Бельгию придётся России. В связи с этим, по указанию представителей сахарозаводчиков, было предположено увеличить текущей весной посевы свеклы, приблизительно на 25 тыс. десятин, т. е. довести общую площадь до 800 тыс. десятин⁴.

К числу потребителей сахарной продукции относилась и Англия, которая до войны большую часть необходимого для страны сахара выписывала из Германии и Бельгии и только отчасти из России. Зато в условиях войны именно вопрос ввоза в Англию русского сахара обрел принципиальный интерес для российской внешней торговли. В феврале 1915

¹ Киевлянин. 1914. № 94. 4 апреля.

² Там же.

³ Цехановский М. Ю. Исторический обзор свекло-сахарной промышленности (1800 – 1904). Киев, 1904. С. 43.

⁴ Нужды сахарной промышленности // РГИА. Ф. 564. Оп. 2. Д. 1845. Л. 3.

г. последовало сенсационное сообщение о том, что пароходу русско-датского товарищества «Александр Жуков», гружёному российским сахаром, удалось «пробраться» в английский порт Кардифф. «Всего на пароход было погружено 20229 мешков русского сахарного песка, весом около 135000 пудов. Сахар этот принадлежит различным русским банкам и частным фирмам и снабжён консульским удостоверением о русском происхождении»¹.

Газеты сообщали, что с открытием навигации в Архангельске, предвидится возможность вывоза значительного количества сахара-песка в Англию. Был также уже установлен специальный пониженной железнодорожный тариф для поставок сахара через Архангельск во Францию. Большие надежды связывались с военными успехами союзников с вытекавшую из них возможностью скорого открытия пролива Дарданеллы. В этом случае «английский мировой рынок для сбыта сахара» приобретал для России, по утверждению печати, особо важное значение².

В статье «Дарданеллы и сахарный экспорт» сообщалось, что в связи с операциями союзников у Дарданелл на Киевской сахарной бирже замечается серьёзное повышение цен на конвенционные права, т.е. свидетельства на право вывоза русского сахара. «Цены конвенционных прав, стоившие недавно на уровне 3,5 – 4 коп. поднялись сначала до 6 коп., а затем и до 8 коп. за пуд, сделали скачок на 100%. Рост этот вызван надеждой на скорое открытие проливов, в связи с чем увеличится вывоз русского сахара»³. Подобное оживление на сахарной бирже наблюдалось в октябре 1914 г., когда у сахарозаводчиков была надежда на большой экспорт сахара в Турцию, испытывавшую большой дефицит этого продукта. Однако вступление Турции в войну на стороне Германии и Австро-Венгрии обрушили эти надежды и цены конвенционных прав сразу упали до 2,5 коп. за пуд.

¹ РГИА. Ф. 564. Оп. 2. Д. 1845. Л. 6.

² Там же. Л. 6 об.

³ Дарданеллы и сахарный экспорт // РГИА. Ф. 564. Оп. 2. Д. 1845. Л. 7.

Первая мировая война сказалась на поставках сахара еще в одну страну – в Персию, которая испытывала серьезные бюджетные трудности из-за сокращения вывоза товаров, являвшихся основой внешней торговли страны. При изыскании средств для решения задачи сбалансирования бюджета и увеличения государственных доходов за счет постоянного и надёжного источника, Персия ввела сахарную монополию. Государство при этом потребляло ежегодно до 7 млн пудов сахара и 90% его поставляла Россия. Участие в сахарной монополии в Персии должно было сыграть важную роль в развитии российско-персидских торговых отношений и явиться новым фактором упрочения политики экономического влияния России в Персии¹.

На активизацию внешнеторговой деятельности настраивал сахарозаводчиков и закон о сахарной промышленности. Его девятый пункт гласил: «При вывозе с заводов за границу излишков сахара, сахар этот освобождается от акциза и дополнительного налога в полном размере»². Правда, эта статья закона содержала особое примечание, в котором говорилось, что в случае повышения цен на сахар на зарубежных европейских рынках, которое могло бы явиться стимулом к значительному перепроизводству на сахарных заводах в России, министру финансов предоставлялось право войти в Комитет министров с представлением об уменьшении размера или совершенном приостановлении на определенный период льготы по освобождению вывозимого сахара от дополнительного налога³.

Таким образом, Министерство финансов через нормирование ежегодного производства сахара обеспечивало устойчивые максимально доступные цены на сахар. Излишки изготовленного продукта в случае их вывоза за границу освобождались от уплаты акциза и налогов. Душевое потребление сахара в государствах Западной Европы заметно превышало российское, но

¹ Сахарная монополия в Персии // РГИА. Ф. 564. Оп. 2. Д. 1845. Л. 4.

² ПСЗРИ. Собр. 3-е. Т. 15 (1895). № 12166. С. 624.

³ Там же.

«при существовавшем положении заграничных сахарных рынков, при развитии там сахарной промышленности, при значительной стоимости производства сахара в России, а также и стоимости провоза его за границу, успех вывозной торговли мог быть обеспечен лишь при содействии в том правительства и при поощрении внешней торговли сахаром»¹. Ситуация, вызванная войной, как было показано, внесла изменения в сложившуюся рыночную конъюнктуру. Разумеется, ориентиры на внешний рынок не играли первостепенной роли в позиции российских производителей сахара, но занимали свое определенное место в рыночных отношениях, а представления о длительности войны корректировались той же периодической печатью, которая стремилась представить развивавшиеся события в позиттивном ключе и как близкие к завершению.

Закон о сахарном производстве и торговле им внутри страны также содержал положения, настраивавшие сахарозаводчиков на действия, а точнее – бездействия в своих интересах. В пятом пункте закона отмечалось, что излишек сахара (сверх обязательного неприкосновенного запаса) мог быть выпущен на внутренний рынок с завода «не иначе, как по предварительной оплате полностью дополнительным налогом, акциз же за этот сахар подлежит уплате на общем основании, как за сахар текущего периода; но заводчику предоставляется оставлять излишек сахара на заводе в свободном запасе, и в сём случае излишек сахара, впредь до выпуска с завода не подлежит оплате ни дополнительным налогом, ни акцизом»².

Возникший кризис сахарной отрасли заставил Министерство финансов заняться вопросом о реформировании законодательства о сахаре. Однако, по оценке средств печати, министерство остановилось на двух мерах совершенно частного значения, ни в коей мере не менявших принципиальных основ сахарного нормирования. Одна из этих мер предусматривала

¹ Цехановский М. Ю. Исторический обзор свекло-сахарной промышленности (1800 – 1904). Киев, 1904. С. 43.

² ПСЗРИ. Собр. 3-е. Т. 15 (1895). № 12166. С. 624.

установление предельной цены на рафинад и носила характер временного обязательного постановления, опирающегося на исключительно политические условия военного времени. «Нечто подобное по содержанию указанного акта имелось у нас во временном законе 1910 г., действовавшего до 1 сентября 1912 г. и разрешавшего, при известных условиях, льготный ввоз сахара из-за границы. Условия льготного ввоза сахара-рафинада наступали, в силу упомянутого закона, в том случае, если цены на рафинад превышали цены на сахарный песок более, чем на один рубль»¹.

Таким образом, введение максимальных цен на рафинад имело прецедент в законодательной практике и не требовало пересмотра действующего закона. Вторая мера, направленная на борьбу с «сахарным голодом», наоборот требовала определённой законодательной реформы, ориентировавшей вновь возникавшие заводы на максимальную производительность.

В проекте, представленном министром финансов Совету министров, предполагалось повысить нормы максимальной производительности вновь возникавших заводов до 300000 пудов, а норму выпуска сахара на внутренний рынок до 150000 пудов². Проект был утверждён Советом министров и вступил в силу, согласно 87 статьи основных законов, т.е. без участия Государственной Думы, работа которой была на тот момент приостановлена.

Однако эти меры сталкивались с полным несоответствием между установленными нормами, с одной стороны, а также с фактической производительностью и размерами внутреннего потребления с другой. Законодателями выработка продукции заводами была определена с таким расчётом, чтобы она содействовала возникновению мелких сельскохозяйственных предприятий, но за 20 лет нормирования выпуска сахара особое развитие получил процесс концентрации производства и мелкие сельскохозяйственные предприятия потеряли своё прежнее значение.

¹ Киевская мысль. 1915. 2 июня.

² РГИА. Ф. 564. Оп. 2. Д. 1845. Л. 13.

«Средняя производительность каждого завода значительно возросла и ныне превышает 350000 пудов, т.е. более, чем в два раза выше действующей максимальной нормы... Ясно, что норма в 150000 пудов оказалось отжившей, устарелой и стесняла возникновение новых заводов»¹.

Искусственность существовавшего государственного нормирования выпуска сахара на рынок проявилась в том, что вопреки утверждениям о его влиянии на существующие рыночные цены, интересы потребителей в военных условиях защищены не были. По словам известного ученого-экономиста Л. Б. Кафенгауза, «помимо того снисходительного отношения, которое встречают у правительства наши синдикаты, в унисон с их деятельностью идет и вся наша экономическая политика, которую можно охарактеризовать как политику ограничения конкуренции и высоких продажных цен: этому способствуют бесконечные уставы и правила, стесняющие частную инициативу, в этом направлении действуют наша налоговая система, высокий таможенный тариф, распределение казенных заказов, сахарная нормировка и т.д.»²

Между тем, производство сахарного песка и рафинада в 1913/1914 гг. составляло соответственно 1286,9 и 843,6 тыс. пудов; в 1914/1915 – 1620,9 и 957,6; в 1915/1916 гг. – 1495,9 и 857,9; в 1916/1917 гг. – 1190,0 и 840,0 тыс. пудов³. Из приведенных данных следует, что снижение производства наметилось только в 1916 г., поэтому объективных оснований для кризиса в мае 1915 г. просто не существовало. Правда, за этот период по некоторым наблюдениям несколько выросло потребление сахара. Причинами тому в газетах называлось «прекращение пьянства», рост доходов деревни в связи с поставками продовольствия для армии, но с учетом того, что из числа потребителей сахара (Царство Польское, прибалтийские территории) исключалось население местностей, захваченных неприятелем, увеличение

¹ Киевская мысль. 1915. 2 июня.

² Кафенгауз Л. Б. Указ. соч. С. 628.

³ Народное хозяйство в 1916 г. Вып. 5-6. Пг.: Гос. тип., 1921. С. 41.

потребления не могло играть важной роли в проблеме снабжения этим продуктом.

В то же время рост сахарных цен был вызван, по мнению печати, целым рядом причин: «повышение акциза на сахар (25 коп. с пуда), обложение перевозки песка и рафинада, уменьшение ценности денег, вызванное изобилием бумажных денежных знаков, нарушение правильного товарного движения, повышение издержек производства, вздорожание топлива»¹.

Газета «Южный край» в июне 1915 г. опубликовала своеобразный график роста цен на сахар: «В последние месяцы они растут не днями а часами: ещё осенью (1914 г. – Ж. С.) сахар-песок котировался на станциях железных дорог 3 руб. 82 коп. – 3 руб. 85 коп. (за пуд. – Ж. С.), в марте цены достигли 4 руб. 58 коп. – 4 руб. 72 коп., в апреле – 4 руб. 70 коп. – 4 руб. 80 коп., а в мае – 5 руб. 10 коп. и выше»². Таким образом, за первый год с начала войны сахарные цены испытали повышение в 32% на сахарный песок, на сахар-рафинад они выросли еще больше – до 46%. «Наивные люди такую конъюнктуру сахарного рынка объясняют недостатком сахара; как будто и сама жизнь подкрепляет этот взгляд: сахара нет не только в отдалённом Петрограде, но и в Киеве, в столице сахарного мира, с сотнями миллионов рублей сахарного оборота»³.

Определение Киева в качестве «сахарной столицы» страны было обусловлено объективными данными. Помимо того, что в самом городе был расположен самый крупный в России сахаро-рафинадный завод («Киевское товарищество»), в 150-вёрстной окружности его находилось более 100 предприятий, производивших сахар. Через Киев им снабжалась вся Россия, здесь работала сахарная биржа, располагались Всероссийское общество сахарозаводчиков и Бюро рафинеров. Однако в самом центре сахарного производства летом 1915 г., а затем и в начале 1916 г. наблюдался настоящий

¹ РГИА. Ф. 564. Оп. 2. Д. 1845. Л. 13.

² Причины сахарного голода // Южный Край. 1915. 25 июнь.

³ Указ. соч.

«сахарный голод». Он выразился в отсутствии во многих магазинах сахара в продаже, в более крупных торговых точках не отпускался в количестве более 2-3 фунтов, да и то только в первую часть дня, а его цена в розничной продаже вдруг поднялась с 18 до 22–23 коп. за фунт. Газета «Новое время» эмоционально рассказывала о ситуации в городе: «Сахара нет да нет. Словно провалился сквозь землю. Вчера у нас в доме, после экономного расходования сахара по таким же карточкам, по каким выдаётся в Германии хлеб, всё-таки был употреблён в дело последний кусок. Финляндия, куда переехал теперь на жительство столичный житель, сахар еще есть, но его отпускают только фунтовыми порциями на семью в день. А если кому нужно пять фунтов, должен послать по очереди в лавочку всех членов семьи»¹.

В Петрограде, Москве и в других удалённых от района сахарного производства территориях страны сахарный «голод» объяснялся загруженностью транспорта, что во многом соответствовало действительности. Железнодорожная сеть, по оценке экономистов, накануне войны работала с большим напряжением и совершенно не в состоянии была справиться с теми новыми и громадными требованиями, которые были предъявлены железнодорожному транспорту мобилизацией армии и перевозками воинских грузов. «Количество подвижного состава, годного для перевозки промышленных грузов, сразу значительно сократилось: кроме того, вследствие резких изменений в направлении грузовых потоков значительно увеличились пробеги грузов, что, естественно, потребовало увеличения паровозной и пропускной способности железных дорог»².

Железнодорожное сообщение с первых месяцев войны превратилось в предмет постоянной критики и внутренних расследований. Например, министр путей сообщения получил от управления юго-западных железных дорог бюллетень о состоянии перевозок сахара осенью 1915 г. Из содержания документа следовало, что в один из последних дней не погруженный остаток

¹ Сахарные анекдоты // Новое время. 1915. № 14081. 25 мая.

² Кафенгауз Л. Б. Указ. соч. С. 173-174.

сахара равнялся 2264 вагона, в том числе 277 вагонов для Петрограда. Погружено же и отправлено в тот же день было всего 8 вагонов, в том числе 1 для Петрограда. Министр запрашивал управление, почему скапливаются такие залежи и какие меры по этому поводу приняты¹. Газета «Биржевые ведомости» 26 мая 1915 г. констатировала, что жалобы сахарозаводчиков на отсутствие вагонов для перевозки рафинада почти ежедневно опровергаются. Так, несколько крупных петроградских фирм получили право грузить сахар в столицу в количестве 43 вагонов, но «в последнюю минуту» в отпуске сахара-рафинада было отказано и вагоны остались неиспользованными. Приблизительно в это же время для нужд Петрограда было срочно предоставлено под сахар два поезда. Но ни один из крупных сахарозаводчиков киевского района не согласился отпускать сахар, и Петрограду пришлось отказаться от любезно предоставленных вагонов².

Проблема доставки сахара в самой «сахарной столице», в Киеве, практически не стояла, для снабжения города никакого транспорта не требовалось и один крупнейший в России киевский завод мог легко удовлетворить потребность города в сахаре, но тем не менее проблема снабжения населения стояла так же остро, как и в Петрограде. Осенью 1915 г., по сообщению газеты «Речь», с целью снабжения достаточным количеством сахара Петрограда, Москвы и других населённых пунктов управляющий Министерством путей сообщения сделал предписание о немедленном введении специальных маршрутных поездов по всей сети железных дорог для перевозки сахара. Эшелоны должны были следовать до места назначения без расформирования³, но проблема снабжения столичных городов сахаром так и не была решена.

¹ Залежи сахара // РГИА. Ф. 564. Оп. 2. Д. 1845. Л. 9.

² Спекуляция сахарозаводчиков // Биржевые ведомости. Вечерний выпуск. 1915. № 14866. 26 мая.

³ РГИА. Ф. 564. Оп. 2. Д. 1845. Л. 24 а.

Вечерний выпуск «Биржевых ведомостей» сообщал 26 мая 1915 г., что в столице возлагают большие надежды на меры репрессивного характера, к которым правительство вынуждено будет прибегнуть, чтобы сломить упорство сахарозаводчиков. «Пример военного ведомства, реквизировавшего громадные партии сахара в юго-западном районе, лишний раз доказывает, что только таким путем возможно бороться с сахарозаводчиками, поставившими своей задачей взвинтить цены на сахар до крайних пределов»¹.

О подробностях действий интендантского ведомства сообщалось в «Новом времени»: «В последние дни на целом ряде сахаро-рафинадных заводов Юго-западного и Заднепровского районов интендантским ведомством произведена реквизиция запасов рафинада для надобностей армии. Реквизиции подвергаются заводские запасы рафинада пиленого. Все остальные сорта рафинада остаются в свободном распоряжении рафинеров, но находятся под страхом грозящей реквизиции. Высказывалась надежда что цены будут понижены»². Летом 1916 г. дело дошло до арестов за «сахарные дела» директоров заводов³. «"История кусочка сахара" в этот период есть история сплошного игнорирования потребительских нужд населения, безудержный спекуляции, бесцельных и запоздалых таксировок, закулисных соглашений, крушение "нормировки" и... почти непрерывного роста цен. В этой истории есть всё, что угодно, кроме планомерной и прямодушной кампании в интересах обеспечения населения сахаром»⁴. В мае 1915 г. сахарный песок из Киева доставлялся по цене 5 руб. 80 – 5 руб. 90 коп. за пуд, спустя неделю цена выросла до 6 руб. 20 коп. «По мнению городского продовольственного комитета и крупных торговцев, необходимо установить таксу на сахарный песок для розничной продажи в 15 коп. за фунт»⁵.

¹ Спекуляция сахарозаводчиков // Биржевые ведомости. Вечерний выпуск. 1915. № 14866. 26 мая.

² Новое время. 1915. № 14081. 25 мая.

³ Сахарные чудеса // Новое время. 1916. № 14483. 2 июля.

⁴ Сахарная эпопея // Киевская мысль. 1915. 2 ноября.

⁵ Спекуляция сахарозаводчиков // Биржевые ведомости. Вечерний выпуск. 1915. № 14866. 26 мая.

Основные задачи, о которых официально объявляли правительственные органы в 1916 г. объединялись стремлением урегулировать снабжение сахаром армии и населения, а также ограничением повышения цен на этот продукт. Первые, принятые в этом отношении меры, относились к концу 1915 года. Они были направлены на борьбу с деятельностью сахарных спекулянтов. Постановление от 9 октября 1915 г. главноуправляющего землеустройством и земледелием, в ведении которого находилось Особое совещание для обсуждения и объединения мероприятий по продовольственному делу, определяло предельные цены на сахар рафинад и песок и предоставило на местах право реквизиции, в случае отказа владельцев от продажи сахара. Производителей сахара эти цены на момент их ввода в действие вполне устраивали, в отличие от потребителей, считавших, что цены эти слишком высоки.

Однако это постановление не привело к приостановке роста расценок на сахар и получению его населением по фиксированным ценам. Спекулятивные сделки продолжали совершаться, и уже в декабре 1915 г. цена рафинада в Киеве достигла 8 руб. 50 коп. за пуд, а доставать его по твёрдой цене было невозможно. Зато возникла масса различных способов получения дополнительной прибыли. Например, по сообщению газет, из окрестных заводов в соответствии с требованием властей в Киев доставлялась партия сахара, которая, однако, не попадала в розничную продажу и вообще не оставалась в городе, а скупалась оптом спекулянтами по цене 7 руб. 60 коп. – 7 руб. 90 коп. за пуд и отправлялась обратно в заводские районы. «Там эта возвращенная партия сахара перепродавалась приезжим из столиц и других отдалённых центров закупщикам по 8 руб. 50–60 коп. и более коп. за пуд»¹. Правда, приходилось нести расходы по обратной транспортировке сахара, но всё-таки этот «фокус» в результате приносил спекулянтам не менее 10–15 коп.,

¹ Сахарные фокусы // Киевская мысль. 1916. 22 февраля.

что на десятках миллионов пудов давало прибыль в десятки и сотни тысяч рублей, а «сахарная столица» оказывалась без сахара.

Сахар исчез из продажи после объявления обязательной на него таксы. Некоторое время спустя он появился, но только «в самых захудалых, прямо подозрительных лавочках, и продавался, несмотря на существование таксы, по 23–26 и более копеек за фунт»¹. Примечательно, что поступал он в небольших количествах, чтобы поддерживать «настроение кризиса» и тем самым объяснять его высокую цену. Газеты утверждали, что заводские конторы отпускали сахар только тем торговцам, которые расписывались, что получили его по установленной цене, но на самом деле нелегально соглашались на значительную переплату².

Работа целой армии перекупщиков, до последнего времени ничего общего с сахарным делом не имевших, привела к тому, что на спекуляциях сахаром, через создание искусственного дефицита наживались крупные состояния³. Их деятельность дополняла усилия производителей сахара, которые преследовали цели реализации своей продукции с наибольшей для себя выгодой. «Для обыкновенного российского промышленника выжидание "хороших" цен даже при наличности голода на продукты, коими оперирует этот промышленник — вещь, слишком обыкновенная, слишком позволительная (как то, к сожалению, показывают факты русской жизни)»⁴. Как уже отмечалось, определенную роль играли также ожидания, связанные с возможностями будущего вывоза сахара за границу. Сложившуюся ситуацию с поставками сахара ярко иллюстрируют заголовки статей в газетах: «Сахарные чудеса», «Сахарная эпопея», «Сахарные фокусы», «Сахарные манипуляции», «Сахарные анекдоты».

¹ Сахарные чудеса // Новое время. 1916. № 14483. 2 июля.

² Там же.

³ Сахарные фокусы // Киевская мысль. 1916. 22 февраля.

⁴ Киевская мысль. 1916. 10 февраля.

Организация всего продовольственного дела под руководством Особого совещания, привело к созданию на местах уполномоченных председателя этого органа, снабжённых правами (в том числе и реквизиционными), согласно статьи 12 положения об Особом совещании по продовольственному делу. Они были назначены во всех губерниях империи и приступили к исполнению своих обязанностей проводя свои особые совещания из местных представителей правительства, земских и общественных лиц¹. В числе уполномоченных состояли члены Государственного совета от разных губерний, губернаторы, председатели губернских земских управ, а также петроградский и московский градоначальники². Уполномоченным председателя Особого совещания 30 октября 1915 г. было предложено закупать сахар за счёт городов, земств, организаций, ведающих снабжением продовольствием населения. Им в свою очередь следовало обращаться к уполномоченным районов производства и за наличные деньги приобретать сахар для своих потребителей.

В Киеве 20 января 1916 г был утверждён проект создания Центрального бюро, через которое должны были проходить все требования по закупке сахара от уполномоченных Особого совещания. Центральное бюро под угрозой реквизиции распределяло эти запросы между отдельными заводами с учётом их производительности, а также приближённости к месту назначения покупаемого сахара. Продукция должна была передаваться за наличный расчёт и только после выполнения всех нарядов завод мог отпускать свободный сахар частным покупателям. Таким образом, учреждение Центрального бюро первоначально не исключало возможности существования наряду с государственными закупками частной торговли, что практически исключило возможность установления единых цен на сахар³.

¹ День. 1915. № 300. 31 октября.

² Русские ведомости. 1915. № 250. 31 октября.

³ Народное хозяйство в 1916 г. Вып. 5-6. Пг.: Гос. тип., 1921. С. 43.

Следующим шагом по пути урегулирования закупок стало решение Особого совещания от 24 марта 1916 г., в соответствии с которым вывоз сахара из губерний, где он производился, можно было осуществлять только по удостоверениям Центрального бюро. Однако и это постановление, распространявшееся на перевозки водным и железнодорожным транспортом, не принесло ожидаемого результата. Сахар неконтролируемо вывозился гужевым транспортом, а поскольку за уполномоченными из губерний было сохранено право свободной его заготовки, они для ускорения доставки стали выдавать удостоверения по частным закупкам, произведённым по повышенным ценам, в обход Центрального бюро.

Политика твёрдых цен на продукты первой необходимости не оправдала возлагаемых на неё надежд и нанесла сельскохозяйственной жизни России, в том числе и сахарной промышленности, громадный вред. Газета «Новое время», признавая этот вывод, в августе 1916 г. констатировала, что «тем не менее отказаться сейчас от этой политики уже не представляется возможным, необходимо только обезвредить эту политику, установив твёрдые цены, более подвижные и отвечающие себестоимости продукта»¹. На специальном совещании, посвященном возможной общей реквизиции сахара, владелец сахарорафинадных заводов, крупный землевладелец и банкир, будущий министр финансов и министр иностранных дел Временного правительства М. И. Терещенко заявлял, что «даже Германия, приложившая властную правительственную руку чуть ли не на 90% продуктов первой необходимости, никаких ограничений в отношении сахарной торговли не сделала, а потребовала лишь объединение сахароваров в синдикат, в который вошло и само правительство, но не в качестве контролирующего органа, а в качестве крупного пайщика»².

Рассуждая о государственной политике в отношении сахарной промышленности, газета «Новое время» высказала убеждение в том, что

¹ Новое время. 1916. № 14517. 5 августа.

² Совещание об общей реквизиции сахара // Киевская мысль. 1916. № 57. 26 февраль.

правительственные меры должны были обеспечить существование не только крупных капиталистических, но и мелких сельскохозяйственных заводов. «Наконец, необходимо реорганизовать Центральное бюро в Киеве в том смысле, чтобы как во главе его, так и в составе были люди, близко знакомые со всеми деталями и особенностями сахарного производства»¹, которое начнется «лишь осенью этого года и закончится только в феврале-марте 1917 года, но для этого необходимо было произвести посев свекловицы весной 1916 года и приготовить поля для посева осенью 1915 года, всё это указывает на то, чтобы иметь сахар в России нужно начать думать об этом очень и очень заблаговременно»².

Заблаговременно необходимо было также определиться с ценами, по которым сахар должен был закупаться у сахарозаводчиков. От них зависело производство этого продукта в следующем году, поскольку никто не в праве был заставить его производителей работать заведомо себе в убыток. Однако традиционная нерасторопность административных органов не давала гарантии создания ситуации, при которой существовавшая система не начала бы давать сбои.

Действительно, к проблемам спекулятивного характера и хождению раздвоенных цен: твердой и «вольной», в 1916 г. добавились объективные экономические причины. В отличие от первых двух лет войны, когда сахарная промышленность, благодаря высоким урожаям свеклы, более или менее успешно справлялась с затруднениями военного времени, кампания 1916 г. уже проходила в условиях расстройств всех сторон хозяйства. К 20 сентября 1916 г. было убрано всего 20%, а доставлено на заводы только 13% ожидавшейся свекловицы, тогда как в 1915 г. при весьма неблагоприятных условиях было собрано на тот период 68%, а доставлено на заводы 45%

¹ Новое время. 1916. № 14517. 5 августа.

² Там же.

урожая¹. Низкий урожай привел к повышению цен на свекловицу, а вслед за этим, естественно, сильно выросла себестоимость сахара.

Одновременно, несмотря на снижение урожайности, в 1916 г. стало ощущаться отсутствие рабочих рук как при посевных и уборочных работах, так и на заводах при производстве сахара. При этом наблюдался недостаток как специалистов: машинистов, токарей, слесарей, паковщиков и др., так и чернорабочих. Центральное бюро неоднократно обращалось с просьбой об освобождении женщин и подростков от окопных работ в районах возделывания свекловицы, что находило поддержку у военных властей. Хуже обстояло дело с военнообязанными рабочими-мужчинами: отсрочки им предоставлялись только в очень редких случаях. В итоге в июне 1916 г. от сахарозаводчиков была направлена заявка на выделение 8500 военнопленных для работы на заводах по производству сахара, в июле – на 15945, в августе – на 10-20 тысяч человек, в сентябре – на 25-30 тысяч².

Таким образом, установление Особым совещанием по продовольственному делу предельных цен на продукты аграрного сектора (с правом их реквизиции) способствовало упорядочению их движения, но не могло обуздать спекуляцию. Причиной тому служила произвольность установления цен, основанная главным образом на основе экономической выгоды, определенной самими производителями сахара. Т. М. Китанина в одной из своих работ отмечала: «Практика показала, что они (*установленные твердые цены.* – Ж. С.) почти везде нарушались в сторону повышения. Это было свидетельством не только неудавшейся попытки государственного регулирования цен, но и довольно прочных позиций торгового капитала. Высокий уровень твердых цен был лишь одной из уступок аграриям и

¹ Народное хозяйство в 1916 г. Вып. 5-6. Пг.: Гос. тип., 1921. С. 43.

² Там же. С. 57.

крупным торговцам, на стороне которых стояли влиятельные круги, в том числе и из состава Особых совещаний»¹.

Заводы старались, задерживая по мере сил, отправки по необходимым отгрузкам для армии, форсировать всеми средствами свои собственные поставки, тем более, что существующие рыночные цены являлись сильным стимулом для самой энергичной работы в этом направлении. Министерство земледелия отклонило пожелание сахарозаводчиков о фиксации в виде процентной нормы количества сахара, подлежащего заготовке по фиксированной цене, но обещало в будущем при необходимости осуществить повышение предельных цен на сахар установленные правилами 9 октября². Достигнутое соглашение тогда было основано на том, что сахарозаводчики предполагали, что цены эти будут применяться к операциям по снабжению сахара исключительно армии, а свободным остатком они будут распоряжаться сами.

В июне 1916 г. был упразднён последний остаток старой нормировочной системы: циркуляром от 9 июня неприкосновенный запас сахара в размере около 7 млн пудов стал свободным для реализации на внутреннем рынке в зависимости от распоряжения Центрального бюро. Этим актом было закончено дело объединения всей продажи сахара в руках этой организации и прекратилось применение мер урегулирования сахарной промышленности по законам 20 ноября 1895 г. и 12 мая 1903 г. (сахарной нормировки).

Неоправдавшиеся надежды привели к тому, что в начале 1916 г. второй раз с лета 1915 г. года страна испытала «сахарный голод», а в конце 1916 г. на сахар, с целью равномерности его распределения, были введены карточки. Так, газета «Русское слово» сообщала: «С 1-го декабря в московских

¹ Китанина Т. М. Россия в Первой мировой войне 1914 – 1917 гг.: экономика и экономическая политика. Курс лекций: СПб.: ИЦ «Гуманитарная академия», 2016. С. 239.

² Там же.

магазинах начинается продажа сахара по первому декабрьскому купону»¹. Для этого была осуществлена регистрация населения, в городах для разного рода учреждений выдавались коллективные карточки по пяти разрядам: 1) для больниц, 2) для гостиниц, 3) для столовых, 4) для общежитий и 5) для учреждений, выдающих чай².

¹ Русское слово. 1916. № 277. 1 декабря.

² Карточки на сахар // РГИА. Ф. 564. Оп. 2. Д. 1845. Л. 39.

3.2. Итоги деятельности правительственных структур в сфере производства и финансов в отражении российской оппозиционной печати в 1916 г.

Газета «Русские ведомости» назвала 1916 г. «военно-промышленным» в жизни страны, поскольку только в этот период всё крупное производство продукции было полностью приспособлено к условиям военного времени. Схожие оценки звучали на страницах «Нового времени»: «Война обнаружила, всю слабость нашей промышленности. Работа на армию, к которой она призвана, дала сильный толчок ее движению вперед, ибо дала ей большие средства. Вместе с тем раскрылись для нее такие возможности, которые обещают блестящие перспективы»¹.

Как уже отмечалось ранее, в первые десять месяцев с начала войны предприятия продолжали функционировать в режиме, характерном для мирного времени. Военные заказы выполнялись главным образом заводами, уже выпускавшими военную продукцию или относительно приспособленными к ее производству. Они расширили свое производство и нарастили обороты, лишь частично изменяя виды вырабатываемой ими продукции для приспособления к военным заказам. Остальные предприятия, встретив затруднения из-за уменьшения количества рабочих рук, проблем с транспортом и недостатка сырья просто сократили свою деятельность. Только с середины 1915 г., когда произошло отступление русской армии из Польши и Галиции и стал очевидным затяжной характер войны, проявилась очевидная необходимость ускоренной интенсификации промышленного производства, выразившаяся в кампании по мобилизации промышленности и в осуществлении массового перехода промышленных предприятий на военные рельсы.

¹ Злободневная задача экономической политики // Новое время. 1916. № 14619. 15 ноября.

Газета «Новое время» посвятила свою статью выступлению с думской трибуны российского министра торговли и промышленности князя В. Н. Шаховского. Издание отмечало, что мобилизация промышленности являлась результатом «крайней нужды» и обошлась очень дорого, за счет поиска дополнительных капиталов «и при том не иностранных»¹. В докладе министра были обозначены финансовые трудности, связанные с приспособлением промышленного производства к военным условиям, однако при этом отсутствовал, по мнению «Нового времени», необходимый критический анализ обозначенных причин.

Новым явлением в истории промышленного развития явился перенос фабрик из западных районов страны в центральные и восточные. Из прибалтийских губерний во внутренние было эвакуировано свыше тысячи крупных промышленных предприятий. Только в районе Москвы было запущено около 80 крупных фабрик и заводов, на которых работали десятки тысяч рабочих. Новые предприятия возникли в районе Донецкого бассейна, в Поволжье и Сибири. Это переселение фабрик на восток и на юг прежде всего значительно приблизило промышленность к источникам сырья и топлива и вызвало увеличение производства. В частности, вагоностроительные заводы, находившиеся на территории Латвии и Эстонии усилили производственную мощность этого сегмента промышленности, хотя «выпуск вагонов на этих заводах упал с 9952 вагонов в 1914 г. до 6850 вагонов в 1915 г. и до 3783 вагонов в 1916 г.»²

Помимо эвакуации заводов из западных районов страны шел процесс создания новых производств и усиленное переоборудование уже существовавших с целью их приспособления для нужд государственной обороны. По сведениям, приведенным Л. Б. Кафенгаузом, производственная мощность многих предприятий до войны не была полностью использована. «Таким образом, те потери в производственной мощности, которые

¹ Новое время. 1916. № 14385. 25 марта.

² Кафенгауз Л. Б. Указ. соч. С. 187.

промышленность понесла вследствие отпадения польских и прибалтийских фабрик, в известной мере были компенсированы новым капитальным строительством во время войны и более интенсивной эксплуатацией части старых заводов»¹. Если первый год войны характеризовался кризисными тенденциями в промышленности, то 1916 г. был отмечен чертами некоторого роста промышленного производства, всё же не достигшего довоенного уровня.

«Финансовое положение Российской империи отнюдь не представляется катастрофическим или безнадежным, — заключал А. А. Соколов на страницах газеты «Русские ведомости», подводя итоги 1916 г. — Но, разумеется, нельзя отрицать того, что война внесла сильнейшее расстройство в наши финансы, — не только государственные, но и местные»².

Обсуждение Государственной росписи 1916 г. началось только в феврале, с началом новой сессии Думы. Обыкновенные доходы на 1916 г. были определены бюджетной комиссией в 3.022.049.318 руб. с превышением проекта министра финансов на 107.966.000 руб. Прямые доходы должны были дать 359.674 тыс. руб.; косвенные — 813.720. тыс. руб.; пошлины — 434.602 тыс. руб., правительственные регалии — 251.776 тыс. руб., казенные имущества и капиталы — 1.030.630 тыс. руб., отчуждение государственных имуществ — 1.274 тыс. руб.. выкупные платежи — 1.564 тыс. руб., возмещение расходов государственного казначейства — 111.652 тыс. руб., доходы разного рода — 17.248 тыс. руб. Сумма в 586,5 млн руб. в доходах должна была быть получена за счет повышения старых и введения новых налогов³.

Расходы обыкновенные финансовой комиссией предполагались в 3.174.124.091 руб. Увеличение относилось к платежам по займам на 140,6 млн руб.), по управлению почтами и телеграфом (на 14,7 млн руб.), по Министерству внутренних дел (на 9,8 млн руб.) и пр.

¹ Кафенгауз Л. Б. Указ. соч. С. 174.

² Соколов А. Война и наши финансовые перспективы // Русские ведомости. 1917. № 1. 1 января.

³ Новое время. 1916. №14309. 9 января.

Дефицит в государственной росписи на 1916 г. составил 377,1 млн руб.¹ Он, объяснялся тем, что правительство еще не успело заполнить возникшую брешь из-за отказа от винной монополии и не вызывал особого беспокойства в свете ожидаемого хорошего урожая и накопленных у населения запасов денег.

Тем не менее, на страницах периодической печати с началом 1916 года стали появляться материалы, в которых высказывалась озабоченность по поводу состояния российских финансов. Например, тот же А. А. Соколов в «Русском вестнике» отмечал: «В настоящее время обесценивание нашего рубля представляется уже фактом совершенно бесспорным»², – и приводил соответствующие цифры. Согласно баланса Государственного банка на 16 декабря 1915 г. количество кредитных билетов, выпущенных в обращение в стране достигло 5.304.619,229 руб., а по балансу 16 июля 1914 г. (т.е. до войны) количество кредитных билетов составляло 1.633.347,872 руб. Таким образом, выпущенных за прошедший период кредитных билетов увеличилось на 3,6 млрд или почти в 3,4 раза. При этом золотой фонд Государственного банка к 16 декабря составлял 1.611.739,983 руб., за границей находился запас золота на 1.188.749,135 руб., а, следовательно, золотое обеспечение кредитных билетов составляло около 36% (до войны – 106%). К концу 1916 года количество выпущенных в обращение кредитных билетов составило около 8.5 млрд. руб.³

Отмечалось в газетах влияние увеличения количества бумажных денег на цены товаров. «Дороговизна основных продуктов в очень серьезном размере бьет само государственное казначейство, ибо казна является крупнейшим заказчиком и потребительницей массы товаров, причем вследствие войны затраты казны на хлеб, мясо, фураж, ткани, металлы, топливо и пр. возросли в громаднейших размерах, а переплаты по заготовкам

¹ Новое время. 1916. №14309. 9 января.

² Соколов А. Война и наше финансовое положение // Русские ведомости. 1917. № 1. 1 января.

³ Там же.

достигли десятков, если не сотен миллионов рублей»¹. Кроме этого, возросшая дороговизна резко снижала реальную заработную плату государственных служащих, что поставило государство перед необходимостью ее увеличения. «Усиленное использование государствами выпуска бумажных денег, – указывал в своей статье А. И. Шингарев, – уже давно было приравнено к особому худшему виду косвенного налога на все предметы потребления, с той характерной особенностью, что крупную долю этого тяжкого налога должна платить сама казна»².

Указывалось и на еще одно последствие чрезвычайного выпуска бумажных денег: «... сознание разницы между бумажными и реальными ценностями получает распространение в самых широких слоях населения, <...> производитель сельскохозяйственных продуктов при реализации их проявляет теперь гораздо большую сдержанность, чем проявляли они прежде. Так, продовольственный вопрос начинает теснейшим образом переплетаться с вопросом финансовым»³.

Еще одним тревожным явлением, по мнению авторов газетных материалов становилось увеличение государственного долга, который с учетом миллиардного займа от 28 октября 1915 г. достигал 17.794.999 тыс. руб., т. е. возрос по сравнению с довоенным почти вдвое⁴. Предполагалось, что к началу 1917 г. задолженность достигнет 32.1 млрд. руб., а если война продолжится весь год – 50 млрд. руб.⁵

Выход виделся «при настоящих исключительно трудных условиях для наилучшего использования всех объектов обложения» во введении целой системы новых прямых налогов, в основу которой должно быть положено сочетание принципов существующего у нас реального обложения с

¹ Шингарев А. Бумажные деньги // Русские ведомости. 1916. 5 января. № 3.

² Там же.

³ Соколов А. Война и наше финансовое положение // Русские ведомости. 1917. № 1. 1 января.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

принципами подоходного поимущественного обложения и с обложением прироста ценности»¹.

В свою очередь, как уже отмечалось, Министерство финансов в 1915 г. объявило о начале разработки программы финансовых реформ. Существенной чертой проекта, по замечанию «Нового времени», являлось «уступка современному взгляду, в смысле уделения большего внимания прямым налогам»². Одним из основных мероприятий реформы становилось введение подоходного налога, который должен был стать «альтернативой винной монополии»³. Закон о подоходном налоге прошел третье обсуждение 25 августа 1915 г. в Государственной Думе и «завис» в Государственном Совете по причине роспуска законодательных палат. Причем принятый Думой проект подоходного налога, «который был нежелателен для влиятельных сфер и который решено было так или иначе не допускать до голосования в государственном Совете»⁴, назывался одной из главных причин перерыва сессий.

Закон после некоторых поправок, внесенных Государственным Советом, был все же принят и 6 апреля 1916 г. после утверждения императором стал частью российской налоговой системы. Введение подоходного налога намечено было на 1 января 1917 г. От него ожидалось поступлений в казну суммы в 130 млн руб. В общем прямое обложение, включая наследственные пошлины и временный налог на военную прибыль должны были дать в бюджет в 1917 г. 578 млн руб. (больше на 291 млн руб., чем в 1913 г. или на 83 %).

Налог на военную прибыль был введен не случайно. Громадные военные заказы резко увеличили прибыли промышленных предприятий и обеспечили

¹ Соколов А. Война и наше финансовое положение // Русские ведомости. 1917. № 1. 1 января.

² Экономический и финансовый год // Новое время. 1916. №14305. 5 января.

³ Беляев С.Г. Государственный бюджет России в годы Первой мировой войны // На пути к революционным потрясениям: экономика, государственный строй и социальные отношения в России второй половины XIX – начала XX века. 2001. С. 304.

⁴ Посников А. Положение законопроекта о подоходном налоге // Русские ведомости. 1916. № 29. 6 февраля.

приток капитала в промышленность. Так, за весь 1915 г. было открыто 136 новых акционерных обществ с капиталом 189 млн руб., а за первые девять месяцев 1916 г. общая сумма основных капиталов, вновь открытых 159 акционерных обществ, достигла 210 млн руб.¹ Также осуществлялась реорганизация старых предприятий и происходил переход их в руки новых хозяев, обогатившихся во время войны.

По проекту государственного бюджета на 1917 г. доход от налога на военную прибыль был намечен в размере 55 млн руб. Министр финансов П. Л. Барк с необыкновенной поспешностью провёл новый налог в порядке чрезвычайного-указного управления на основании положения Совета министров от 13 мая 1916 г.

В своих воспоминаниях он признавался в том, что сознательно воспользовался пасхальными каникулами законодательных учреждений, чтобы провести это обложение по 87-й статье, а после возобновления законодательной сессии внёс соответствующее представление в Государственную Думу. По словам министра, члены Думы с одной стороны укоряли его за то, что он медлил с обложением военных прибылей, а с другой – обвиняли в том, что он игнорировал законодательное учреждение, проводя налоговые мероприятия в экстренном порядке². На самом деле обсуждение налога и его разработка длились более года, а поспешность была вызвана значительным ростом прибыли предприятий, и проект вызвал активную критику со стороны их владельцев, которые пытались доказать случайность этого прироста и его незначительность. Однако опубликованные в газетах данные свидетельствовали об обратном. Например, Общество тульских меднопрокатных и патронных заводов увеличило прибыль, по сравнению с довоенным периодом, на 453%, Русское паровозостроительное и механическое акционерное общество – на 283% Русское общество

¹ Русские ведомости. 1917. № 1. 1 января.

² Барк П. Л. Воспоминания // Возрождение. Ежемесячный литературно-политический журнал. Paris, 1965. № 161. Май. С. 92.

машиностроительных заводов Гартмана – на 100%¹. Такая или близкая к ней ситуация наблюдалась на 19 крупных машиностроительных заводах, на 22 текстильных предприятиях и на 40 сахарных заводах.

Поступление косвенных налогов ожидалось по смете 1917 г. в сумме 1.099 млн руб., т.е. на 390 млн руб. больше, чем в 1913 г. или на 55%². Таким образом, если в процентном отношении поступление от косвенных налогов в сравнении с довоенным временем уменьшалось, в абсолютных показателях – продолжало превышать поступления от прямых налогов. Налог на сахар, составлявший до войны 1 руб. 75 коп. с пуда был увеличен до 2 руб. 80 коп. На чай помимо увеличения таможенной пошлины был установлен и дополнительный акциз. Нефтяной акциз с 60 коп. с пуда повышен до 1 руб. 60 коп. Кроме этого Министерство финансов планировало в 1917 г. ввести еще ряд акцизов: на игральные карты, электрическую энергию, крахмальный сахар, охотничий порох, ткани³.

Введение этих налогов в условиях продолжавшейся войны диктовалось необходимостью: «...изысканных нашим финансовым ведомством новых источников (на 1,075 млн руб.) достаточно для недобора по винной монополии, но совершенно недостаточно для покрытия платежей по новым военным займам»⁴.

В действительности, более-менее благоприятная картина в финансовом аспекте объяснялась во многом тем, что в целом траты на военные нужды не включались в государственный бюджет и не обсуждались в законодательных учреждениях*. По замечанию современного исследователя, «читая же официальные публикации Министерства финансов о росписи доходов и расходов, можно было прийти к убеждению, что Россия вовсе не воюет»⁵. Не

¹ День. 1916. № 335. 5 декабря.

² Соколов А. Война и наше финансовое положение // Русские ведомости. 1917. № 1. 1 января.

³ Там же.

⁴ Соколов А. Война и наше финансовое положение // Русские ведомости. 1917. № 1. 1 января.

* Согласно Основным законам Российской империи (ст. 117) расходы на военные потребности не включались в государственную роспись.

⁵ Беляев С.Г. Государственный бюджет России в годы Первой мировой войны. С. 303.

случайно эта проблема обсуждалась на заседаниях Государственной думы, а затем и на страницах оппозиционной печати. «Единство нашего бюджета, поколебленного еще в прошлые годы, в военное время пропало окончательно. Государственная роспись объемлет собою всего 3,4 млрд. Расходы по статьям 87-й и 17-й – 432 млн, а расходы по военному фонду – 8-12 млрд! – заявлял в своем выступлении А.И. Шингарев. – Вместо единого бюджет стал триединым, и единой картины предстоящих затрат вы не найдете»¹. Такая ситуация, по мнению докладчика, порождала двойную бухгалтерию, за которую «любое частное акционерное предприятие может попасть под суд: доходы показать, а расходы спрятать»².

Привлечение иностранных капиталов, активно осуществлявшееся в последнее десятилетие XIX в., в условиях войны было связано с дополнительными трудностями. Однако еще в предвоенных условиях, по утверждению газеты «Новое время», отечественная промышленность проявляла тяготение к отечественным коммерческим банкам, которые оказались фактическими руководителями почти всей производственной деятельности³. Такая, казалось бы, положительная тенденция в оценке газеты содержала в себе ряд критических моментов, поскольку «...коммерческие банки главным образом интересовало грюндерство и биржевая работа с эмиссией и оборотами ценных бумаг, да еще хлебные места распорядителей промышленных предприятий, а вовсе не рост промышленности и развитие производительных сил страны»⁴.

Вообще для настроенных оппозиционно периодических изданий было характерно стремление к разоблачению тесных связей, которыми крупный бизнес пользовался с царскими чиновниками и коммерческими банками. По их справедливому суждению, такие отношения порождали традиционное

¹ Русские ведомости. 1916. № 38. 17 февраля.

² Там же.

³ Новое время. 1916. № 14385. 25 марта.

⁴ Злободневная задача экономической политики // Новое время. 1916. № 14619. 15 ноября.

следование заведенному в довоенных условиях принципу партнерства, не обеспечившего успешного развития отечественной промышленности. По мнению московской газеты «Утро России», «только при гласности и свободе общественной критики» можно было преодолеть такого рода издержки и будет «положен предел планомерному расслаблению нашего тыла»¹.

Автор статьи в «Новом времени» отмечал, что помимо капиталов своих клиентов, банковские учреждения в большей степени пользовались казенными средствами, получаемыми через Государственный банк, который выдавал деньги частным банкам по их усмотрению и в соответствии не с государственными интересами, а с их личной выгодой². Вообще газета регулярно обращалась к проблеме отсутствия правильной и широко организованной кредитной помощи предприятиям, «которые были предоставлены собственным, к сожалению, довольно, слабым силам и слишком медленно поспешали в своем развитии»³.

Игравший ключевую роль в созданном Совете съездов представителей промышленности и торговли, В. В. Жуковский, также высказывался о неблагоприятных условиях снабжения российской промышленности необходимыми финансовыми средствами, отмечая, что зависимость промышленности от коммерческих банков не дает ей гарантии спокойного существования, «припоминая последствия промышленного кризиса начала столетия, когда банки, ценой даже расстройства промышленных предприятий, стремились вернуть свои затраченные в них средства»⁴.

По мнению «Нового времени», Государственный банк, «считая себя банком банков», как орган Министерства финансов осуществлял свою особую миссию — эмиссионную, не занимаясь непосредственно торговлей и промышленностью. Автор статьи в газете видел выход из осложнившейся

¹ Слухи // Утро России. 1915. № 181. 3 июля.

² Новое время. 1916. № 14385. 25 марта.

³ Новое время. 1916. № 14619. 15 ноября.

⁴ Мысли В. В. Жуковского о промышленном кредите // Промышленность и торговля. 1916. № 36-37. 17 сентября. С. 198. (

экономической ситуации в преобразовании Государственного банка, через использование его средств на нужды промышленности напрямую, без участия посредников в виде частных банков¹. В. В. Жуковский в свою очередь также считал, что, экономя капиталы, следовало отказаться от практикуемого случайного их притока в те или иные отрасли промышленности, в зависимости от их конъюнктуры. В этих целях, по его мысли, нужно, путем создания единого учреждения, через долгосрочный кредит внести определенную рациональность в дело распределения капиталов между различными отраслями индустрии. Таким учреждением, по его замыслу, «должен был стать новый промышленный банк, приспособленный по своему уставу и организации к успешному выполнению возлагаемой на него весьма важной хозяйственной функции»².

Таким образом, публикация в «Новом времени» в своей основной части перекликалась с проблемой, поднятой В. В. Жуковским, который считал, что могло быть два варианта возможного участия государства в промышленном банке: или вклад в составление его основного капитала, или же в предоставлении правительственной гарантии выпускаемым облигациям банка³.

Еще одна проблема, поднятая весной 1916 г. «Новым временем», была навеяна прошедшими один за другим военно-промышленным и торговым съездами. Оба они преследовали одну цель – приспособление развития торгово-промышленных отношений к условиям войны. Газета отмечала, что свободное развитие общественной самодеятельности «может дать неисчерпаемый запас творческих сил». Однако, по сведениям издания, военно-промышленные комитеты официально за 7 месяцев своего существования, сдали лишь около 1% распределенных ими военных заказов,

¹ Новое время. 1916. № 14385. 25 марта.

² Мысли В. В. Жуковского о промышленном кредите // Промышленность и торговля. 1916. № 36-37. 17 сентября. С. 199.

³ Мысли В. В. Жуковского о промышленном кредите. С. 199.

земско-городской союз за это время – свыше 20%¹. При этом для военно-промышленных организаций это была основная сфера их деятельности, а для земско-городских лишь одно из направлений их усилий.

Военно-промышленные комитеты ставили цель мобилизовать среднюю промышленность, поскольку крупная уже была мобилизована без их участия, но в этом деле проявилось, по мнению печати, полное несоответствие личного состава военно-промышленных комитетов с поставленной ими задачей, поскольку они были механически созданы из людей с совершенно разными взглядами и профессиональными навыками: «промышленники, депутаты, духовные лица, педагоги, рабочие и т.п.»²

Провинциальные военно-промышленный комитеты практически выполняли функцию постоянной связи между крупным бизнесом и государством. Они выполняли свою роль ни как дополнение частного и государственного сектора, а как независимый вклад в военные усилия сознательную альтернативу официальным действиям, направленным на мобилизацию промышленности. Военно-промышленные комитеты преимущественно направляли свои усилия на раскрытие неиспользованного потенциала мелких предпринимателей и с их точки зрения «мобилизация промышленности была слишком важным делом, чтобы его можно было доверить бюрократам»³.

Позиция крупной буржуазии была обозначена в речи московского промышленника П. П. Рябушинского, заявившего в июле 1915 г.: «Нужна власть, которая сумела бы зажечь сердца и объединить всю страну для победы над врагом. Враг угрожает многим нашим центрам. Я боюсь, что когда власть призовет нас на помощь, будет уже поздно»⁴. В данном случае под «властью» московский предприниматель подразумевал правительственные круги, а не

¹ Суррогаты общественности // Новое время. 1916. № 14426. 6 мая.

² Там же.

³ *Gatrell Peter*. Op. cit. P. 56.

⁴ Речь П. П. Рябушинского // Биржевые ведомости. 1915. 26 июля.

личность императора. Российская торговая и промышленная буржуазия, видные банкиры устойчиво связывали свою судьбу с правительством, а более предприимчивые элементы из числа людей с меньшими средствами выбирали военно-промышленные комитеты.

Промышленность и торговля составляли область только профессиональных интересов, требовали чисто специальных знаний и профессиональных навыков и, по мнению газеты «Новое время», привлечение общественных кругов к их деятельности «понадобилось для того, чтобы создать над военно-промышленным комитетом некий ореол общественности»¹. Между тем, исходя из опыта первых лет войны, эта сфера деятельности зачастую расходилась с интересами общества, вызывая проблемы дефицита, роста цен и т.д. Стремление общества к упорядочению экономической жизни путем регламентации торговли и обуздания appetitов спекулянтов из торгового и промышленного кругов – задача едва ли достижимая, а включение общественности в чисто официальную сферу деятельности промышленников и торговцев, осуществлялось не для реального контроля, а только для прикрытия собой «мобилизованной торговли и военной промышленности»². Практика показала, что крупные торговцы пользовались для искусственного и систематического повышения цен на все без исключения продукты самыми разными способами: повышение спроса, уменьшение запасов, запрещение вывоза, закупка хотя бы небольшой партии по повышенной цене, после чего она распространялась и на все остальные запасы.

Таким образом, эти «неудачные суррогаты общественности» превращали, по мнению газеты, в ответственных за деятельность военно-промышленных комитетов подлинную общественность в лице её вполне безупречных земских и городских организаций³. «Новое время» приходит к

¹ Суррогаты общественности // Новое время. 1916. № 14426. 6 мая.

² Там же.

³ Там же.

выводу, что «мобилизация промышленности и торговли прямая задача их самих, общество должно им всемерно в этом содействовать, но не принимать на свои плечи труд, требующий прежде всего чисто профессиональных знаний»¹.

Промышленность в 1916 г. в целом достигла более высоких показателей в сравнении с годом предыдущим. «Выплавка черных металлов несколько возросла в 1916 г., но все же не достигла довоенного уровня. Максимального уровня выплавка чугуна достигла в октябре 1916 г., а с ноября вновь начинается падение, прогрессивно усиливавшееся в течение всего 1917 г.»²

Вступление Османской империи в Первую мировую войну в октябре 1914 г. вызвало расстройство работы кавказских заводов Российской империи, осуществлявших выплавку меди. В следующем году это сокращение распространилось на все районы вследствие недостатка топлива и ухода значительной части рабочих на фронт. Недостаток внутреннего производства был покрыт ввозом из-за границы значительных объемов этого металла. По данным, приведенным Л. Б. Кафенгаузом, в 1913 г. Россия ввозила из-за границы 6126 тонн меди, а в 1916 г. – 62917 тонн³, в 1916 г. иностранная медь составила уже 76,8% всего внутреннего расхода меди в стране.

В целом в 1916 г. наметился заметный дефицит продукции, поскольку военные заказы к этому времени практически заполнили всю производительную способность целых отраслей промышленности: так, ежемесячная потребность страны в чёрном металле только для первоочередных нужд выразилась в размере 25 млн пудов в месяц, между тем как в реальных результатах ежемесячное производство составило около 20 млн пудов; минимальная потребность в донецком угле выразилась в размере 150-160 млн пудов, хотя возможности добычи и способности перевозки

¹ Суррогаты общественности // Новое время. 1916. № 14426. 6 мая.

² Кафенгауз Л. Б. Указ. соч. С. 183.

³ Там же. С. 185.

добытого угля по железным дорогам исчерпывались объемом не более 120-125 млн пудов.

Война предопределила резкое изменение внутренней структуры производства. Например, производство аэропланов выросло с 79 штук в 1913 г. до 570 штук в 1916 г. Увеличился выпуск телефонных и телеграфных проводов, телефонных и телеграфных аппаратов, в связи с оборудованием мощных радиостанций возросло производство радиоаппаратуры. Значительный рост выработки взрывчатых веществ вызвал увеличение производства необходимых для их выделки кислот и прочих химических реагентов.

Работа для нужд армии к концу года выразилась в размере 70% производительной способности предприятий, поэтому оставшиеся 30% не могли обеспечить всего того количества товаров, которое было необходимо для удовлетворения потребностей тылового населения страны. В частности, сильно сократилось изготовление металлических изделий для домашнего обихода. Однако больше всего пострадало производство сельскохозяйственных машин и орудий. По сведениям, приведенным Л. Б. Кафенгаузом, на учтенных переписью 19 заводах, специализировавшихся на этой продукции, произошло сокращение выпуска изделий более чем в два раза¹. Такие же выводы содержались в газете «Русское слово», констатировавшей рост потребности в металле и увеличение его дефицита. «Ведомство земледелия получает только 30% необходимого ему металла, а весь внутренний рынок для населения оказался совсем без металла»².

О проблеме, связанной с отсутствием нужного количества металла в сельском хозяйстве, высказалось «Новое время»: «...вести хозяйство без всего, что нужно для хозяйства, очень трудно»³. По утверждению газеты, в течение 19 месяцев войны власти упорно продолжали смотреть на земледелие

¹ Кафенгауз Л. Б. Указ. соч. С. 188.

² Русское слово. 1916. № 277. 1 декабря.

³ Новое время. 1916. № 14381. 21 марта.

только, как на частное дело каждого сельского хозяина, как будто бы оно не имеет ровно никакого государственного значения и общее состояние его не играет никакой роли в ходе мировой войны, «и только после того, когда *печать* (курсив мой. – Ж. С.) и Государственная Дума заговорили о значительном сокращении посевной площади, вспомнили задним числом, что надо что-нибудь предпринять для избавления страны от угрожающего ей оскудения»¹.

Однако общественного осознания понимания военно-государственного значения земледелия в той длительной борьбе на взаимное истощение, форму которой приняла Первая мировая война, уже было недостаточно. Речь должна была идти о дополнительных государственных вложениях в сельскохозяйственное производство, а с этим возникали трудности из-за положения промышленности.

В начале июля 1915 г. газеты подводили итоги прошедших совещаний уполномоченных по закупке хлеба для армии под председательством главноуправляющего землеустройством и земледелием А. В. Кривошеина. Газета «Утро России» отмечала, что для победы над врагом своевременное снабжение армии достаточным количеством продовольствия имеет не меньшее значение, чем снабжение её предметами обороны, так как только сытая армия обладает необходимой выносливостью и стойкостью. Отмечалось, что в этом отношении наша армия поставлена в исключительно благоприятные условия, поскольку она не только своевременно получала и получает нужные предметы продовольствия, но и имеет громадные продовольственные запасы, которых с излишком хватит до реализации нового урожая. Отмечалось также, что урожай в России в 1915 г. ожидается настолько обильный, что продуктов продовольствия хватит не только для нашей армии, но и для армий наших союзников².

¹ Новое время. 1916. № 14381. 21 марта.

² Утро России. 1915. № 181. 3 июля.

Вместе с тем, газета отмечала, что снабжение должно производиться с таким расчётом, чтобы оно, ни на йоту не нарушая интересов армии, в то же время возможно меньше отражалось на экономической жизни страны. Также газета констатировала, что несмотря на громадные запасы продовольствия в пределах России вообще, в некоторых местностях наблюдался недостаток в них, принимавший иногда острые формы. По словам А. В. Кривошеина, уже летом 1915 г. приходилось прибегать к принудительной реквизиции хлебных продуктов по определённым ценам, поскольку в отдельных местностях цены на них поднимались до недопустимых пределов.

«Утро России» высказывало свою версию происходившего, отмечая, что «благодаря своей неорганизованности, наши сельские хозяева не знали куда девать, куда везти, кому продавать свои продукты и или продавали их на месте, или везли их туда, где в них меньше всего нуждались. В результате в одних в одном месте скопилось громадное количество продуктов, цены на них падали, а в другом, наоборот, наблюдался острый в них недостаток и цены повышали»¹. Вместе с тем, повышение цен на одни товары влекло за собой повышение на другие. Так, сельские жители, поставлявшие городам продукты питания, будучи вынужденными уплачивать повышенные цены за такие предметы повседневного спроса, как: керосин, спички, мыло, сахар и т.д., в свою очередь повысили цены на продукцию своего хозяйства. В результате, по всей линии шла переоценка товаров и создавалась всеобщая дороговизна, усугубляемая обилием денежных знаков, выпущенных в обращение государством.

Полтора года спустя, 1 декабря 1916 г., газета «День» сообщала о заседаниях сельскохозяйственного съезда. На одном из них А. И. Шингарев в своём выступлении отмечал, что во всех участвовавших в войне странах экономическое положение представляется как достигшее того предела напряжения, при котором характерно истощение всех ресурсов. В Германии,

¹ Утро России. 1915. № 181. 3 июля.

например, было запрещено любое строительство, которое поглощало рабочие руки и тратило запасы черного металла, при том что страна обладала огромным его резервами, поскольку в том числе захватила всю тяжелую промышленность Бельгии и севера Франции, получала руду из Швеции и использовала топливные ресурсы Домбровский бассейна Царства Польского, находившиеся ранее во владении Российской империи. Единственный выход из создавшегося положения для России А. И. Шингарев видел в экономном расходовании имеющегося запаса металла, планомерной выдачи его разным ведомствам, в том числе и сельскохозяйственному¹.

Рост цен должен был вызвать усиление работы промышленных предприятий, однако в условиях военного времени это приводило не столько к общему увеличению производства, сколько видоизменению во внутренней структуре промышленности. Газета «Новое время» приводила на своих страницах слова из одного из выступлений на Всероссийском сельскохозяйственном съезде 1916 г.: «Русская промышленность выгодна сама по себе и явно богатеет, но не обслуживает население в должной мере. <...> Влача эгоистическое существование на дешевом хлебе, наша промышленность производит все непомерно дорого»². Газета «Русская воля», обобщая суть проблемы, отмечала: «Нельзя забывать, что продовольственный кризис, – это в значительной мере кризис хозяйственных отношений между городом и деревней. Современный город одевает, обувает деревню и снабжает её средствами производства, необходимыми в сельском хозяйстве, а деревня, в свою очередь, снабжает город сырьём для промышленности и средствами продовольствия. Этот нормальный процесс ныне нарушился не только вследствие расстройства транспорта, снабжения, но и вследствие нарушения равновесия между тем, что даёт город, и получает взамен того деревня»³.

¹ День. 1916. № 331. 1 декабря.

² Новое время. 1916. № 14636. 2 декабря.

³ Гольдберг А. Город и деревня // Русская воля. 1917. № 39. 9 февраля.

Большинство из возникавших проблем правительство пыталось решать традиционными способами. По мнению газеты «Русские ведомости», за 1916 г. на страну пролился такой обильный поток законов, распоряжений и циркуляров по продовольственному делу, что «систематическая сводка их заняла бы целые тома, трудно даже составить исчерпывающий перечень лиц и учреждений, занимавшихся продовольственной регулировкой»¹. Мероприятия по продовольственному делу разрабатывались Министерствами земледелия, внутренних дел и путей сообщения, особыми совещаниями по продовольствию, по транспорту и обороне, Советом министров, совещанием шести министров, Б. В. Штюмером, обладавшим «особыми полномочиями», Комитетом по борьбе с дороговизной, военными властями, губернаторами, градоначальниками, другими учреждениями и лицами. По мнению «Русских ведомостей», скромнее всего в этом деле была роль законодательных учреждений. «Распущенная на долгие каникулы Дума успела принять только неудачный закон о мясопустных днях, давший новый скачок цен и оказавшимся в значительной мере излишним по выяснении результатов сельскохозяйственной переписи»².

Государственное введение твердых цен на хлеб газетой «Новое время» было оценено в заголовке статьи: «Наивность или недобросовестность?» Издание критиковало не сами правительственные ограничения, а то, что аналогичные меры не распространялись на все основные предметы потребления деревни. Правительство своими действиями потрясло до основания свободную торговлю, «приняв на себя при этом крайне ответственную и, как оказалось, совершенно непосильную обузу – заменить чиновником громадный, веками налаженный торговый аппарат»³. Несправедливость в отношении сельских хозяев обернулась почти полным «прекращением предложений» хлеба на рынок.

¹ Русские ведомости. 1917. № 1. 1 января.

² Там же.

³ Наивность или недобросовестность? // Новое время. 1916. № 14381. 13 декабря.

На заседании бюро Центрального военно-промышленного комитета, состоявшемся 29 августа 1916 г., было заслушано сообщение по вопросу о твердых ценах на хлеб нового урожая, вырабатываемых совещанием уполномоченных по продовольственному делу. Отмечалось, что вопрос о повышении цен на хлеб обсуждался также в главном комитете Всероссийского городского союза, где был сделан вывод о колоссальном государственном значении этой проблемы и высказано соображение, что «если существующие цены будут чрезмерно повышены, как это намечается на совещании уполномоченных, то это вызовет чрезвычайное удорожание всех остальных предметов, или, иначе говоря, общее удорожание жизни, что не может не тревожить все общественные организации, заботящиеся о нуждах армии и о сохранении необходимого спокойствия в тылу»¹. Ситуация характеризовалась тем, что в Москве и в Петрограде во всех лавках висели объявления о нормированных ценах, но на все вопросы покупателей о возможности получения чего-либо по таксе следовал неизменный ответ, что требуемого продукта в продаже нет².

Управляющий Министерством земледелия А. А. Риттих 29 ноября 1916 г. подписал постановление о развёрстке зерновых хлебов и фуража, приобретаемых для потребностей, связанных с обороной. Количество зерна, подлежащее приобретению из урожая 1916 г. и запасов прежних лет, устанавливалось для каждой губернии председателем Особого совещания по продовольственному делу в соответствии с размерами урожая и запасов, а также с нормами потребления³.

Эти меры воспринимались как способ освобождения от твёрдых цен для необходимых в этом случае частных сделок. Однако министр заявил, что совершенно преждевременно говорить об их отмене, то есть твёрдые цены и

¹ Промышленность и торговля. 1916. № 36-37. 17 сентября. С. 213.

² Наивность или недобросовестность? // Новое время. 1916. № 14381. 13 декабря.

³ Русское слово. 1916. № 278. 2 декабря.

хлебная повинность не исключает одно другое, а является естественным дополнением.

Конец 1916 г. был также отмечен введением твердых цен на зерно, муку, крупу, мясо, рыбу, соль, яйца, сахар, табак, мешки¹. Сами по себе эти меры представлялись как необходимые в условиях разбалансированности хозяйства, «но в том виде и объеме, в каких они применяются, они могут только еще более запутать продовольственный вопрос»². Газета «Русское слово» отмечала, что вводимая мера представляет собой «планомерное и далеко идущее вмешательство государственной власти в экономические отношения, и какой-то насмешкой звучат голоса за отмену твёрдых цен, за свободу торговли»³. По мнению газеты, осуществление хлебной повинности с реквизицией потребует большой организационной работы: надо было подыскать склады, наладить доставку и сортировку зерна, организовать его отправку на мельницы и т.д. «Вообще с тяжелым чувством приходится решаться на новые и новые сложные и ответственные, но неотложно диктуемые жизнью операции при наличии старого механизма. Это – трагизм современного положения»⁴. Следует упомянуть ещё одну проблему, обозначенную на состоявшемся 8 декабря 1916 г. Харьковском губернском земском собрании. Там отмечалось, что «основная мысль проекта министра земледелия о поставке хлеба для нужд армии путём развёрстки между всеми производителями хлеба целесообразна, но по истечении 5-ти месяцев с момента уборки урожая она является запоздалой»⁵.

Расстройство товарообмена во многом было связано с введением запрещения вывоза продуктов. Военные власти, чтобы облегчить себе задачу выполнения поставок для армии, закрывали границы районов расположения военных округов. При этом, благодаря отсутствию точных сведений об

¹ Русские ведомости. 1917. № 1. 1 января.

² Там же.

³ Веселовский Б. Хлебная повинность // Русское слово. 1916. № 279. 3 декабря.

⁴ Там же.

⁵ Русское слово. 1916. № 284. 9 декабря.

излишках и недостатках продуктов, случалось, что из-за заготовки относительно небольшого количества зерна закрывался доступ в богатейшие хлебобобовые районы.

Поскольку административные границы губернии очень часто не совпадали с районами экономического оборота, многие города кормились хлебом из сёл и деревень не своей, а соседней губернии, а иногда еще из более отдалённых местностей. В свою очередь наблюдались случаи, когда губернии с большим количеством скота и хлеба не могли доставлять эти продукты туда, где в них чувствовалась острая нужда¹. Вся страна оказалась разделённой на большое число изолированных территорий, обмен продуктов между которыми происходил с не меньшими затруднениями, чем между самостоятельными государствами.

Возникшие и ставшие для всех очевидными, связанные с этим проблемы пытался разрешить управляющий Министерством земледелия А. А. Риттих. Он разослал телеграммы об отмене с 20 декабря 1916 г. всяких ограничений и запрещений относительно вывоза и ввоза и об отмене такс на молоко, на сливочное и вообще скоромное масло, на молочные продукты, на поросят, дичь, битую птицу, копчёные окорока, рыбу и пр. Градоначальникам предлагалось срочно и широко оповестить население о возможности свободного вывоза и ввоза этих продуктов без чьих-либо разрешений и о свободной их продаже без всякого риска реквизиции².

Московский градоначальник обратился к представителям печати и просил осветить вопрос о предоставлении подмосковным крестьянам, сельским хозяйствам и вообще «продавцам из первых рук» полной возможности торговли на всех улицах Москвы, хотя бы даже на Тверской площади. Тут же градоначальник просил осветить этот вопрос в газетах, чтобы никто не мог чем-либо стеснять подмосковных торговцев, и указал, что им уже

¹ О влиянии войны на некоторые стороны экономической жизни России. Петроград, 1916. С. 81.

² Русское слово. 1916. № 280. 4 декабря.

сделано распоряжение о воспрещении скупки продуктов скупщиками, чтобы обыватели имели действительную возможность покупать продукты непосредственно из первых рук¹.

Однако отмена запрета на вывоз продуктов оказался всего лишь своеобразным рождественским подарком, поскольку распоряжение министра не выдержало даже месячного срока существования и уже в конце декабря целый ряд уполномоченных с разрешения того же А. А. Риттиха возвратился к системе ограждения своих районов от посягательств других губерний. На тот момент, по сведениям газеты «Русские ведомости», насчитывалась до 220 уполномоченных Министерства, из которых не менее 140 были заняты исключительно заготовками различных продуктов для армии. Сеть уполномоченных по продовольствию во главе с председателем Особого совещания составляла своеобразную самостоятельную систему органов, занимавшихся продовольствием страны².

Таким образом, слабость организационных возможностей властных структур пришлось восполнять предоставлением чрезвычайных полномочий агентам Министерства земледелия. В распоряжении уполномоченных по заготовкам имелся целый арсенал мероприятий принудительного характера: твёрдые цены, реквизиция, запрещение вывоза, принудительные перевозки и, наконец, развёрстка среди населения, подлежащего заготовке продовольствия. Однако даже будущий министр внутренних дел А. Д. Протопопов летом 1916 г. на одном из частных совещаний отмечал, что «чрезмерный рост цен есть следствие малой производительности русской промышленности и отсутствия конкуренции, а не самостоятельное явление, я находил вредным для дела применяемую в широких размерах и в отношении многих предметов торговли

¹ Русское слово. 1916. № 280. 4 декабря.

² Русские ведомости. 1917. № 1. 1 января.

и промышленности систему реквизиции, секвестров и запрещений вывоза, которая убивает частную инициативу и озлобляет производителя и торговца»¹.

Помимо продуктов, твердые цены устанавливались и на другие товары, пользовавшиеся спросом у населения. Значительные потери в годы войны понесла хлопчатобумажная промышленность, поскольку «из общего числа 837 хлопчатобумажных фабрик, имевшихся до войны в России, в западных районах осталось 246 предприятий с 16,4% рабочих, дававших 20,3% стоимости валовой продукции»². Газета «День» 9 декабря 1916 г. сообщила о нормировке продажи тканей. Министр торговли и промышленности князь В. Н. Шаховской издал обязательное постановление, нормировавшее порядок продажи на частный рынок готовых хлопчатобумажных тканей. Согласно этому постановлению, фабриканты, а также лица и учреждения, выпускавшие от своего имени готовые хлопчатобумажные ткани, могли продавать их оптовым и розничным торговцам в Москве и Петрограде по ценам не выше указанных фабричных прейскурантов, утвержденных Особым хлопковым комитетом в Москве.

Продажные цены на ткани устанавливались путём процентных надбавок к ценам, объявленным предприятиями в их последних, выпущенных до 19 июля 1914 г., т.е. до объявления войны, прейскурантов. Минимальные надбавки составляли 125% (для бельевых тканей), максимальные – 170% (для платьевых тканей). При оптовых продажах хлопчатобумажных тканей вне Москвы и Петрограда с покупателей могли взиматься надбавки за провоз не выше 10%. Срок действия обязательного постановления был установлен с 7 декабря 1916 г. по 1 июня 1917 г. Виновные подвергались обычному для таких случаев наказанию – заключению в тюрьме на срок до 1 года и 4 месяцев³.

¹ Оксман Ю. «Русская воля», банки и буржуазная литература // Литературное наследство. М.: Жур.-газ. объединение, 1932. Т. 2. С. 170.

² Шигалин Г. И. Указ. соч. С. 148.

³ День. 1916. № 339. 9 декабря.

Хлопчатобумажная промышленность являлась своеобразным барометром покупательной способности населения и был произведен своеобразный показательный эксперимент с одновременным существованием твёрдых и свободных цен. Последние касались так называемого «безымянного» товара, неизвестного происхождения (т.е. помимо бельевых и платьевых тканей), по отношению к которому действие постановления было отсрочено до февраля 1917 г. В результате обязательное постановление о предельных ценах замедлило производство и распределение таксированного товара и вызвала обильный выпуск на продажу «нетоксированного безымянного»¹. Причём ткани этого рода быстро раскупались населением.

Газета «Русские ведомости», подводя итог 1916 г., охарактеризовала положение страны как «наш государственный кризис»: «Заржавленные пружины износившегося до конца правительственного механизма не могут выдержать тяжести работы, возложенной на них историей; они ломаются одна за другой. Совершенно беспримерная, всё учащающаяся смена высших должностных лиц государства, непрерывный поток хаотически чередующихся административных экспериментов, весь этот с возрастающей быстротой вертящийся перед нашими глазами "калейдоскоп" лиц и мер является несомненным признаком непоправимой поломки старой административной машины»².

О «решительной, немедленной и нелицемерной перестройке нашей власти» говорил член Государственного совета, известный промышленник П. П. Рябушинский, а его слова воспроизводила газета «Русское слово»: «На все ответственные посты как гражданские, так и военные, должны быть призваны пользующиеся общественным доверием люди, и без всякого снисхождения удалены все молодцы власти»³.

¹ Гольдберг А. Город и деревня // Русская воля. 1917. № 39. 9 февраля.

² Русские ведомости. 1917. № 1. 1 января.

³ Русское слово. 1916. № 280. 4 декабря.

В этой же газете в статье под названием «Что же дальше?» автор публикации отмечал, что на фоне расширявшейся разрухи продолжали идти «споры за власть, меняются люди, не меняется только продовольственная и вообще хозяйственно-экономическая каша <...> перед глазами мелькают раздражающие и угнетающие имена Курловых, Штюмеров, Протопопова¹. Они же, – люди, подобные им, – довели Россию до переживаемых нами тягот, и они же остаются врачами положения, сидят на вёслах и стоят на руле государственного корабля России»².

В редакционной статье от 15 декабря 1916 г. в газете «Утро России» с примечательным названием «Последние минуты» ее автор заявлял: «Именно во имя победы мы должны сказать громко: "С этим судорожно отмирающим режимом мы идем к смерти и гибели. Победы с ними не будет!"»³ В другой своей статье «Утро России» констатировала: «Единственно, чем возможно сейчас утешиться, это сознанием, что все совершающееся на наших глазах – последние, быть может, "импульсы" давно изжитого, но, увы, слишком живучего прошлого. Это цепкое прошлое, <...> дошло, видимо, до крайних пределов возможного. За этими пределами или пропасть, или резкий поворот. Других путей нет»⁴.

В тот же день в своей статье высказывало схожие мысли «Русское слово»: «Раскрылась в полной мере вся ужасная картина развала власти, обнажено было всё разлагающее влияние "скрытых и безответственных" сил. Ослепительный свет, брошенный на самые тёмные, закулисные углы власти, не мог их очистить, но он нанёс её престижу небывалый и непоправимый урон»⁵.

Московские «Русские ведомости» поместили на своих страницах рассуждения известного писателя В. Г. Короленко. Автор отмечал, что

¹ Петров Г. Что же дальше? // Русское слово. 1916. № 284. 9 декабря.

² Указ. соч.

³ Последние минуты // Утро России. 1916. № 348. 14 декабря.

⁴ Отставка А. Ф. Трепова // Утро России. 1916. № 361. 28 декабря.

⁵ Русское слово. 1916. № 288. 14 декабря.

правительство долгое время применяло неразумные репрессии, когда имело к тому и формально-«законную», и фактическую возможность. «Это вызывало и накопляло в обществе раздражение и гнев. Теперь оно пытается сделать то же, но уже без фактической возможности осуществления. Это раздражает ещё больше, раздражает даже без ближайших последствий»¹.

«Новое время» проявляло некоторую умеренность в оценках существовавшей в стране ситуации. По этому поводу иронизировала газета «День» в своей заметке «Что думать и что говорить»: «"Новое время" боится, что думать одно, а писать другое придется еще один раз»².

В то же время «Новое время» публиковало материалы, которые исходили не от самой редакции, но соответствовали ее пониманию стоявших проблем. Например, статья «Пуришкевич и правые», напечатанная 16 декабря 1916 г., содержала рассуждения о праве на критику правительственных структур даже со стороны тех, кто традиционно выступал с поддержкой любых начинаний властей: «То, что министры назначаются Государем Императором, отнюдь не означает того, чтобы министры имели право на преимущественное представительство в сущности и интересов монархии. <...> Если у нас есть свобода слова и печати, то независимые монархисты не только могут, но и обязаны следить за деятельностью назначенных чиновников и подвергать эту деятельность свободной гласности и критике, руководствуясь благом отечества»³.

Газета «День» критически оценивала деятельность верхней палаты российского парламента: «За целое десятилетие своего законодательного существования наш Государственный совет единственный раз вышел из повиновения, единственный раз возвысился до степени понимания задач переживаемого государством исторического момента и сказал нужное и

¹ Короленко Вл. Печатный станок и пишущая машина // Русские ведомости. 1916. № 289. 15 декабря.

² Что думать и что говорить // День. 1916. № 345. 14 декабря.

³ Пуришкевич и правые // Новое время. 1916. № 14650. 16 декабря.

важное слово, не сочтя возможным изолировать себя от всей страны...»¹ Далее газета рассуждала о том что немедленно вслед за этим последовали слухи о том что эта внезапная независимость не останется без последствий и бюрократы, призванные негодными для управления страной и выработки законопроектов, оказываются годными и полезными в качестве законодателей!»²

Таким образом, массовые «внепартийные» газеты, изначально преследовавшие коммерческие цели, с нарастанием внутренних проблем также оказывались в ряду оппозиционных изданий. Недовольство определенными представителями верховной власти, а также отдельными мероприятиями правительства в ходе затянувшегося военного конфликта обуславливало появление «неодобрительных» материалов на страницах и монархических изданий. Показательна в этом контексте реплика государственного контролера П. А. Харитонов на заседании Совета Министров 16 августа 1915 г., обсуждавшего вопрос о печати, которая, по словам И. Л. Горемыкина «черт знает, что такое начала себе позволять». П. А. Харитонов предложил «прихлопнуть <...> газеты разных направлений, слева и справа, – аргументировав это тем, что «"Земщина" и "Русское знамя" вредят не меньше разных "Дней", "Ранних утр" и т. п. органов». Министр иностранных дел С. Д. Сазонов добавил к сказанному: «"Новое" и "Вечернее время" тоже хороши. Я считаю их не менее вредными, чем разные листки, рассчитанные на сенсацию и тираж»³.

Даже упомянутые П. А. Харитоновым издания ярко выраженного правого толка, «Земщина» и «Русское знамя», при всех особенностях черносотенной печати в качестве исторического источника и возможных в этой связи преувеличениях в сторону оправдания действия властей, в своих

¹ Верхняя палата // День. 1916. № 345. 14 декабря.

² Там же.

³ Тяжелые дни (Секретные заседания Совета Министров – 16 июля - 2 сентября 1915 года) – А. Яхонтова / Архив русской революции. Берлин, 1926. Т. 18. С. 75-76.

публикациях периодически указывали на существование реальных проблем, в том числе и в сфере экономики. С наступлением многочисленных трудностей как на фронте, так и в тыловых территориях империи, настрой газет стал меняться, а почерпнутые массовым читателем из периодических изданий сведения интегрировались в общественное мнение.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Периодическая печать в условиях Первой мировой войны принимала самое непосредственное участие в формировании общественного мнения, которое представляло собой совокупность общественных оценок и суждений, возникавших и менявшихся у населения на протяжении войны по поводу социально значимых проблем. Основная цель исследования заключалась в анализе публикаций в периодических изданиях, которые не формально, по своим декларациям, а по реальному содержанию публикуемых материалов выступали в период войны в качестве оппозиционных, способных влиять на общественные настроения. Это в первую очередь – «информативные» газеты, с точки зрения насыщенности и качества материала, представленного на их страницах.

Идейная направленность таких изданий определялась не партийной принадлежностью, а степенью критичности по отношению к мероприятиям российского правительства по преодолению кризисных ситуаций в экономической, финансовой, в конечном счете – социальной сферах. К их числу в период Первой мировой войны относились «Русское слово», «Русские ведомости», «Утро России», «Биржевые ведомости» (утренний и вечерний выпуски), «Новое время» и «Вечернее время», «Современное слово», «День».

Проведенное исследование показало, что накануне войны российские периодические издания практически единогласно признавали имевшие место достижения России в этих сферах. Однако это не исключало обсуждение на их страницах конкретных проблем, связанных с недостатками в топливной, металлообрабатывающей, чугунолитейной промышленности. Регулярно отмечалась ими и зависимость России от ввоза продукции из-за границы.

Объектом регулярной критики на страницах газет выступала также нерешительность и несамостоятельность российских предпринимательских кругов, их стремление к получению максимальной выгоды. Российская периодическая печать активно обсуждала проблемы внешней задолженности

России, предметом разбирательств выступала политика банков в отношении долгосрочных кредитов и ссуд.

С началом военных действий в печати стали регулярно публиковаться материалы, посвященные экономической и финансовой политике правительства. Их появление было прямым следствием стремительного увеличения количества проблем в условиях войны. До определенного времени периодические издания утверждали о наличии устойчивости в российском экономическом хозяйстве. Мероприятия правительства, нацеленные на решение экономических и финансовых вопросов, оценивались по большей части позитивно. Оценки именитых экономистов и финансистов, публиковавшиеся на страницах печати, опирались не только на довоенные оптимистические прогнозы, но и на убеждении в скорой и быстрой победе Российской империи.

Периодические издания постоянно напоминали о временной перспективе, пытались составлять прогнозы по поводу экономического состояния страны в послевоенное время. Война воспринималась как период для решительного преодоления накопившихся экономических и финансовых проблем. При этом темой, постоянно встречаемой на страницах газет, являлось сравнение возможностей российского государственного аппарата в контроле над промышленностью и особенно финансами, с соответствующим потенциалом вражеских стран и государств-союзников, возможность преемственности положительного опыта уже в послевоенном устройстве страны.

Исследование подтвердило, что на протяжении войны происходил процесс постепенного приспособления российской промышленности к нуждам военного времени. Однако решение проблем запаздывало и происходило в основном за счет активного использования административного ресурса, что со временем превратилось в предмет постоянной критики со стороны периодической печати, настаивавшей на привлечении общественных сил к решению острых проблем, с которыми столкнулась страна. Через прессу,

вне ее партийной принадлежности, через критику действовавших властных структур проводилась мысль о необходимости общественного участия в управлении политическими и экономическими процессами в стране, что находило отклик у значительной части населения, проявлявшего заметную активность в деле оказания помощи семьям, призванных на войну, беженцам, раненым и т.д.

Значительное внимание пресса уделяла проблемам снабжения населения и дороговизне. Например, твёрдые цены применялись главным образом по отношению к закупкам на нужды армии или в некоторых случаях – на правительственные потребности. В этом периодическая печать видела главную причину неудач введения твёрдых цен и их вредного влияния на рынок, поскольку, не установленные в масштабах всей страны, они помогали с выгодой закупить определенное количества товара, но при этом неизбежно приводили к удвоению цен на рынке, к росту спекуляции, а в конечном счёте – к сложностям снабжения не только населения, но и армии. Этот механизм подпадал под регулярную критику периодических изданий.

До начала военных действий отсталость российского промышленного производства в ряде ключевых его отраслей не была столь очевидной из-за того, что возникавшую потребность в тех или иных областях удавалось удовлетворить за счет зарубежных поставок, в том числе и из Германии. Этому способствовал выгодный торговый договор с этой страной, доступные кредиты для российских торговцев и производителей. После начала боевых действий и с закрытием европейской границы проявилось отсутствие как предметов повседневного массового потребления, так и изделий, необходимых для обороны. Тем не менее до весенних неудач на фронте в 1915 г. публикации прессы носили в основном нейтральный характер, и лишь по мере нарастания трудностей в различных областях, по мере выяснения конкретных недостатков, которые необходимо было преодолевать, становились все более критическими.

Мобилизация промышленности, как таковая, началась в России летом 1915 г. Развернувшаяся в это время дискуссия проходила при активном участии периодической печати, материалы которой позволяют восстановить особенности выработки конкретных мер, связанных с решением реорганизации промышленного производства на новых началах.

С момента объявления этой кампании печатные издания стали отстаивать частную инициативу, приветствовали идею создания на местах военно-промышленных комитетов, одновременно критикуя темпы и результаты работы по их формированию. Процесс их учреждения и требования представителей частного капитала о расширении сферы их деятельности способствовали росту противоречий между властными структурами и обществом. Проявленная настойчивость со стороны созданных военно-промышленных комитетов, оказанная им со стороны периодической печати поддержка не только либерального, но и консервативно-правого направления, способствовали росту производительности не только частных, но и казенных предприятий.

Регулярные обзоры финансовой сферы, которые на протяжении 1915 г. появлялись на страницах оппозиционных периодических изданий, позволяют проследить нарастание текущих проблем. Печать не делала поспешных выводов о кризисе финансовой системы, отдавая себе отчет в том, что эта сфера являлась одной из наиболее болезненных с точки зрения восприятия ее со стороны населения. Следует отметить конструктивный подход большинства авторов публикаций на страницах российских газет при анализе финансово-экономических проблем. В материалах периодических изданий просматривается стремление самостоятельно найти оптимальные решения для выхода из критических ситуаций.

Однако предметом устойчивой критики являлось Министерство финансов, которое, по мнению прессы, проявляло низкий уровень профессионализма при изыскании новых источников доходов, с недостаточной оперативностью откликалось на возникавшие проблемы в

финансовой сфере. Активно критиковалась позиция правительства в отношении откладывания введения подоходного прогрессивного налога, стремление решить финансовые вопросы за счет увеличения косвенных налогов, отражавшихся на имущественном состоянии основной массы населения страны.

Ситуация резко изменилась к концу 1916 г., когда финансовые вопросы приобрели форму политических дискуссий и разногласий между верховной властью и Прогрессивным блоком. Оппозиционная печать приняла активное участие в обсуждении этих проблем, заняв сторону Государственной Думы. Усугублял положение рост цен, который зачастую был вызван не объективными причинами, а «неуклюжими» действиями правительства, как это произошло с неожиданным возникновением «сахарного голода» в стране. Периодическая печать в своей критике властных структур, неспособных обуздать нараставшие кризисные явления, стала регулярно поднимать вопрос о реорганизации самой системы управления в стране.

Таким образом, с переходом к позиционным военным действиям и с нарастанием экономических проблем публикации прессы все в большей степени сосредоточивались на проблемах, с которыми каждодневно сталкивалось население. Одновременно усиливался критический настрой печати в отношении к властным структурам. Причинами выступали серьезные социальные противоречия и рыночная ориентированность ведущих периодических изданий.

Оппозиционность периодических изданий заключалась в том, что они были способны определять и направлять отношение населения к тем или иным проблемам, непрерывно возникавшим в стране в условиях войны, заставлять власть обращать внимание на предложенные ими способы их решения через привлечение к ним внимания общества. Это осуществлялось за счёт подачи информации о происходивших событиях в своем собственном ключе, иначе,

чем она представлялась официальными структурами. «СМИ не могут указать нам, что думать, они могут только указать, что нам думать о чем-то»¹.

Таким образом, оппозиционная печать оживляла процессы, возникавшие в обществе, развивала связи с общественной сферой через целевые группы своих читателей, к которым она непосредственно обращалась.

Исследование также выявило степень участия российской периодической печати в решении ряда проблем, связанных с промышленным и финансовым кризисом, возникшим в стране в условиях Первой мировой войны. В диссертации были представлены далеко не все вопросы этой сферы и задействованы материалы только ведущих столичных изданий. За рамками исследования остались провинциальные газеты и многочисленные темы, связанные как с экономикой времен войны, так и с многочисленными социальными проблемами, вызванными ею проблемами. Вместе с тем, проделанная работа доказывает важность изучения периодической печати, ее влияния на общественное сознание населения страны, формирование публичной сферы, во многом предопределившей последующие события 1917 г. в России.

¹ Лиллекер Д. Политическая коммуникация. Ключевые концепты / пер. с англ. С. И. Остнек. Харьков: Изд-во «Гуманитарный центр», 2010. С. 40.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

НЕОПУБЛИКОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ

Карточки на сахар // Российский государственный исторический архив (далее: РГИА). – Ф. 564. – Оп. 2. – Д. 1845. – Л. 39.

Нужды сахарной промышленности // РГИА. – Ф. 564. – Оп. 2. – Д. 1845. – Л. 3.

Залежи сахара // РГИА. – Ф. 564. – Оп. 2. – Д. 1845. – Л. 9.

Дарданеллы и сахарный экспорт // РГИА. – Ф. 564. – Оп. 2. – Д. 1845. – Л. 7.

Петербургское общество заводчиков и фабрикантов. Материалы по обсуждению проекта Министерства финансов о повышении существующего обложения и введения новых налогов. 27 августа 1914 – 1 декабря 1915 г. // РГИА. – Ф. 150. – Оп. 1. – Д. 342. – Л. 7.

Совет съездов представителей промышленности и торговли // РГИА. – Ф. 32. – Оп. 1. – Д. 109. – Л. 20.

Докладная записка финансово-экономической комиссии Министерства финансов о положении государственного казначейства за время войны с Германией и Австрией до конца 1917 года и заключение по рассмотрению инструкции представителей России на Экономической конференции союзных государств в Париже // РГИА. – Ф. 32. – Оп. 1. – Д. 1855.

Военная цензура при петроградском комитете по делам печати главного управления по делам печати МВД // РГИА. – Ф. 778. – Оп. 2. – Д. 227. – Л. 1.

Доклад Коковцова В. Н. в Совет министров о бюджете России на 1913 г. // РГИА. – Ф. 966. – Оп. 2. – Д. 2.

Газетные вырезки о сахарной промышленности в России 1914–1916 гг. // РГИА. – Ф. 564. – Оп. 2. – Д. 1845.

ГАЗЕТНЫЕ И ЖУРНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Altus. Недосказанное. На повороте // Утро России. – 1915. – № 244. – 4 сентября.

Антонов С. Важные финансовые мероприятия // Новое время. – 1914. – № 13781. – 25 июля.

Антонов С. Изыскивайте средства // Новое время. – 1914. – № 13809. – 22 августа.

Ардов Т. Мобилизация печати // Утро России. – 1915. – № 173. – 25 июня.

Архангельский порт и Северная Двина // Новое время. – 1914. – № 13913. – 4 декабря.

Б. С. «На пороге "открытых дверей"!» // Русское слово. – 1914. – № 144. – 24 июня.

Без таксы // Новое время. – 1916. – № 1453. – 10 сентября.

Бикерман И. Война и бумажные деньги // День. – 1914. – № 219. – 15 августа.

Бойкот немецким товарам // Утро России. – 1914. – № 250. – 14 октября.

Борьба с дороговизной // День. – 1914. – № 205. – 1 августа.

Брут. Обходной путь // Новое время. – 1913. – № 13574. – 24 декабря.

Бюджет 1915 г. // Новое время. – 1915. – № 13968. – 30 января.

В Государственной Думе. Обсуждение бюджета // Новое время. – 1915. – № 13967. – 29 января.

В Государственном совете // Новое время. – 1915. – № 13966. – 28 января.

В Таврическом дворце. Бюджетная комиссия // Новое время. – 1915. – № 13954. – 16 января.

В. З. Экономическая неделя // Биржевые ведомости. Утренний выпуск. – 1915. – № 15073. – 7 сентября.

Васильев А. Две задачи современного финансового положения // Русские ведомости. – 1914. – № 199. – 30 августа.

Верхняя палата // День. – 1916. – № 345. – 14 декабря.

Веселовский Б. Хлебная повинность // Русское слово. – 1916. – № 279. – 3 декабря.

Внутренний заем // Русские ведомости. – 1914. – № 206. – 7 сентября.

Внутренний заем // Русские ведомости. – 1914. – № 207. – 10 сентября.

Военные займы // Новое время. – 1914. – № 13856. – 8 октября.

Война и железная промышленность // Новое время. – 1914. – № 13784. – 28 июля.

Война и московская промышленность (из беседы) // Русские ведомости. – 1914. – № 193. – 23 августа.

Война и промышленность // Новое время. – 1915. – № 14146. – 29 июля.

Всему есть мера // День. – 1914. – № 87. – 30 марта.

Гойхбарг А. Война и договоры поставки // Известия Центрального военно-промышленного комитета. – 1916. – № 117. – 7 июля.

Гольдберг А. Город и деревня // Русская воля. – 1917. – № 39. – 9 февраля.

Город и такса // Новое время. – 1916. – № 14429. – 9 мая.

Государственная роспись доходов и расходов на 1916 год // День. – 1915. – № 15181. – 31 октября.

Государственная роспись доходов и расходов на 1916 год // Русские ведомости. – 1915. – № 250. – 31 октября.

Гофштеттер В. Комитетские разговоры // Новое время. – 1915. – № 14144. – 27 июля.

Гр. Витте о финансовой политике гр. Коковцова // Русские ведомости. – 1914. – № 63. – 16 марта.

За отказ продажи дров // Утро России. – 1915. – № 286. – 18 октября.

Загорский О. Финансовые итоги и перспективы // День. – 1915. – № 3. – 4 января.

Загорский С. Бюджет 1916 г. и наша финансовая политика // День. – 1915. – № 300. – 3 ноября.

Загорский С. Подоходный налог // День. – 1915. – № 202. – 25 июля.

Задачи промышленного съезда // День. – 1915. – № 142. – 26 мая.

Заседание комитета финансов // Русские ведомости. – 1914. – 25 августа.
– Экстренное приложение к № 194.

Злободневная задача экономической политики // Новое время. – 1916. – № 14619. – 15 ноября.

К вопросу о борьбе с дороговизной // Русские ведомости. – 1915. – № 54.
– 7 марта.

К выпуску нового займа // Утро России. – 1914. – № 255. – 19 октября.

К предстоящей хлебной кампании // Новое время. – 1914. – № 13780. –
24 июля.

К предстоящей хлебной кампании // Промышленность и торговля. –
1914. – № 13 (157). – 1 июля. – С. 14-16.

Кафенгауз Л. Наша промышленность и война // Русские ведомости. –
1914. – № 171. – 26 июля.

Кафенгауз Л. Нормировка потребления // Русские ведомости. – 1915. –
№ 273. – 28 ноября.

Кафенгауз Л. Подъем или кризис // Современный мир. – 1914. – № 4. –
Апрель.

К-м. З. Восстановление нашей внешней торговли // Русские ведомости.
– 1914. – № 185. – 13 августа.

Кольцов Н. П. Финансовая реформа и общество имени А. И. Чупрова //
Утро России. – 1914. – № 327. – 31 декабря.

Командировка представителей Комитета в Прибалтийский и Северо-
Западный край // Новое время. – 1915. – № 14131. – 14 июля.

Короленко Вл. Печатный станок и пишущая машина // Русские
ведомости. – 1916. – № 289. – 15 декабря.

Кутлер Н. Об увеличении государственных доходов // Русские
ведомости. – 1914. – № 196. – 27 августа.

Лукиан. В антрактах промышленного съезда // Биржевые ведомости.
Утренний выпуск. – 1915. – № 14869. – 28 мая.

Лукиан. Очередная задача // Биржевые ведомости. Утренний выпуск. – 1915. – № 14865. – 26 мая.

Львов Л. «Трезвый бюджет» // Речь. – 1914. – № 223. – 21 августа.

Марголин С. Мобилизация промышленности // Ежегодник газеты «Речь» на 1915 год. – Пг.: Издание редакции газеты «Речь», 1915. – С. 472–480.

Меры к поддержке крестьянского хозяйства во время войны // Русские ведомости. – 1914. – № 193. – 23 августа.

Мысли В. В. Жуковского о промышленном кредите // Промышленность и торговля. – 1916. – № 36-37. – 17 сентября. – С. 198–200.

Над законом // Новое время. – 1914. – № 13754. – 28 июня.

Наивность или недобросовестность? // Новое время. – 1916. – № 14381. – 13 декабря.

Народное хозяйство во время войны // Русские ведомости. – 1914. – № 300. – 31 декабря.

Недочёты военного налога // Вечернее время. – 1915. – № 987. – 3 января.

Незаведомая ложь // Маленькая газета. – 1916. – № 334. – 15 декабря.

Новый заем // Утро России. – 1914. – № 260. – 24 октября.

О подоходном налоге // Русские ведомости. – 1914. – № 202. – 3 сентября.

Оборона и промышленность // Новое время. – 1915. – № 14202. – 23 сентября.

Общие прения по бюджету // Биржевые ведомости. – 1915. – № 14608. – 13 января.

Общие прения по бюджету // Биржевые ведомости. Утренний выпуск. – 1915. – № 14610. – 14 января.

Огановский Н. Трудная задача // Русские ведомости. – 1914. – № 200. – 31 августа.

Освобождение от немецкой промышленности // Новое время. – 1914. – № 13819. – 1 сентября.

От Государственного банка // Новое время. – 1914. – № 13683. – 17 апреля.

Отставка А. Ф. Трепова // Утро России. – 1916. – № 361. – 28 декабря.

Петров Г. Что же дальше? // Русское слово. – 1916. – № 284. – 9 декабря.

План податной реформы // Русские ведомости. – 1915. – 5 октября. – Экстренное приложение к № 227.

По поводу алчности торговцев // Киевская мысль. – 1915. – 19 февраля.

По поводу одной статьи // Петербургский курьер. – 1914. – № 68. – 29 марта.

Подписка на новый заем // День. – 1914. – № 289. – 24 октября.

Подписка на новый заем // День. – 1914. – № 290. – 25 октября.

Посещение заводов по снабжению войск Англии и союзников // Новое время. – 1916. – № 14367. – 7 марта.

Последние минуты // Утро России. – 1916. – № 348. – 14 декабря.

Посников А. Положение законопроекта о подоходном налоге // Русские ведомости. – 1916. – № 29. – 6 февраля.

Правая печать и субсидии // Биржевые ведомости. Утренний выпуск. – 1915. – № 15151. – 16 октября.

Правда и слухи // Новое время. – 1916. – № 14654. – 20 декабря.

Представители промышленности у И. Л. Горемыкина // Голос Москвы. – 1914. – № 143. – 22 июня.

Предстоящая сессия // Утро России. – 1915. – № 359. – 31 декабря.

Приостановка размена кредитных билетов на золото // Русские ведомости. – 1914. – № 171. – 26 июля.

Причины дороговизны // Новое время. – 1916. – № 14553. – 10 сентября.

Причины сахарного голода // Южный Край. – 1915. – 25 июнь.

Продовольственные ссуды городам // Русское слово. – 1915. – № 150. – 1 июля.

Промышленники у И. Л. Горемыкина // Русское слово. – 1914. – № 143. – 22 июня.

Промышленность и торговля // Новое время. – 1914. – № 13586. – 1 января.

Пуришкевич и правые // Новое время. – 1916. – № 14650. – 16 декабря.

Расширение эмиссионного права // Утро России. – 1915. – № 208. – 30 июля.

Реализация займа // Русские ведомости. — 1914. – № 249. – 29 октября.

Речь П. П. Рябушинского // Биржевые ведомости. – 1915. – 26 июля.

Роспись // Русское слово. – 1915. – № 251. – 1 ноября.

Роспись на 1916 год // Утро России. – 1915. – № 300. – 1 ноября.

Рохович Г. Я. Мировой урожай и война // Речь. – 1914. – № 190 (92859). – 17 июля.

Рохович Г. Я. Война и жатва // Речь. – 1914. – № 193 (2862). – 22 июля.

Русская фабрично-заводская промышленность в 1913 г. // Речь. – 1914. – № 354. – 31 декабря.

Русская фабрично-заводская промышленность в 1913 г. // Речь. – 1914. – 31 декабря.

Русская фабрично-заводская промышленность в 1913 г. // Утро России. – 1915. – № 1. – 1 января.

Русская фабрично-заводская промышленность в 1913 г. // Утро России. – 1915. – № 1. – 1 января.

Слухи // Утро России. – 1915. – № 181. – 3 июля.

Совещание министра финансов с членами Государственной Думы // Русские ведомости. – 1915. – № 160. – 12 июля.

Совещание о квартирных таксах // День. – 1915. – № 283. – 14 октября.

Совещание о квартирных таксах // День. – 1915. – № 283. – 14 октября.

Совещание об общей реквизиции сахара // Киевская мысль. – 1916. – № 57. – 26 февраль.

Совещание об увеличении обложения // Новое время. – 1914. – № 13810. – 23 августа.

Соколов А. Война и наше финансовое положение // Русские ведомости. – 1917. – № 1. – 1 января.

Соколов А. Война и финансовые ресурсы России // Русские ведомости. – 1914. – № 171. – 26 июля.

Соколов А. Подоходный налог // Русские ведомости. – 1915. – № 185. – 12 августа.

Спекулянты и обыватели // Новое время. – 1915. – № 14300. – 31 декабря.

Спекуляция сахарозаводчиков // Биржевые ведомости. Вечерний выпуск. – 1915. – № 14866. – 26 мая.

Ст. Ив. Печать и блок // День. – 1916. – № 151. – 4 июня.

Суррогаты общественности // Новое время. – 1916. – № 14426. – 6 мая.

Такса на молоко // Новое время. – 1916. – № 14477. – 26 июня.

Твердохлебов В. Единовременный поимущественный налог // Русские ведомости. – 1914. – № 218. – 23 сентября.

Тормозы мобилизованной промышленности // Новое время. – 1915. – № 14157. – 9 августа.

Туган-Барановский М. Народное хозяйство // Ежегодник газеты «Речь» на 1914 г. – С. 342–361.

Уголовная ответственность торговцев и промышленников за повышение цен // Известия центрального военно-промышленного комитета. – 1916. – № 117. – 7 июля.

Успехи займа // Утро России. – 1914. – № 255. – 19 октября.

Федоров М. П. Экономические последствия войны // Русские ведомости. – 1914. – № 164. – 18 июля.

Финансовое соглашение // Русские ведомости. – 1915. – № 221. – 27 сентября.

Хохлов М. А. Приятное и мрачное наследство // Новое время. – 1914. – № 13663. – 26 марта.

Хохлов М. Война и деньги // Новое время. – 1914. – № 13825. – 7 сентября.

Череп-Спиридонович А. И. Нельзя терять времени // Земщина. – 1916. – № 2359.

Что думать и что говорить // День. – 1916. – № 345. – 14 декабря.

Шингарев А. Бумажные деньги // Русские ведомости. – 1916. – № 3. – 5 января.

Шингарев А. И. Водка и государственные финансы // Русские ведомости. – 1914. – № 188. – 17 августа.

Шингарев А. Обязательная или добровольная мобилизация промышленности // Речь. – 1915. – № 184. – 7 июля.

Шингарев. А. Финансы, экономика и политика // Речь. – 1917. – № 3743. – 1 января.

Экономическая жизнь // Современное слово. – 1915. – № 2503. – 1 января.

Экономические перспективы России (Из беседы с проф. И.Х. Озеровым) // Утро России. – 1914. – № 216. – 10 сентября.

Экономический и финансовый год // Новое время. – 1914. – № 13586. – 1 января.

Экономический и финансовый год // Новое время. – 1916. – № 14305. – 5 января.

Эльди. Сахарные манипуляции // Новое время. – 1915. – № 14108. – 21 июня.

Эттингер Ф.В. Борьба за самостоятельность // Новое время. – 1914. – № 13826. – 8 сентября.

Юс. Мобилизация промышленности // Утро России. – 1915. – № 140. – 23 мая.

[Без авт.] Вечернее время. – 1915. – № 1129. – 27 мая.

[Без авт.] Вечернее время. – 1915. – № 997. – 13 января.

[Без авт.] Голос Москвы. – 1914. – № 227. – 3 октября;

[Без авт.] Голос Москвы. – 1914. – № 237. – 15 октября;

[Без авт.] Голос Москвы. – 1914. – № 238. – 16 октября.

- [Без авт.] День. – 1915. – № 300. – 31 октября.
- [Без авт.] День. – 1916. – № 331. – 1 декабря.
- [Без авт.] День. – 1916. – № 335. – 5 декабря.
- [Без авт.] День. – 1916. – № 339. – 9 декабря.
- [Без авт.] Известия Московского военно-промышленного комитета. – 1916. – № 23–24. – С. 175.
- [Без авт.] Известия Саратовской городской думы. – 1915. – № 4 июль-сентябрь. – С. 80.
- [Без авт.] Киевлянин. – 1914. – № 94. – 4 апреля.
- [Без авт.] Киевская мысль. – 1915. – 2 июня.
- [Без авт.] Киевская мысль. – 1916. – 10 февраля.
- [Без авт.] Маленькая газета. – 1915. – № 287. – 18 октября.
- [Без авт.] Московские ведомости. – 1915. – № 128. – 5 июня.
- [Без авт.] Новое время. – 1915. – № 14016. – 19 марта.
- [Без авт.] Новое время. – 1915. – № 14027. – 31 марта.
- [Без авт.] Новое время. – 1915. – № 14081. – 25 мая.
- [Без авт.] Новое время. – 1915. – № 14111. – 24 июня.
- [Без авт.] Новое время. – 1915. – № 14139. – 22 июля.
- [Без авт.] Новое время. – 1916. – № 14381. – 21 марта.
- [Без авт.] Новое время. – 1916. – № 14385. – 25 марта.
- [Без авт.] Новое время. – 1916. – № 14400. – 9 апреля.
- [Без авт.] Новое время. – 1916. – № 14466. – 15 июня.
- [Без авт.] Новое время. – 1916. – № 14491. – 10 июля.
- [Без авт.] Новое время. – 1916. – № 14517. – 5 августа.
- [Без авт.] Новое время. – 1916. – № 14619. – 15 ноября.
- [Без авт.] Новое время. – 1916. – № 14636. – 2 декабря.
- [Без авт.] Новое время. – 1916. – № 14309. – 9 января.
- [Без авт.] Петроградский курьер. – 1915. – № 479. – 26 мая.
- [Без авт.] Промышленность и торговля. – 1915. – № 13.
- [Без авт.] Промышленность и торговля. – 1916. – № 36–37. – 17 сентября.

[Без авт.] Речь. – 1914. – № 168. – 23 июня.

[Без авт.] Речь. – 1915. – № 132. – 16 мая

[Без авт.] Речь. – 1915. – № 142. – 26 мая.

[Без авт.] Речь. – 1915. – № 64. – 7 марта.

[Без авт.] Речь. – 1915. – №. 278. – 9 октября.

[Без авт.] Русские ведомости. – 1914. – № 170. – 25 июля.

[Без авт.] Русские ведомости. – 1914. – № 188. – 17 августа.

[Без авт.] Русские ведомости. – 1914. – № 218. – 23 сентября.

[Без авт.] Русские ведомости. – 1915. – № 119. – 26 мая.

[Без авт.] Русские ведомости. – 1915. – № 160. – 12 июля.

[Без авт.] Русские ведомости. – 1915. – № 166. 2– 0 июля.

[Без авт.] Русские ведомости. – 1915. – № 167. – 21 июля.

[Без авт.] Русские ведомости. – 1915. – № 184. – 11 августа.

[Без авт.] Русские ведомости. – 1915. – № 207. – 10 сентября.

[Без авт.] Русские ведомости. – 1915. – № 235. – 14 октября.

[Без авт.] Русские ведомости. – 1915. – № 245. – 25 октября.

[Без авт.] Русские ведомости. – 1915. – № 250. – 31 октября.

[Без авт.] Русские ведомости. – 1915. – № 270. – 25 ноября.

[Без авт.] Русские ведомости. – 1916. – № 38. – 17 февраля.

[Без авт.] Русские ведомости. – 1917. – № 1. – 1 января.

[Без авт.] Русское слово. – 1914. – № 175. – 31 июля.

[Без авт.] Русское слово. – 1916. – № 277. – 1 декабря.

[Без авт.] Русское слово. – 1916. – № 278. – 2 декабря.

[Без авт.] Русское слово. – 1916. – № 280. – 4 декабря.

[Без авт.] Русское слово. – 1916. – № 284. – 9 декабря.

[Без авт.] Русское слово. – 1916. – № 288. – 14 декабря.

[Без авт.] Современное слово. – 1915. – № 2515. – 14 января.

[Без авт.] Утро России. – 1914. – № 271. – 4 ноября.

[Без авт.] Утро России. – 1915. – № 150. – 2 июня.

[Без авт.] Утро России. – 1915. – № 181. – 3 июля.

[Без авт.] Утро России. – 1915. – № 286. – 18 октября.

[Без авт.] Биржевые ведомости. – 1913. – № 13861. – 17 ноября.

[Без авт.] Биржевые ведомости. Утренний выпуск. – 1915. – № 14869. – 28 мая.

[Без авт.] Биржевые ведомости. Утренний выпуск. – 1915. – № 14975. – 20 июля.

ОПУБЛИКОВАННЫЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ АКТЫ

О продлении воспрещения продажи спирта, вина и водочных изделий для местного потребления в Империи до окончания военного времени. 22 августа 1914 г. // Важнейшие законы, указы и распоряжения военного времени: в 2 т. – Пг., 1915–1916. – Т. 1. – С. 170–171.

Об отдалении срока возобновления занятий Государственного Совета и Государственной Думы // Собрание узаконений и распоряжений правительства. – 24 Ноября 1915 г. – № 332. – Ст. 2472.

Об утверждении правил предоставления гарантии Государственного Казначейства по городским земским займам в частных кредитных учреждениях для операций по снабжению населения продовольствием и топливом и выдачи городам и земствам ссуд из казны на тот же предмет // Собрание узаконений и распоряжений Правительства, издаваемое при Правительствующем Сенате. Отдел Первый. – 22 декабря 1915. – № 367. – Ст. 2755.

Полное собрание законов Российской империи (далее: ПСЗРИ). – Собр. 3-е – Т. 1. (1881). – № 350. Высочайше утверждённое положение о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия. – С. 261–266.

ПСЗРИ. – Собр. 3-е. – Т. 15 (1895). – № 12166. О некоторых мерах относительно сахарной промышленности. – С. 623–625.

ПСЗРИ. – Собр. 3-е. – Т. 23 (1903). – № 22951. Об изменении и дополнении действующих узаконений о сахарной промышленности. – С. 511–513.

ДОКУМЕНТЫ ДЕЛОПРОИЗВОДСТВА

Всеподданнейший отчет о деятельности Государственного совета за сессии 1913–1914 гг. – СПб., 1914. – 123 с.

Всеподданнейший отчет Председателя Совета Министров и Министра Финансов В. Н. Коковцева о поездке его за границу. 19 Ноября 1913 г. // Материалы по истории франко-пруссских отношений за 1910–1914 гг.: Сб. секретных дипломат. док. – М., 1922. – 887 с.

Высочайше утвержденное положение Совета Министров // Новое время. – 1914. – № 13781. – 25 июля.

Дополнения к законопроекту о подоходном налоге // Биржевые ведомости. Утренний выпуск. – 1915. – № 14983. – 24 июля.

Журналы Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства (Особое совещание по обороне государства). 1915–1918: в 3 т. – М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2013. – Т. 1. – 559 с.

Особые журналы Совета министров Российской империи 1909–1917 гг. 1914 год. – М., 2006. – С. 365.

Особые журналы Совета министров Российской империи, 1909 – 1917 гг. 1915 год. / Отв. сост. Б. Д. Гальперина. – М.: РОССПЭН, 2008. – 714 с.

Проект государственной росписи доходов и расходов на 1915 год с объяснительной запиской министра финансов. – Пг., 1914. – С. 34–36.

Совет съездов представителей биржевой торговли и сельского хозяйства. Отчет Совета съездов о его деятельности за 1915 г. – Пг., 1916. – 159 с.

ВОСПОМИНАНИЯ И ДНЕВНИКИ

Барк П. Л. Воспоминания последнего министра финансов Российской империи. 1914–1917: в 2 т. – М.: Кучково поле ; Мегapolis, 2017. – Т. 1. – 496 с.

Поливанов А. А. Из дневников и воспоминаний по должности военного министра и его помощника. 1907–1916 г. – М.: Высший военный редакционный совет, 1924. – Т. 1. – 240 с.

Тяжелые дни (Секретные заседания Совета Министров – 16 июля – 2 сентября 1915 года) – А. Яхонтова // Архив русской революции. – Берлин, 1926. – Т. 18. – 136 с.

Яхонтов Арк. Первый год войны (июль 1914 – июль 1915 г.). Записи, заметки, материалы и воспоминания бывшего помощника управляющего делами Совета министров. Водная статья и комментарии Р. Ш. Ганелина и М. Ф. Флоринского // Русское прошлое. Историко-документальный альманах. – Книга 7. – СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 1996. – С. 245–348.

ЛИТЕРАТУРА

Алексеев В. П. Самодержавие и общественное мнение. – Ростов на Дону : Н. Парамонов «Донская речь», 1906. – 24 с.

Алферова И. В., Блохин В. Ф. «Пределы возможного»: практики административных взысканий в отношении российской периодической печати в начале XX века // Научный диалог. – 2023. – Т. 12. – № 10. – С. 248–264.

Ахмадулин Е. В. Пресса политических партий России начала XX века: издания консерваторов. – Ростов на Дону: Изд-во «Книга». 2001. – 132 с.

Белогурова Т. А. Русская периодическая печать и проблемы внутренней жизни страны в годы Первой мировой войны (1914 – февраль 1917 гг.). – Смоленск: ФГУ «Смоленский ЦНТИ», 2006. – 130 с.

Беляев С. Г. Государственный бюджет России в годы Первой мировой войны // На пути к революционным потрясениям: экономика, государственный строй и социальные отношения в России второй половины XIX – начала XX века. – СПб. : Nestor-Historia, 2001. – С. 299–310.

Бережной А. Ф. Русская легальная печать в годы Первой мировой войны. – Л., 1975. – 152 с.

Бернейс Эдвард Л. Кристаллизация общественного мнения. Пер. с английского Н. А. Коневской, Н. М. Макаровой. – М. ; Санкт-Петербург, 2019. – 272 с.

Блюх И. С. Будущая война и её экономические последствия. – СПб., 1893. – 851 с.

Блохин В. Ф. «Мануфактурная свистопляска»: проблемы снабжения армии и населения обувью в Минском военном округе периода Первой мировой войны // Россия в эпоху политических и культурных трансформаций. Сб. научных статей. – Брянск: Издательство «Курсив», 2017. – Выпуск 3. – С. 82–92.

Боханов А. Н. Буржуазная пресса России и крупный капитал: конец XIX в. – 1914 г. – М. : Наука, 1984. – 148 с.

Букишпан Я. М. Военно-хозяйственная политика. Формы и органы регулирования народного хозяйства за время мировой войны 1914 – 1918 г. – М. ; Л.: Государственное издательство, 1929. – 542 с.

Булдаков В. П. Quo vadis? Кризисы в России: Пути переосмысления / Серия: Россия. В поисках себя... – М.: РОССПЭН. 2007. – 204 с.

Булдаков В. П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. – М.: РОССПЭН, 2010. Изд. 2-е, доп. Фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина». – 967 с.

Булдаков В. П. Слухи, эмоции, большевизм // Вестник Тверского государственного университета. – 2023. – № 3. – С. 5–21.

Булдаков В. П. Страсти революции. Эмоциональная стихия 1917 года. – М.: Новое литературное обозрение, 2024. – 432 с.

Вертинский Н. С. Газета в России и СССР: XVII – XX вв. – М.; Л.: Государственное социально-экономическое изд-во, 1931. – 168 с.

Волобуев П. В. Монополистический капитализм в России и его особенности. – М., 1956. – 48 с.

Гапоненко Л. С. Рабочий класс России в 1917 году. Ин-т истории СССР. – М.: Наука, 1970. – 579 с.

Гляйсберг Г. О концентрации печати и манипулировании общественным мнением. Пер. с немецкого. – М.: Издательство «Прогресс», 1974. – 175 с.

Гольцендорф Ф. Общественное мнение. Пер. с нем. Н. О. Бера. – Санкт-Петербург, 1895. – 124 с.

Горбачёв И. А. Хозяйство и финансы военно-промышленных комитетов. – М.: Типография товарищества Рябушинских, 1919. – 44 с.

Горшков М. К. Общественное мнение: История и современность. – М.: Политиздат, 1988. – 382 с.

Гросул В. Я. Общественное мнение в России XIX века. – М.: АИРО-XXI, 2013. – 560 с.

Гулевич А. Война и народное хозяйство. – СПб., 1898. – 188 с.

Дементьев Г. Государственные доходы и расходы России и положение государственного казначейства за время войны с Германией и Австро-Венгрией до конца 1917 г. – Пг., 1917. – 54 с.

Доклад И. И. Левина «Проблема финансовой боевой готовности и финансовая боевая готовность России», 18 февраля 1914 г. // Известия Общества финансовых реформ. – Пг., 1914. – № 9. – 59 с.

Дякин В. С. Русская буржуазия и царизм в годы Первой мировой войны. (1914 – 1917). – Л., 1967. – 366 с.

Есин Б. И. Русская газета и газетное дело в России. Задачи и теоретико-методологические принципы изучения. – М.: Издательство Московского университета, 1981. – 132 с.

Есин Б. И. История русской журналистики (1703 – 1917): учебно-методический комплект: учебное пособие: хрестоматия: темы курсовых работ: для студентов-журналистов и филологов / Б. И. Есин. – 4-е изд. стер. – М.: Флинта, 2012. – 463 с.

Жирков, Г. В. От «народной» войны к народной трагедии: история русской журналистики 1914–1917 годов : учеб. пособие / Г. В. Жирков. – СПб.: С.-Петерб. гос. ун-т, Высш. шк. журн. и мас. коммуникаций, 2012. – 97 с.

Из истории журналистики конца XIX – начала XX века. / Под ред. Б. И. Есина. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1973. – 267 с.

Караваева И. В. Российское промышленное производство в годы Первой мировой войны // Военная экономика России в первой половине XX столетия. – М.: Институт экономики РАН, 2006. – 224 с.

Кафенгауз Л. Б. Эволюция промышленного производства России. – М.: Эпифания, 1994. – 848 с.

Каценеленбаум З. Война и русский рубль // Труды Комиссии по изучению современной дороговизны. – М.: Гор. тип., 1915. – Выпуск 2. – 297 с.

Керженцев П. М. Газета. Ее организация и техника. – М.: Изд-во ВЦИК, 1919. – 158 с.

Китанина Т. М. Война, хлеб и революция: (Продовольственный в России. 1914 – октябрь 1917 г.). – Л.: Наука, 1985. – 384 с.

Китанина Т. М. Россия в Первой мировой войне. 1914–1917 гг. Экономика и экономическая политика. В 2 ч. Ч. I: Экономическая политика царского правительства в первые годы войны. 1914 – середина 1916 г. – СПб., 2003. – 146 с.

Китанина Т. М. Хлебная торговля России в конце XIX – начале XX века: стратегия выживания, модернизационные процессы, правительственная политика. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2011. – 594 с.

Китанина Т. М. Россия в Первой мировой войне 1914 – 1917 гг.: экономика и экономическая политика. Курс лекций. – СПб.: ИЦ «Гуманитарная академия», 2016. – 352 с.

Клаус Р. Война и народное хозяйство России (1914 – 1917 гг.). – М. ; Л.: Государственное военное издательство, 1926. – 117 с.

Коваленко Н. А. К вопросу о либерально-реформистском пути развития постсамодержавной и постсоветской России // Научный вестник МГТУ ГА. – 2012. – № 182. – С. 7–12.

Кондратьев Н. Д. «Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции». – М.: «Наука», 1991. – 487 с.

Кондратьев Н. Д. Избранные сочинения. – М. : Экономика, 1993. – 542 с.

Кондратьев Н. Д. Большие циклы конъюнктуры и теория предвидения. Избранные труды. – М. : Экономика, 2002. – 765 с.

Корелин А. П. С. Ю. Витте и бюджетно-финансовые реформы // Отечественная история. – 1999. – № 3. – С. 42–63.

Кузовков Д. Основные моменты распада и восстановление денежной системы. – М: Издательство Коммунистической академии, 1925. – 485 с.

Кюнз П. А. Мобилизация экономики и частный бизнес в России в годы Первой мировой войны. – М., 2012. – 240 с.

Лаверычев В. Я. По ту сторону баррикад. (из истории борьбы московской буржуазии с революцией). – М.: Мысль, 1967. – 288 с.

Лаверычев В. Я. Царизм и рабочий вопрос России. (1861–1917 гг.). – М.: Мысль, 1972. – 340 с.

Лаверычев В. Я. Военный государственно-монополистический капитализм в России. – М. : Наука, 1988. – 355 с.

Лейберов И. П., Шкаратан О. И. К вопросу о составе петроградских промышленных рабочих в 1917 году // Вопросы истории. – 1961. – № 1. – С. 42–58.

Лиллекер Д. Политическая коммуникация. Ключевые концепты / пер. с англ. С. И. Остнек. – Харьков: Изд-во «Гуманитарный центр», 2010. – 300 с.

Липпман Уолтер. Общественное мнение. Пер. с англ. Т. В. Барчуновой. – М. : Ин-т Фонда «Обществ. Мнение», 2004 (ППП Тип. Наука). – 382 с.

Маевский И. В. Экономика русской промышленности в условиях Первой мировой войны. – М., 1957. – 392 с.

Менделеев А. Г. Жизнь газеты «Русское слово»: Издатель. Сотрудники. – М.: РОССПЭН, 2001. – 205 с.

Мижухев П. Г. Несколько слов по поводу статистики периодической печати в России и за границей // Сборник статей по истории и статистике русской периодической печати 1703–1903. К 200-летию выхода первой русской газеты. – Санкт-Петербург: Русское библиол. о-во, 1903. – С. 307–311.

Народное хозяйство в 1916 г. Вып. 5-6. – Пг.: Гос. тип., 1921. – 108 с.

О влиянии войны на некоторые стороны экономической жизни России. – Пг., 1916. – 516 с.

Оболенская С. В. Франко-прусская война и общественное мнение Германии и России / С. В. Оболенская; АН СССР, Ин-т всеобщей истории. – М. : Наука, 1977. – 336 с.

Общественное мнение: История и современность. – М. : Политиздат, 1988. – 382 с.

Оксман Ю. «Русская воля», банки и буржуазная литература // Литературное наследство. – М.: Жур.-газ. объединение, 1932. – Т. 2. – 266 с.

Омельченко К. Большевистская печать. – М.: Гос. изд. полит. литературы, 1939. – 102 с.

Оськин М. В. Хлеб для фронта: продовольственное и фуражное снабжение русской армии в период Первой мировой войны и революции (1914 – октябрь 1917). – Тула: ООО Аквариус, 2018. – 596 с.

Паняшин А. А., Петровичева Е. М. Решение продовольственного вопроса в годы Первой мировой войны в период с августа 1914 по февраль

1917 г. // Вестник Костромского государственного университета. – 2025. – Т. 31. – № 1. – С. 132–137.

Погребинская В. А. Формирование принципов мобилизационной экономики в годы Первой мировой войны // Первая мировая война: влияние на экономику России и мира. – М., 2016. – 200 с.

Погребинский А. П. Военно-промышленные комитеты. // Первая мировая война: влияние на экономику России и мира: Коллективная монография. – М.: Экономический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова. ТЕИС, 2016. – 200 с.

Покровский Н. Н. О подоходном налоге. – Пг. : Редакция периодических изданий Министерства финансов, 1915. – 127 с.

Поликарпов В. В. Русская военно-промышленная политика. 1914 – 1917. Государственные задачи и частные интересы. – М.: ЗАО Издательство Центрполиграф, 2015. – 383 с.

Потапов Н. М. Печать и война. С предисловием И. М. Подшивалова. – М. ; Л.: Гос. воен. изд-во, 1926. – 84 с.

Пресса и общественное мнение / В. С. Коробейников, В. Т. Давыдченков, В. А. Мансуров и др. – М. : Наука, 1986. – 204 с.

Прокопович С. П. Война и народное хозяйство. 2-е издание. – М., 1918. – 264 с.

Пронин Е. И. Печать и общественное мнение. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1971. – 132 с.

Пушкарёва И. М. Финансовое положение России. 1914–1917 г. (заметки на полях исторических трудов) // Научные ведомости. – Серия: История. Политология. – 2018. – Том 45. – № 4. – Часть 1. – С. 722–734.

Раскин Д. И., Рябова Л. К. Периодическая печать России как исторический источник: учебное пособие. – СПб.: Лема, 2022. – 100 с.

Россия в годы Первой мировой войны: экономическое положение, социальные процессы, политический кризис / отв. ред. Ю. А. Петров. – М., 2014. – 982 с.

Россия. 1913 год. Статистическо-документальный справочник. – СПб.: Блиц, 1995. – 413 с.

Русская периодическая печать (1895 – октябрь 1917). – М.: Государственное издательство политической литературы, 1957. – 352 с.

Савастенко Р. А. Российская периодика в начале XX века и ее участие в общественно-политической жизни страны // Вестник РУДН. Сер.: Литературоведение, журналистика. – 2013. – № 4. – С. 112–121.

Сидоров А. Л. Финансовое положение России в годы первой мировой войны. – М., 1960. – 579 с.

Сидоров А. Л. Экономическое положение России в годы Первой мировой войны. – М.: Наука, 1973. – 655 с.

Симонова Н. Б. Система периодической печати России (вторая половина XIX – начало XX в.). – Новосибирск, 2009. – 132 с.

Синиченко В. В. Особое совещание как институт чрезвычайного управления Российской империей в годы Первой мировой войны // Сибирский юридический вестник. – 2021. – № 4 (95). – С. 34–40.

Стогов Д. И. Русская правая периодическая печать в годы Первой мировой войны // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. – 2011. – № 1. – С. 101–112.

Страхов В. В. К вопросу о финансовой политике царского правительства в годы Первой мировой войны // Вестник Рязанского государственного педагогического университета им. С. А. Есенина. – 2001. – № 1 (6). – С. 69–84.

Судейкин В. Т. Война и наша финансовая политика. – Пг.: типография т-ва «Екатерингофское печатное дело», 1915. – 84 с.

Тарновский К. Н. Советская историография российского империализма. – М., 1964. – 244 с.

Тарновский К. Н. В преддверии Октября // Наука и жизнь. – 1987. – № 10. – С. 74–81.

Толчинская Т. И. Печать в борьбе за общественное мнение в России в 1900 –1930-х годах: традиции и особенности исторической эволюции (на

примере центральных и региональных газет). – Пятигорск: РИА-КМВ, 2014. – 152 с.

Туган-Барановский М. И. Влияние войны на народное хозяйство России, Англии и Германии // Вопросы мировой войны. Сб. статей. – Пг., 1915. – 675 с.

Туманова А. С. Исторический опыт развития гражданского общества в позднеимперской и советской России и современные тенденции гражданской самоорганизации // Гражданское общество в России и за рубежом. – 2013. – № 2. – С. 26–30.

Фонотов А. Г. Россия от мобилизационного общества к инновационному. – М., 1993. – 272 с.

Фридман М. И. Организация финансов для победы // Биржевые ведомости. Утренний выпуск. – 1915. – № 14975. – 20 июля.

Хвостов В. М. Общественное мнение к политической партии. – М. : т-во И.Д. Сытина, 1906. – 63 с.

Худокормов А. Г. Отечественная экономическая мысль межвоенного периода. Достижения и уроки // Первая мировая война: влияние на экономику России и мира: Коллективная монография. – М.: Экономический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова, 2016. – С. 139–147.

Цехановский М. Ю. Исторический обзор свекло-сахарной промышленности (1800 – 1904). – Киев, 1904. – 54 с.

Шаров П. Влияние экономики на исход мировой войны. 1914 – 1918. – М.; Л.: Государственное издательство, отдел военной литературы, 1928. – 174 с.

Шарков Ф. И. Медиаполитика и общественное мнение в медиапространстве. – М., 2023. – 212 с.

Шевцов А. В. Издательская деятельность русских несоциалистических партий начала XX века. – СПб.: Изд-во РНБ, 1997. – 315 с.

Шевырин В. М. Власть и общественные организации в России (1914 – 1917): Аналитический обзор. – М.: РАН. ИНИОН, 2003. – 152 с.

Шигалин Г. И. Военная экономика в Первую мировую войну (1914–1918 гг.). – М.: Воениздат, 1956. – 332 с.

Gatrell Peter. Russia's First World War: A Social and Economic History. – Harlow, England: Longman, 2005. – 318 p.

АВТОРЕФЕРАТЫ И ДИССЕРТАЦИИ

Антонов-Овсеенко А. А. Роль периодической печати в формировании общественного сознания в России в 1917 г.: диссертация ... доктора филологических наук. – Тверь, 2013. – 400 с.

Белогурова Т. А. Отражение общественных настроений в российской периодической печати 1914 – февраля 1917 гг.: автор. диссер. ... канд. исторических наук. – Брянск, 2006. – 28 с.

Летенков Э. В. Печать и капитализм в России конца XIX – начала XX века: экономический и социальный аспекты капитализации печати: диссер. ... доктора исторических наук. – Ленинград, 1988. – 403 с.